

Михаил Макаров

**ЗОНА
КОМФОРТА**

Михаил Макаров

Зона Комфорта

«Э.РА»

2022

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Макаров М.

Зона Комфорта / М. Макаров — «Э.РА», 2022

ISBN 978-5-907291-67-6

Фантазии убежать от реальности в прошлое живут в каждом человеке. Даже в давно повзрослевшем. Подобная мечта сбывается у Михаила Маштакова. Он попадает в 1919 год на территорию, занятую Добровольческой армией генерала Деникина в разгар её похода на большевистскую Москву. Маштаков поставлен в строй Корниловского ударного полка. Инстинкт самосохранения заставляет бывшего опера уголовного розыска адаптироваться в белогвардейской среде, которая на поверку оказывается начисто лишённой киношного лоска и книжного благородства. Зато в новом ареале обитания в избытке солёного солдатского пота, густой окопной грязи, а также крови — чужой и своей.

УДК 821

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-907291-67-6

© Макаров М., 2022

© Э.РА, 2022

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Часть вторая. Импровизации	69
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Михаил Макаров

Зона комфорта

© Макаров М. Ю., 2022 г.

* * *

Предисловие

Откорректированный, отредактированный и многожды вычитанный текст книги был готов для передачи в печать, и тут меня осенило. Необходимо предисловие! Надо объяснить читателю – вкратце, пространных преамбул никто не читает – почему я вдруг сменил жанр, и что это вообще за жанр: «Фантазии на белогвардейскую тему».

Всё просто. «Фантазии» – потому что заимствованное слово «фэнтэзи» царапает мне слух, равно как и термин «попаданец», вызывающий ассоциацию с одним умеренно неприличным словом.

Эту книгу я начал писать летом 1998 года в крайне трудный для меня период жизни. В ходе жёсткого противостояния с организованной преступностью я пропустил удар. Криминальная структура поставила мне, многоопытному к тому времени сотруднику прокуратуры, «шах». Я понимал, что ситуация повлечёт для меня серьёзные потери, вопрос был в их масштабах. Последствия напрямую зависели от моего самообладания.

И тогда, дабы не впасть в уныние, я в фантазиях переместился вслед за своим персонажем в далёкий 1919 год. Нехитрый психологический приём помог мне выстоять.

Новым форматом я надеюсь привлечь читателей, интересующихся трагическими событиями гражданской войны в России.

Оговорюсь, что жанр позволяет мне не придерживаться добуквенной исторической канвы.

Вместе с тем я рассчитываю сохранить аудиторию, ждущую от меня новых полицейских романов. Ведь, оказавшись в прошлом, главный герой «Зоны комфорта», знакомый читателям по романам «В понедельник дела не делаются» и «Эффект присутствия», останется сыщиком по своему духу. А повествование от первого лица позволит заглянуть в самые потаённые уголки его мятущейся души и прошлой жизни.

Желаю приятного чтения! Очень надеюсь не разочаровать.

Автор

Часть первая Абстиненция

1

Я боялся пробуждения.

Я достоверно знал, каким мучительным оно придёт. Каюсь, но просыпаться со страшного похмелья для меня дело заурядное.

Почти полтора месяца (сорок суток и ещё двое, если быть скрупулёзным) пребывал я в полной завязке! Ни пивка себе не позволял, ни сухонького даже. За этот светлый промежуток у меня крылья прочкнулись под лопатками, как у тётки архангела. Нимб над головой включился неоновый, дневного освещения...

И вдруг на тебе – по самое «не балуй»:

– Сектор «банкрот»! Все ваши очки сгорают!

Я не выживу сегодня... Сдохну... загнусь... склею ласты...

Я попытался удержаться в тёплой волне сна, в зыбком мире иллюзий, где хоть рваное, но забытье, но мне снова начали мерещиться бутылки-непроливайки с лимонадом, из которых сколько ни пытайся, не напьешься. Стали скалиться глумливо вурдалачьи рожи с дрожащими фиолетовыми языками. толстыми, нагло вываленными. Помоечное содержимое рта душило. Мочевой пузырь напрягся до звона.

Но я не в силах был подняться и отворить гульфик. Почему-то, когда на клапан давит совсем неважно, во сне обязательно начинает в цветах и красках рисоваться соответствующий физиологический процесс. Вот только желаемого облегчения он не приносит.

– За что мне эти муки, Го-о-осподи!?

Риторический вопрос получился идиотским. За какие грехи – я ведал доподлинно. А к мукам абстиненции (моральным и физическим) с моим питейным стажем пора было привыкнуть.

Из чёрного похмелья, с самого его илистого дна наверх только два пути ведут – экстенсивный и интенсивный. Как два способа развития экономики в курсе политэкономии капитализма, который на первом курсе юрфака читал нам одноглазый профессор Голубятников.

Экстенсивный – суть стоическое противление накаत्याющей рвоте, кружению головному и сердечному жиму. Выздоровление тут приползает медленное и невыносимое. На улитках приползает, на черепахах...

Сегодня что у нас на календаре? Суббота? К утру понедельника я оклемаюсь. Наверное...

В интенсивном русле куда живее и интереснее – кружка пива, сто грамм водки, в штыки, как матрос Железняк, пробивающиеся сквозь горловые спазмы в утробу... Чудесное превращение едкой жидкости в живую воду из сказки... И как скорое следствие – прояснение мозговых закоулков, настройка резкости и звука, возвращение любви к жизни, обретение наглой иронии. И необходимость принять ещё. Тогда главное – вовремя остановиться, дабы не кувырнуться в новый загул. Тут ведь правило старое воровское работает: вход – рубль, выход – два! А торможу я плохо.

В похмельном состоянии у меня наступает паралич воли, даже мысли – глушеные и куцые – начинают буксовать.

Самые нелепые, без продолжений:

– ...тогда я снял с неё... и тогда с неё снял... и тогда...

Я ненавижу себя в подыхающем состоянии. Хотя обычно (как большинство людей) я себе симпатичен, а в поддатом виде я собою горжусь и почти восхищаюсь.

Но сейчас, собирая обрывки воспоминаний вчерашней... – отставить! – сегодняшней ночи, я хотел тихо, без покаяния отойти в лучший из миров.

Мучительно кривясь, восстановил в памяти первопричину падения. Как и в нечитанном мною Евангелии вначале было слово.

– Не-е, так не катит! – категорично заявил начфин полка Лёва Скворцов, когда я намеревался по-тихому слинять после строевого смотра с «пайковыми»¹ на кармане.

– Я не понимаю, товарищи офицеры! – на весь плац возмутился Лёва. – Существуют же элементарные правила приличия! Сколько можно тянуть с пропиской? Пятница, по-моему, подходящее время про-ставиться наконец товарищам по оружию?! Мы, понимаешь, презентик ему приготовили...

Мордатый майор Ищенко, командир третьей батареи, первый в полку халявщик, пани-братски хлопнул меня по плечу:

– На второй «мерс», что ли, копишь, Ми-щца?

Ищенко и остальные прекрасно знали, что у меня даже велосипеда в собственности не имеется. Только хронические долги, алименты на двоих детей и комната в общежитии экскаваторного завода. Правда, наличествует ещё собранная за двадцать лет библиотека из семисот книг, большую часть исторических, спросом у массового читателя не пользующихся.

Я бы легко отбрехался на Лёвкины притязания, но я не выношу, когда разные жлобы называют меня «Ми-щцей» да ещё упрекают в скаредности.

Страхнув с плеча тяжёлую руку Ищенко, я обернулся к Скворцову:

– Куда покатим? В «Радугу» или в «Ладу»?

Одобрительный гомон сослуживцев был мне ответом.

Начали с ближайшего вертепа. «Радуга» после ремонта приняла почти респектабельный вид. Теперь в зал вояк в бушлатах и комбезах не пускали, окна были увиты яркими пластмассовыми цветами, а столы застелены скатертями. Вместо обрезанных жестяных баночек из-под «пепси-колы» стояли настоящие пепельницы.

Нас набралось целых одиннадцать офицеров и поэтому пришлось сдвигать столы, предварительно преодолев ворчание официантки Ритули.

Заказали каждому по салату, по шашлык и две бутылки водки. Ещё четыре пузыря и десять пива были предусмотрительно закуплены по дороге. Положив перед собой меню и изо всех сил сосредоточившись, я, пока трезвый, пытался в уме просчитать стоимость заказа. Вывести точную сумму не удалось, но, обмирая сердцем, я понял, что вряд ли умещусь в пять сотен. Ещё на повестке дня стояла задача не пойти вразнос.

– Я за тобой буду следить, – угадал мое беспокойство Скворцов, – добавлять не дам.

Налили по полной. Легально приобретённых бутылок не хватило, из-под стола вынули третью.

Зампотех полка седой многодетный майор Горяинов, дирижируя рюмкой, поздравил меня стихом собственного сочинения:

– Пинкертону нашему я от всей души,
Пожелаю искренне —
Майоров не души!

Все заржали (действительно забавно) и дружно выпили. Я захмелел влёт. И то – с утра маковой росины во рту не держал.

¹ «Пайковые», «кормовые» – денежная компенсация продовольственного пайка в Вооружённых силах и МВД.

– Закусывай, закусывай, – заботливый Лёва подвинул тарелку с «весенним» салатом, заказанным вопреки близкому приходу осени в связи с дешёвизной по сравнению с другими холодными закусками.

До шашлыка успели махнуть ещё по одной. Стали извлекать из карманов и откупоривать пиво. Помню, что это было ярославское «Янтарное». Тёплое, не холодное.

Меня переполненную бычками пепельницу, официантка поджала сиреневые губки:

– Приносить и распивать свои спиртные, это самое, запрещается!

– Да ла-адно, Ритуля, не серчай, в честь праздничка-то, – после второй рюмахи ставший краснорожим Ищенко потянулся, чтобы похлопать официантку по попке. – Мищ-ща сѣдни в наш гвардейский коллектив вливается...

Ритуля вильнула задницей, избегая контакта с потной лапой майора. Встретилась со мной глазами, кивнула:

– Поздравляю!

Я узнал её при входе. Незадолго до того, как меня поперли из прокуратуры, я выезжал в «Черёмушки» на двойное убийство. Мужчины и женщины, любовников. Одним из трупов был Ритулин муж. К убийству, которое, кстати, так и осталось «глухарём», Риту тогда примеряли. При отсутствии алиби у неё имелся классический мотив. Тормозили по «сотке»². Работали целеустремленно и достаточно жёстко, несмотря на слабый пол, маленького ребенка и разлитое море слез.

Минут через пять, вернувшись с первыми порциями шашлыка, официантка быстро заглянула мне в лицо. На переносице её стояла напряженная вертикальная морщинка.

Она тщила вспомнить меня, но не могла. И не должна была. Годы-гады изрядно вытерли и потаскали мою персону. Тридцати шести мне никто не даёт. Всегда – хорошо за сороковник.

Я по-свойски подмигнул Ритуле:

– Выпей за мое здоровье!

Она ответила с лица выражением замороженным:

– Нам не положено...

М-да, до мастера одностиший поэта Владимира Вишневского не дотягиваю, но с опусами его тѣзки Горяйнова помериться, определѣнно, могу.

Последующие события восстанавливались обрывками, как будто на ленты порванные. Неравные, с бородатой бахромой.

Шашлык и водка с пивом кончились одинаково быстро. Воспрянувший после долгого голодания организм требовал продолжения банкета.

У писсуара мой опекун Лёва назидательно говорил, засупониваясь:

– Ещё по соточке, пивка и разбегаемся!

– Базару нет, – лыбился я.

Ритуле за качественное обслуживание мы презентовали пустые бутылки. Счѣт на четырёхста семьдесят два целковых я сунул в нагрудный карман.

Чрезмерно дорогую для наших кошельков «Радугу» мы покидали под замечательно-оглушительную песню новомодной певицы Линды.

– Я – ворона! Я – ворона! – доказывала она.

На улице под тентом мы душевно раздавили пару бутылок на «ход ноги». Тѣплую водку сопровождал вкус пластмассы одноразовых стаканчиков. Троица подкаблучников, наступив на горло собственной песне, укатила на троллейбусе «в семью». Темнело, и кругом загорались заманчивые вывески. Товарищи офицеры стали скидываться. Я следил, но так и не увидел – отстегнул ли денежку комбат Ищенко.

² «Сотка» – задержание подозреваемого на 72 часа в порядке статьи 122 УПК РСФСР (проф. сленг).

Следующим куском, без логического мостика, помню орущее прокуренное нутро кабачка «Услади друзей».

...Помню алую жилетку бармена за стойкой на фоне сонма разнокалиберных бутылок. Как я с грохотом полетел с высокого крутящегося стула. Как мы сцепились с Ищенко. Почему-то в варочном цеху, между парящими котлами. От прямого в подбородок он даже не покачнулся, надвигаясь на меня, как айсберг в океане. Нас крайне вовремя растащили.

Ищенко неистово бился в объятьях богатыря Горяйнова и верещал, ярко надувшись изнутри кровью:

– Загрызу, ментяра позорный!

От безразмерной ярости он мог лопнуть.

Я в ответ наобещал ему размотать историю с пропажей радиостанций в его батарее:

– Парашу будешь нюхать, крыса!

В предпоследнем обрывке мы с Лёвой, свято державшим слово не давать мне развязываться, за полночь сусонили из горла «Балтику», девятый номер, в «железном садике» на Тимофея Павловского.

По-братски обнявшись, яростно орали в две глотки:

– Артиллеристы, точный дан приказ!

Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!

В небе зыбко шевелились звезды, похожие на медуз. По тёмной аллее приближалось мутное белое пятно. Дробный перестук каблуков сыпался по асфальту.

– Сигаретой не угостите? – голос женщины был обещающе нетрезв.

– А пивка? – спросил я радушно. – Де... девяточки, а?

Женщина, покачиваясь, долго прикуривала от Лёвиной сигареты.

Она была тоже изрядно вдетая, на одной орбите с нами. Я стал ловить её за руку, с третьей попытки мне это удалось. Усадил на колени. Она оказалась мягкой и тяжёлой, приторно пахла парфюмерией. Без расшаркиваний и реверансов, как учил в когда-то читанном мною газетном интервью народный артист СССР Николай Рыбников, я полез ей под юбку, преодолевая символическое сопротивление. Легко нырнул под слабую резинку трусов, утвердился на заветном плацдарме...

Отвалившись после затяжного поцелуя, женщина неуверенно сообщила, тыкаясь мне в щеку мокрыми губами:

– Меня дома муж ждет...

– Подождёт, – отмахнулся я, – дело молодое.

Гвардии финансист Скворцов, проявляя врождённую деликатность, схоронился за детской горкой.

...Я до хруста стискиваю зубы. Вспоминать дальше ночные похождения невозможно без риска сойти с ума от стыда. Я хочу одного – найти глубокую нору под корягой и забиться в неё. Никого не видеть... никогда... Или – на необитаемый остров... Только чтоб безо всяких там Пятниц.

На какой-то (короткий или напротив, долгий отрезок времени) я забываюсь остатками пьяного сна. В нём меня грызет за ногу, за левую, злобная грязная дворняга. Я вырываюсь из страшного полубреда-полугаллюцинации с выскакивающим сердцем и пересохшей, как пустыня Гоби, глоткой...

Над собой я вижу склоненные ветки, пробивающийся сквозь них рассеянный солнечный свет. Неподальку невидимая высвистывает пичуга – двумя коленами, неразнообразно.

Ч-черт, так я окуклился на улице? В центре города, прямо в «железном садике»? Сколько времени сейчас? Белый день?

Я сел рывком. Трусливо вжав в плечи голову, стал озираться по сторонам. Такого конфуза со мной еще не случалось. Похоже, я переместился на новую ступеньку своего падения.

Кто встал на наклонную плоскость, тот будет катиться.

Какой мудрец придумал сие непреложное правило?

Но это был вовсе никакой не «железный садик». И вообще я находился за городом. Сзади меня сплошной стеной стоял лес, а впереди, сколько видно, до горизонта – поле со стелющейся под ветром рожью. Или пшеницей. Разница в данном случае абсолютно непринципиальна.

Место незнакомое. Куда меня с кривых глаз занесло?

Я сосредоточился, вернее, тупо напрягся. И ничего не вспомнил. Наверное, ночью я поймал тачку. Чтобы закатиться с барышней к себе в общагу. Не мог же я любить её на улице? Хотя, почему не мог? Дело-то молодое. А может, вместо общаги укатил невесть куда? К корешку университетскому Коле в Иваново велел водиле мчаться? По местам бывлых сражений... Такое случалось раньше.

Не помню. Хоть убей, не помню как было.

Левую ногу, покусанную дворнягой, оказывается, я отлежал во сне. Онемела ноженька моя бедная, сотни быстрых колких иголок по ней забегали.

Я встал и, прихрамывая, отошел на пару шагов от своего лежбища. Нетерпеливо рассупонился, вырывая пуговицы из тугих проранок.

Облегчение пришло бесконечное и упоительное. Я даже порычал от блаженства.

Вообще, конструкция жизни собрана из больших запланированных проблем и неожиданных маленьких радостей. Сейчас меня как раз подкараулила одна такая мини-приятность. В виде бутылки «Балтики» в мятом красочном пакете без ручек, валявшемся в ногах моего прокрустова ложа.

Пробку я скovyрнул ключом. Одним мановением, несмотря на тремор конечностей. Сказалась многолетняя практика.

В утробно-булькающий глоток поместилось больше половины бутылки. Оторвался я титаническим напряжением воли. Та же «девятка», голимый забористый «ёрш».

Я уселся в высокой траве поудобней, похлопал по карманам куртки. В правом нагрудном захрустела слюда, оповещая об ещё одной лилипутской удаче. Почти целая пачка Краснодарского «Вонд»!

Как говорил отрицательный герой Косоротов в популярном советском телесериале «Вечный зов»: «Не обделяет Бог радостью и нашего брата надзирателя!».

Я закурил под легко начинающееся похмельное опьянение. Глубокими затяжками усиливал действие пива. Зажмурился на солнце.

Лето почти прошло вот, а я даже не купался толком.

Я понуждал себя не думать о старых, новых и новейших бедах, воздвигнутых исключительно собственной дурью.

Деньги... Неужели я три пайка вчера дунул?!

Снова я устраиваю себе лихорадочный шмон, наизнанку выворачиваю карманы. Выкидываю на пакет, на счастливую длинноногую загорелую тёлку, облокотившуюся на капот вишнёвой «девяносто девятой», мятые зелёные десятки, одинокий полтинник, высыпаю мелочь. Начинаю считать и сразу сбиваюсь. Пересчитываю вслух, надеясь на чудо.

Девяносто три рубля и ещё копейки... В глазах у меня темнеет. Я лихорадочно присысываюсь к горлышку бутылки. Допиваю остатки, роняю бутылку в траву и снова закурываю. Безуспешно пытаюсь пускать дым кольцами, но напряженные губы не сооружают нужных конфигураций.

Я упал в траву, к бутылке. Такой же пустой, но более ненужный. И то – бутылку тёмного стекла в ларьке принимают за рубль.

А за меня кто отжалает целковый? Неужели вовсе я никчемный?

Я сорю пеплом себе на грудь. Я уже под лёгким наркозом. Могу безошибочно прогнозировать своё поведение безо всяких гороскопов.

Я точно знаю, что сегодня напьюсь. Закуплю на оставшиеся тугрики «маленькую» водки и три литра разливного пива. Сварю пельменей. Запрусь в комнате и буду крутить Александра Новикова. Одну и ту же ненадоевшую покамест кассету с альбомом под символическим названием «Стенка».

Пьянство есть удел неудачников.

Всей своей жизнью я упорно доказываю эту старую аксиому. Хотя аксиомы не нуждаются в доказательствах.

Я – неудачник, потому что пью. Но может, пью оттого, что неудачник.

Последние семь лет я расту наоборот – в землю. Когда карьера моя сломалась, когда я был изгнан из прокуратуры, где спринтерскими темпами достиг вершины своей служебной лестницы – полуноменклатурной должности заместителя межрайпрокурора, я был уверен, что восстану из пепла. На nive ментовского следствия, куда меня легко взяли из-за полного почти отсутствия кадров с высшим юридическим образованием.

Выше планки старшего следователя, однако, я не прыгнул. Хотя барахтался, как та лягушка в крынке с молоком. Лучшие в области показатели, систематические переработки без отгулов и выходных в ущерб семье и здоровью, готовность безропотно катить в любую командировку, иммунитет против групповщины и интриганства сводились на «нет» неизбежными загулами. Длительность которых из раза в раз увеличивалась, а трезвые интервалы между ними наоборот, сокращались.

Два с половиной года отбарабанил я, тем не менее, в следственном отделе УВД. За это время записал в свой «актив» факт утраты служебного удостоверения. А ещё разодрался с пэпээсниками³ на День милиции. Точнее, вздумал права качать совершенно не по делу, а они, парни тренированные, меня играючи отбуцкали. Приохотился ночевать в кабинете на составленных в рядок стульях. Понятно, что руководству это надоело.

Но верные друзья, ходившие уже в начальниках средней руки, меня не оставили без куска хлеба. Устроили перевод в уголовный розыск, где опять началась сага про белого бычка.

Я, безусловно, был единственным в мире о/у⁴ с прокурорским прошлым. Своего рода ископаемым. Звероящером.

По работе ко мне опять не имелось претензий. Талант, как известно, не пропьешь. Опять же, я неплохо разбираюсь в человеческой психологии и не трус. Некоторые так думают, по крайней мере.

Наверное, из-за того, что в розыске не работают идейные трезвенники и меньше писанины, я продержался там четыре года с гаком.

На женский день супруга со своей мамой, пользуясь моим беспомощным состоянием, сделали себе подарок – сдали меня в вытрезвитель. Изъяв предварительно ксиву. А экипаж по вызову прибыл молодой, в личность меня ребята не знали. Да я и сам бы себя не угадал тогда... никакого. Проспавшись в палате, я заблажил под утро, что прав у них нет таких – капитана милиции, орденосца, мягкими вязками к топчану прикручивать. Грозил «продвижением» по службе, знакомствами в органах суда и прокуратуры. И всё бы оно ничего, дело сугубо внутреннее, почти семейное, но некстати нагрязнул из области комендантский патруль, возглавляемый чересчур правильным старлеем. Который изначально не проникся уважением к старшему по специальному званию, пренебрёг оступившимся. Из вытрезвителя я в одно касание перенёсся посредством комфортабельного комендантского «форда» на офицерскую гаупт-

³ «Пэпээсники» – сотрудники патрульно-постовой службы милиции (проф. сленг).

⁴ О/у – оперуполномоченный (принятое сокращение).

вахту дивизионного учебного центра. По утру рапорт принципиального комендача с прищипленным степлером компроматом лёг на стол генералу.

И уже вечером про меня написали в приказе: «За совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел уволить...»

Потом – всё одно к одному. Чёрная полоса сделалась безнадежно бесконечной. Развод, разезд. Причем, я рубил концы сам, с суетливым мазохизмом.

Оставшись без работы, я с ужасом обнаружил, что, несмотря на достаточно богатый жизненный опыт и университетский диплом, я абсолютно ничего не умею. Естественно, кроме того, чем занимался последние одиннадцать с половиной лет. К чему меня теперь – палёного – на пушечный выстрел не подпустят. На частного детектива, оказывается, надо полгода учиться. Причем, платно и в Москве. Юрисконсульты без стажа практической работы и рекомендаций не котировались. К коммерции у меня категорически отсутствовали способности.

Рабочей специальности тоже не было. Второй разряд токаря, полученный до срочной службы в армии, в расчёт брать несерьезно. Воровать, что ли, остаётся? Тоже не с руки, а ну как зацепят? На первом же этапе с учетом прокурорских и ментовских моих заслуг жулики задницу на фашистский знак порвут.

Короче, устроился я по благу ночным сторожем в парк культуры и отдыха ордена Ленина экскаваторного завода, где у меня оставались оперативные позиции. Лафа – ночь дежуришь, двое суток отдыхаешь. Зарплата, правда, смешная – четыре с половиной сотни. Зато пустых бутылок вполне реально за месяц на такую же сумму собрать. На необлагаемую подоходным налогом, обращаю внимание, сумму. К тому же открылись неограниченные возможности для самообразования.

В армию меня буквально за шиворот притащил Лёвка Скворцов. Одноклассник мой одолел после школы высшее военное финансовое училище. Вернувшись в родные края из богом забытого Забайкалья, он служил ныне в непыльной должности начфина арtpолка. Как вскоре выяснилось, не только непыльной, но и авторитетной. В один день я получил принципиальное «добро» командира части, прошёл медкомиссию и был зачислен в списки полка военным дознавателем.

– Условия у меня два, капитан! – командир полка Смирнов сильно затягивался термоядерной кубинской сигаретой и щурил правый глаз. – Не уходить в запой и не выёживаться!

Судя по-всему, полковник навёл обо мне справки. А может, и нет, поскольку упомянутые им качества присущи значительному числу мужского населения России.

Так я достиг дна своей юридической карьеры. Из всей тридцать третьей главы УК РФ «Преступления против военной службы» в армии работала лишь пара статей. Нарушение уставных правил между военнослужащими при отсутствии отношений подчиненности и самовольное оставление части. Текущей работы было много, а выхода – ноль. Уголовные дела возбуждались в самых безысходных случаях. Или в сугубо воспитательных. Задачи дознания заключались в сведении на «нет» совершаемых вояками правонарушений, заметанию сора по углам казармы, а также лепке всеми правдами и неправдами конфеток из фекалий. Хорошо хоть хавать эту «кондитерку» пока не заставляли.

Курирующей мою деятельность службой (как и остальных дознавателей соединения) была военная прокуратура. В лице давнишних знакомцев: старшего следователя майора юстиции Мунзафарова, делавшего в слове «постановление» как минимум две орфографические ошибки, и старшего помощника прокурора майора юстиции Халявина Ильи Филиппыча по прозвищу «Дай-дай».

Эти кремни бессменно пестовали правопорядок в дивизии лет десять. Сколько они загубили дел, раскрытых и переданных им по подследственности территориалами, известно лишь Создателю.

Помнится, на исходе девяностого года, будучи молодым и рьяным прокурорским следоком, выезжал я на одно бытовое убийство. Ночь, пурга. Прапорщик по пьянке и ревности заколбасил сожительницу. Самый что ни на есть прапорщик – с фиолетовым носом, в пэша⁵, хромовых сапогах и с военным билетом на кармане. Ну я, понятное дело, квалифицированно провел осмотр места происшествия, изъясил кухонный нож – орудие убийства, прапора закрыл на трое суток и допросил в качестве подозреваемого. Он ревел в три сорокоградусных ручья и давал полный расклад.

С утраца я быстренько настучал на машинке постановление о передаче дела по подследственности, подшил документы в приличную корку, упаковал вещдоки и набрал три двойки девятнадцать.

– Илья Филиппыч! Здравия желаю! Имею непреодолимое желание передать вам дело и злодея. Стакана чачи за бессонно проведенную ночь будет вполне достаточно!

– Какое дело? Какого-такого злодея? – с ходу включил дурака «Дай-дай», тогда лейтенант юстиции, готовящийся стать старшим лейтенантом.

Я популярно объяснил, не подозревая, что он не прикалывается вовсе.

– А-ах, этого, с рембата, – зевнул на другом конце провода Халявин. – Так он уволен позавчера. По собственному.

– Как уволен? – опешил я. – Он мне сам сказал, что служит. Военник его у меня. Там никаких отметок за увольнение нет.

– Да он не представил командиру военник. Сказал что потерял. А наговорить по пьяни всякого можно.

Я почти потерял дар речи от такого бессовестного нахальства. Вытряхнул из затёртой пачки «Примы» последнюю наполовину выкрошившуюся сигаретину. Прижав плечом к уху телефонную трубку, растерянно закурил.

– У вас всё? – поинтересовался «Дай-дай». – А то работы до чёрта.

– Постойте, – вспомнил я тут важную деталь, – этот прапор вчера с караула сменился. Он в караул начкаром ходил!

– Э-э-э, – заэкал старший лейтенант юстиции на сносках.

Ему на выручку пришёл находчивый Мунзафаров. По всему, он с самого начала слушал наш разговор по параллельному телефону.

– Чито здес такого? Захотел паследни раз схадит караул и пашел. Как откажишь?

Я объяснил этим мудакам кто они такие. Предостерег их от посещений всех городских кабаков без исключения. Особенно когда там окажусь я.

– Как плохо скажишь, да? – обиделся восточный человек Мунзафаров.

– О вашем хамстве я буду вынужден подать мотивированный рапорт руководству, – ледяным тоном прервал мою тираду Халявин.

Я бросил трубку и с делом под мышкой побежал к прокурору.

Через десять минут шаркающей кавалерийской походкой я вернулся в свой захламленный кабинетик. К десяти делам, находящимся в производстве, прибавилось одиннадцатое. По подозрению бывшего прапорщика тогда еще Советской Армии в совершении убийства.

Впоследствии немало подобных конструктивных контактов имел я со славными служителями военной Фемиды. Вдобавок, с «Дай-даем» у нас полгода была общая любовница. Вернее, моя – любовница, а его – законная невеста. И я об этом треугольнике знал наверняка, а он смутно догадывался.

Теперь пришло время собирать камни. Кувыркаться, как бедному Муку.

– Я вас научу неукоснительно соблюдать действующее законодательство, – уже при первой встрече в моём теперешнем качестве пообещал надзирающий прокурор Халявин.

⁵ Пэша – полушерстяное военное обмундирование (проф. сленг).

И сильно пасанул от себя по полированной столешнице стопку исписанных листков. Она разлетелась веером... Нарботанный мною за дежурные сутки материал по факту самоубийства рядового срочной службы Куликова.

– Проведите проверку в полном объеме! На первый раз ограничиваюсь устным замечанием!

Я покорно собрал бумаги, за парой листков пришлось лезть под стол. Двинул на выход. Проводить в полном объеме проверку.

– Капитан Маштако-ов! – утробно заревел «Дай-дай».

Прямо марал раненый, а не старший офицер юстиции.

Я обернулся к нему. Что удивительно, я абсолютно был индифферентен. Наверное, оттого, что начальников-дураков навидался вдосталь.

– Разрешите идти, товарищ майор? – бросил ладонь к козырьку.

Халявин надулся праведным гневом. Но справился с собой и зашипел, переходя в подвид земноводных:

– Класть на себя с прибором, Маш-та-ков, я не позволю!

За четыре месяца моей службы дознавателем Халявин, без преувеличения, раз десять строчил на меня рапорты о наказании. Но выговорешник я заимел единственный, да и то не строгий. Командир полка полковник Смирнов оказался мужиком порядочным. Прошедший Афган, Чечню, потерявший при землетрясении в Спитаке семью, он не пылил понапрасну. Я, в свою очередь, в достаточно полном объеме выполнял его условия – не лопать и соблюдать субординацию. И кроме этого, впахивал денно и нощно.

Прижал хвост обуревающим «дедам» во взводе химразведки. Оперативно и жёстко провел дознание по факту неуставщины в третьей батарее, настояв на аресте виновного. Привёл в порядок текущую документацию. Много времени уделял профилактике. Засев в засаду, ночью единолично прихватил на краже ГСМ⁶ со склада двух контрактников.

Случились подвиги и в личной жизни. Жена разрешила забирать дочек на выходные. Срывался только раз. По прежним нормативам – всего ничего. Причём дизель не включал.

И вот приплыл. В понедельник с утра меня выдернет на ковёр проинформированный доброжелателями старпом товарищ Халявин и на этом ковре поимеет. Сзаду и спереду.

Уперев налитой подбородок в грудь и многозначительно вздёрнув смоляную бровь, он предложит мне свалить по-собственному.

Но в понедельник этот самый мне ещё надо выйти на службу. Что, следует отметить, в нынешней ситуации сомнительно. Уцелевшие девяносто три рубля жгут ляжку. Да и душа измученная просит...

2

Убаюканный девятым номером «Балтики», я незаметно и ненадолго задремал под волной воспоминаний. Проснувшись, перевернулся на живот, закурил и прислушался к стрекотанию кузнечиков. Они резонировали с большими частыми всплесками крови в висках.

Удивляясь себе, я одним махом, без обязательных философских отступлений расшнуровал тяжённые берцы. Связал шнурки и перекинул обувь через плечо. Стащил пахнущие адыгейским сыром влажные носки и рассовал их по карманам брюк. Блаженно пошевелил пальцами ног – сопрели, чертята! Подхватил пакет, в котором бултыхались португеза с пустой кобурой, надевавшаяся ради строевого смотра, и пресловутый подарок однополчан. Большой флакон пены для бритья. Офигенно полезная штука для человека, пользующегося исключительно электробритвой!

⁶ ГСМ – горюче-смазочные материалы.

И двинул вдоль опушки в направлении «прямо». Сразу вышел на просёлочную дорогу. Пыль под ногами была горячей и нежной, как тальк. Я попытался вспомнить, когда в последний раз ходил босиком по земле – и не смог. Наверное, в детстве, в деревне у бабушки Мани.

С обеих сторон просёлка стеной стояли злаковые. Теперь я видел, что это пшеница. Определил по длинным усатым колоскам.

Хлеба налево, хлеба направо. А ещё говорят, кончилось сельское хозяйство в посткоммунистической России!

На часы мне было смотреть влом, но и без часов, по забравшемуся в зенит солнцу я знал, что уже полдень.

Потом я разглядел вдалеке острую, как заточенный карандаш, свечу церкви. Россыпь крохотных домиков вокруг нее.

Как занесло меня сюда? Что это за населенный пункт на горизонте?

За годы работы я вдоволь намотался по району, благо, преступления совершались повсеместно. И не без оснований считал, что знаю район, как свой карман, где – дырка, а где – заплатка. Но вот таких разливанных хлебных морей я не припоминал. Прямо житница России, а не скудное Нечерноземье.

Впрочем, не это сейчас суть важно. Важно, чтобы в селе функционировал сельмаг. В отсутствие сельмага реанимационная задача усложнится, придется ходить по дворам, просить хозяев продать свойского. Что, с другой стороны, сэкономит имеющиеся денежные средства. Пол-литра самогонки даже в городе стоит пятнашку, против полтинника за пузырь водки.

Я прибавил шагу. У жизни отыскался прикладной смысл. Перспектива бытия. Час ходьбы, четверть часа поиска и верных часа три душевного успокоения.

Новый звук – грохочущий, дробный, повторяющийся – ворвался в мой походный мир. Я крутнулся на месте. По проселку в попутном направлении меня нагоняла пароконная повозка. За ней до самого неба вздымался толстый столб пыли. Я благоразумно сошел на обочину. Живьем я, дитя асфальта, ни разу не видел, чтобы телеги передвигались так быстро. И чтобы в них было запряжено сразу две лошади.

Похоже, в сельмаге я окажусь раньше намеченного.

– Командир, тормози! – замахал рукой, голосуя.

Теперь я разглядел возницу – крепкого молодого парня в тельняшке, с загорелой скуластой мордой, чубастого. Он натягивал вожжи, сдерживая борзо разбежавшихся под гору лошадок.

Повозка проехала метров десять дальше того места, откуда я семафорил. Меня обдало волной острого конского пота.

– Доброго здоровья, мужики! – вприпрыжку я подбежал к телеге. – До населённого пункта не подбросите?

Парень в тельняшке – пронзительно синеглазый – переглянулся со своим пассажиром. Весьма экзотического, кстати, вида. Лет от сорока до шестидесяти. Корявым, бородатым и квадратным. С иссеченной глубокими морщинами коричневой физиономией. В длиннополой старомодной тужурке, полосатых синих штанах и огромных кирзачах.

Борода вызверился на меня, не мигая. Молча, главное дело.

– Ты, отец, прямо как рентген режешь. Насквозь, – в исключительно приятном тоне я привычно свернул разговор на шутейную тему.

Даже отуплённого похмельем меня чего-то насторожило в этих двоих. Хотя на бандитов они не похожи. Типичные дехкане.

Наконец, борода хрипло крякнул, прочищая горло. Мотнул косматой башкой:

– Залазьте, ваше благородье!

Я прыгнул в телегу, чувствительно ударившись копчиком. Бородатый мужик оказался не лишенным чувства юмора.

В благородья произвел!

Парень стегнул вожжами коренную, присвистнул. Движение к цели продолжилось.

– Закуривайте, – широким жестом протянул я пачку «Bond».

Прямо под просяной веник бороды мужику.

Тот с опаской вытащил огромной корявой клешней сигарету. Шевеля плохо различимыми в бороде губищами, порассматривал её с разных сторон (как будто у банальной сигареты много разных сторон). Потом сильно понюхал. И, видно, остался довольным.

– Духмяный табачок! Аглицкий?

– Да нет, отец, лицензионный краснодарский, – я чиркнул колесиком зажигалки, спрятал огонек в ковшике ладоней и культурно поднес бороде.

Мужик заплямкал губами, затаился и закашлялся надсадно, со слезами.

– Тьфу, зараза!

– Чё ты, отец, с фильтра прикуриваешь? – удивился я. – Тоже, небось, с похмела? Не привык к цивилильным сигаретам? Махру, что ли, садишь?

– Угу, – скупно кивнул борода, – сами садим.

Чёрными толстыми пальцами он отщипнул оплавившийся фильтр и с опаской повторно прикурил от моей зажигалки.

Тут мне стало еще неуютней. Не по себе сделалось. Я повернулся и перехватил немигающий взгляд парня в тельняшке. Парень недобро играл желваками.

Неужели из бывших моих клиентов? Ранее судимый?

У меня хорошая память на лица. На даты и номера телефонов паршивая, а на лица просто замечательная. Причем, вовсе не в связи с профессиональной деятельностью, а от природы. Но этих двоих я раньше точно не встречал. Из чего совсем не следует, что они меня не знают как прокурорского работника. Или как мента.

Ну не в пшеницу же мне надо было нырять при их приближении?

– Яровые у вас уродились на славу! – я не терял надежды наладить нормальный человеческий контакт.

В поисках общей темы мой измученный абстиненцией мозг отыскал подходящее слово – «яровые»!

Контакта не получилось даже с употреблением кондового сельскохозяйственного термина. Парень, хмыкнув, отвернулся и приободрил лошадей вожжами, а бородатый мужик, докурив сигаретку, с хрустом поскрёб волосатую щеку.

– Забыл, как колхоз ваш теперь называется? – окольным путем решил я выведать свое местонахождение. – Завет Ильича? Девятнадцатого партсъезда? А, отец?

Мужик, глядя мне через плечо, едва заметно кивнул.

Мощный удар по затылку швырнул меня на дно повозки. Носом в пыльное сено, в занозистые доски. И сразу сделалось кромешно и тихо. Будто вырубил свет и звук одновременно.

3

– Говорил я вам, поручик, что он живой. Гляньте, у него веко дергается!

Оказывается, я не умер, а просто спятил и попал в дурдом. К поручикам и к Наполеону, который, кстати, самым заклятым поручиком и являлся.

Под сводом черепа у меня гулко, через одинаковые промежутки ударял колокол. Взрывался глубокими нутряными ударами литой меди.

– Б-б-уум! Б-у-умм!

Или такая музыка на том свете популярна? А где классический орган?

Я решил разжевать веки. Пудовые, как у Вяя, клейко слипшиеся. Было полутемно. Сверху наискось падал вытянутый треугольник света, в котором струились пылинки. Пахло затхлым, болотистым, неприятным...

Около меня на корточках сидел человек. Силуэт его был смутен, лицо в контросвещении – неразлично.

– Как вы? Штабс-капитан, слышите? – он несильно потряс меня за рукав.

Понимая, что обращаются ко мне, я кивнул. Хотя никаким штабсом вовсе не был. Должно быть, человек прикалывался так, именуя своего приятеля – поручиком, а меня – штабс-капитаном.

С третьей попытки я поднял свинцом налитую руку, осторожно ощупал раскальвающую голову. Попал в липкое, в тёплое. Меня передёрнуло и вывернуло наизнанку. Вчерашним не до конца переварившимся праздничным ужином.

– За что, с-суки? – плаксиво спросил я, рукавом обирая с подбородка блевотину.

Вспомнил недолгое своё путешествие в одной телеге с бородачом и парнем в тельняшке. Это он, падла, шархнул меня по затылку. Чем?! Кастетом?!

Тот, что сидел на корточках, встал и распрямился. Упруго шагнул в сторону. Теперь свет рампы падал на него.

Это был военный. Но какой-то ряженный военный... в чёрной гимнастёрке... Именно что в гимнастёрке – старомодной, с воротником-стойкой. Без ремня, распояской. В галифе пузырями. В точно таких, как у Коли Расторгуева, бессменного солиста группы «Любэ».

На плечах военного были матерчатые погоны. Звания из положения «лёжа» я различить не смог. Зато хорошо рассмотрел лицо. Такими лицами в школьные мои годы художники-карикатуристы в журнале «Крокодил» награждали пентагоновских ястребов. Худое, близкое к аскетическому, с мощным носом и почти безгубым ртом. С сильным, раздвоенным подбородком.

Он быстро стащил через голову гимнастёрку, передал ее второму человеку, невидимому пока мне. Очевидно, так называемому «поручику». Вслед за гимнастёркой Ястреб снял с себя нательную солдатскую рубашу и принялся полосовать её на ленты.

Не одеваясь, он вернулся в мой угол. Присел и притянул меня за плечи.

– Позвольте взглянуть, штабс-капитан!

Я повиновался, словно кукла тряпичная. Доверчиво припал щекой к его груди, услышал сильные толчки сердца. Ястреб тем временем обследовал бедную мою головушку.

Промокая тряпицей рану, он приговаривал:

– Спокойно, *mon ami*⁷. Спокойно.

Стиснув зубы, я стоически терпел, но когда он мне сделал невыносимо больно, заорал безобразным матом.

– Ну что вы? – упрекнул Ястреб. – Взрослый человек, офицер... Рана у вас неглубокая. Кровит сильно, но неглубокая...

У меня слабели конечности и тошнотно подмывало под ложечкой.

Я осязаемо чувствовал как теряю сознание, ухожу в ирреальность. В ослепительные сполохи на чернильно-чёрном фоне, в неправдоподобно близкую радугу.

Через какое-то время я вернулся оттуда. Я лежал в том же углу. Только голову мою теперь стягивала повязка.

То, что со мной приключилось, называется по-научному ОЧМТ – открытая черепно-мозговая травма. Последствия её непредсказуемы. На следующий день после такого удара по кумполу можно пить стаканами водку, плясать нижний брейк и прожить до ста лет. А можно, немедленно обратившись за квалифицированной медицинской помощью, залечь в стационар,

⁷ *Mon ami* – мой друг (франц.)

подвергнуться оперативному вмешательству нейрохирургов и через недолгое время двинуть кони. Как говорится, судьба... Кисмет.

И в прокуратуре, и в милиции я многократно сталкивался с результатами черепно-мозговых травм, повлекших смерть. Самые, кстати, сложно раскрываемые и трудно доказываемые преступления, сложнее убийств. Особенно когда несколько человек колотят. Попробуй определи, от чьего именно удара наступил летальный исход.

Вообще, я принципиальный противник битья по голове. Особенно по моей. После одного-единственного удара в мозг запросто может лопнуть кровеносный сосудик. Образовавшаяся маленькая, безобидная вроде субдуральная гематомка со временем разрастается, набухает от крови и безжалостно сдавливает нежное вещество головного мозга.

Результат, как правило, один – деревянный макинтош.

Правда, сейчас я чувствовал себя более или менее прилично.

Голова кружилась, но не так быстро, как при предыдущем возвращении в жизнь. Почти не тошнило. Если ещё сделать поправку на непрощедшее похмелье, состояние моё можно было определить как удовлетворительное.

Утешая себя, я вспомнил, что и дядька этот... как его... Ястреб, сказал, что рана неглубокая.

Что это за дядька, кстати? И где я вообще нахожусь?

Тут я различил голоса неподалеку. Приглушенные, несколько...

– Надо было так вляпаться по-идиотски! – негодовал легко узнаваемый хриповатый бас Ястреба. – Как курсистки, как...

– Но кто мог предположить, господин капитан, что здесь, в тылу окажется противник? – второй голос принадлежал человеку более молодому.

– Это не противник, барон! Самооборона местная. Ну ладно простительно вам, желторотому, но я-то, старый пёс. Даже до фронта не доехали!

После короткой паузы молодой голос вновь себя обозначил:

– Как вы полагаете, Сергей Васильевич, что они с нами сделают?

Ястреб вместо ответа выразительно прочистил горло и громко засвистал до боли знакомый мотив.

Я напряженно прослушал этот содержательный диалог, ломая и без того увечную голову. Или эти двое из непонятных соображений валяют передо мной комедию, или они просто психбольные. Следовательно, и сам я помещён в психушку к доктору Рогову.

Вместе с тем, не имелось абсолютно никакого резона разыгрывать для единственного зрителя такое громоздкое костюмированное действо. Похищать меня смысла нет, выкупа никто не даст. Нет, врагов у меня – выше крыши, на дюжину нормальных людей хватит. Но никакой мудрила не станет так сложно обставляться, чтобы свести счёты за старое. Куда проще дать по башке и – в канаву.

Главное дело, тематика настораживающе однообразна. В поле бородатый мужик меня «благородьем» обозвал; тут, в сарае, собрались сплошные штабс-капитаны, поручики и бароны.

Я зажмурился. Теперь задним умом мне казалось, что неестественность окружающей обстановки проглядывалась уже на опушке, когда я пиво сусонил. Вчера вечером и даже днём не было так тепло. Лето к концу подходит. Потом пшеница... пшеница какая-то больно рослая, колосистая...

А лошади в повозке? Сытые, резвые, одна к другой. Сейчас по деревьям днём с огнём овра захудалого не найдёшь, не то что таких скакунов. Прямо элитный конноспортивный клуб.

И одежда у бороды чудная. Ничего похожего не шьют лет полста. Да больше! Из старых запасов? С самого дна бабкиного сундука?

Подходящее ампула бороде я нашел. Вылитый кулак времён коллективизации в лучших традициях советского кинематографа. Только обреза от трехлинейки за поясом не хватает. А так – вылитый.

Но может быть, это просто сон? Ну да, я сплю и вижу нелепый, местами страшный сон. После сильной пьянки у меня всегда событийные сновидения, написанные яркими, сочными красками. Близкие к галлюцинациям.

Сны не бывают бесконечно долгими, однако. В них не больно и при большом желании можно проснуться.

Что же это тогда за морока со мной приключилась?

– Прекратите свистеть, капитан! – объявился новый персонаж с неприятным, резким, совсем бабьим голосом.

– Что, господин Бобров, боитесь, деньги ваши распугаю? – оборвав так и не угаданный мною, но до жима в паху знакомый мотив, усмехнулся Ястреб. – Надеетесь откупиться? Сомнительная перспектива.

– Не говорите глупостей, – новый персонаж был раздражен. – Соображайте лучше... э-э... как нам выбраться отсюда! Не впадайте в прострацию!

– Отчего вы думаете, господин Бобров, что я впал в прострацию?

– Я не думаю, я вижу. И слышу. Этот ваш вальс... э-э-э... «На сопках Маньчжурии». Сплошная безнадёжность!

Вон оно чего! Обильные возлияния и битьё по голове крайне отрицательно воздействуют на качество человеческой памяти.

– Плачет, плачет мать-старушка,
Плачет молодая вдова...

Я с подобным сталкивался раньше. Много-много раз. Когда вспоминаешь, наконец, что-то простое, до этого неуловимо выскользавшее, испытываешь успокоение. Вот и сейчас. Какое, кажется, мне дело в нынешней ситуации до названия мелодии – ан, полегчало.

Возникло чувство, что находящиеся здесь люди мне не враги. Что мне с ними в одну сторону. скорее всего.

– А я вот в отличие от вас думаю, усиленно думаю, господин Бобров. И. ни черта не лезет в голову, – зло сказал Ястреб. – Подкоп? Но земля утрамбована и нечем копать. Уйти через пролом в крыше? Вариант, но надо ждать темноты. А такой возможности нам с вами, предполагаю, не дадут. Напасть, когда будут выводить на расправу? Я лично готов! А вы?

– Тихе, тихе, капитан, – свистящим шепотом зашипел Бобров, – неизвестно, что за человека к нам посадили. Смотрите, он снова приходит в себя.

– Полноте, – отмахнулся Ястреб, – это наш брат по несчастью. Не видите— офицер, доброволец. Ко всему прочему ещё и раненый.

– В том то и дело, что форма на нём не добровольческая.

– Господи-ин Бобров... Форма английская. Сейчас половину армии союзники в такую обрядили с барского плеча. Ладно, ещё не в юбки шотландские. Потом, мы с вами не в контрразведке, а у сиволапого мужичья. Не по их разуму – комбинации разыгрывать.

После очередной порции информации, частично переваренной, просветление на меня опять не снизошло. Наоборот, я ещё больше запутался. Прямо как муха в тенетах.

К какому-то единому знаменателю я всё же сумел свести событийно-хронологический ряд. Благо, тема попалась хорошо знакомая. Можно сказать, моя незащищённая докторская диссертация. Увлечение в свободное от учёбы, работы и семьи время. Хобби, по-научному. Длинною длинней чем в двадцать лет.

Передо мной как бы выступали персонажи гражданской войны. Причем, с белогвардейской стороны. Если быть точнее, денкиинцы. Речь ведь прямо шла о Добровольческой армии. Хотя, была ещё одна добровольческая – Северо-западная генерала Юденича. Но это маловероятнее. Природа явно южная, чернозёмная. Потом, на Ястребе, похоже, форма офицера Корниловского полка. Чёрная гимнастерка. Рассмотреть бы ещё погоны, блин... Должны быть чёрно-красные...

Тпр-ру, я что, на полном серьёзе рассуждаю? Какие корниловцы? Какая к едрёне фене природа чернозёмная?

Меня из жара бросило в ледяной пот. Забытое на время сердечко напомнило о себе щемящей болью. Затяжелела, онемела левая рука от плеча до локтя, колюче поползли по ней мурашки. Доступ воздуха уменьшился.

Я то ли помутился сознанием, то ли задремал на роздыхе. Голову, правда, преклонил не к доброму седлу⁸, а уронил на землю. Холодную и сырую... дурно пахнущую.

В этот раз я видел реку. Бесконечно быструю. С рябой в солнечных блёстках поверхностью.

Ах, как больно, когда бьют сапогом под ребра! Бьют и при этом попадают куда целили.

Я покатился по полу, зажавшись и скуля тоненько, по-щенячьи. Река моя пропала.

– Вставай, сволочь золотопогонная! – сверху заорал грубый голос. – Геть!

С трудом, в несколько приёмов я поднялся. На полусогнутых, дрожащих ногах. Не успел рассмотреть кто – наверное, тот гад, что кричал толстым голосом «геть» – швырнул меня к выходу. К распахнутой настежь двери. Получив дополнительное ускорение джудим пинком под зад, в проходе я ткнулся в спину человека в чёрной гимнастерке.

– Ходчей ходи, ну! – встречали нас на улице.

Неожиданное солнце понудило зажмуриться, выбило слезы. Заслоняясь ладонью, я пытался адаптироваться, не дожидаясь новых пинков.

Нас завели за угол, потом через огород отконвоировали к дому. И по-прежнему в хорошем таком спортивном темпе.

Поставили напротив дымящейся летней кухни. Из сильно бурлящего закопчённого большого чугунок невыносимо для меня, голодного, пахло мясом. Прочно заложенные природой рефлексy убавили физическую боль. Продолжая массировать зашибленный бок, я сглотнул слюну. На меня оглянулся высокий в чёрной гимнастерке, которого я нарёк Ястребом. Не знаю, то ли горловые звуки мои услышав, то ли по другой причине.

– На ногах держаться можете? – почти не шевеля губами, спросил.

Я без особой уверенности кивнул.

На плечах Ястреба топорщились чёрно-красные погоны с белой выпушкой и серебряной шефской буквой «К». Продольный просвет на каждом погоне означал, что их обладатель находится в капитанском чине.

Нечто подобное я, помнится, моделировал в полутьме сарая. Впрочем, я уже перестал удивляться. Всецело отдался на волю провидения, подобно Робинзону Крузо на необитаемом острове.

И всё-таки это – чрезмерно затянувшаяся галлюцинация.

– Что, ваши благородья, жрать хотца? – издевательски заржал здоровый, голый по пояс рыжеусый жлоб.

– Дарья, плесни офицерам в корыто помоев! – поддакнул из-за дыма озорной тенорок.

– Да погуще, со дна почерпни!

– Гы-гы-гы!

Ястреб сквозь сцепленные зубы, не размыкая челюстей, оскалился ненавидяще:

⁸ Обыгрываются строчки из песни А. Розенбаума «Есаул молоденький».

– Быдло!

Рыжий жлоб сразу резво шагнул к нему. Попутно выдернул из колоды топор. Толстым ногтем проверил остроту сверкнувшего лезвия.

У меня обмерло внутри.

– Охолопись, Петро! Сперва допрос сымем по форме! – попридержал рыжего молодой тенорок. – Атаман ждётся!

Атама-а-ан... «Скажи мне пра-а-авду, атама-ан! Скажи скорей, а то убью-ут!» – была такая песенка в репертуаре лёгкой на слезу певицы Тани Булановой.

Ражий рыжий лоб Петро и обладатель задорного тенорка – знакомый чубастый парень в тельняшке, так удачно подвезший меня давеча на подводе, отконвоировали нас в сад. Там среди плодоносящих яблонь за длинным столом сидела компания лихих людей. Знакомым, кстати, оказался не только сам парень, но и его замечательные шнурованные ботинки на толстой рифленой подошве. Всего неделю назад я расписался в ведомости у начальника вещевого склада прапорщика Мотовиловца за их получение.

Несмотря на всю отчаянность положения, мне ужасно жалко сделалось неношенных спецназовских берцев.

В лихой компании из троих в атаманы я определил самого с виду фактурного. В кумачовой рубаше пузырями, весёлого, кудрявого и фиксатого. С большой серебряной серьгой в ухе. В наплечных скрипучих ремнях.

Запрокинув голову, он надолго припал к краю глиняной кружки. На жилистой шее его мощным поршнем ходил кадык.

Это сколько же в такой ёмкости поместится? Грамм пятьсот или больше? Такую лошадиную дозу мне, конечно, не одолеть, но соточку для восстановления кислотно-щелочного баланса я бы дёрнул с превеликим удовольствием.

Курчавый атаман оторвался, наконец, от кружки, со стуком поставил её. С усов его закапало молоко. Он облизывался, а я испытал сильное разочарование. Хотя, опять же, как и жалость по отнятым ботинкам, неуместное. Если бы он самогонку пил или бражку дудонил, один бы хрен похмелить меня не сподобился.

– Ну шо, ваш бродья, поговорим трошки? – добродушно спросил он.

Вопрос был явно риторический. То есть отвечать на него не имело смысла.

Но заговорил обладатель голоса, близкого к женскому, господин Бобров.

– Я человек... э-э-э... сугубо цивилизный, то есть мирный. Исключительно мирный, – торопился он.

Бобров этот из сарая выскочил первым, сейчас тоже стоял впереди меня и личность его я не рассмотрел. Такой по комплекции в теле мужчина, с загривком. Облачённый в коричневую бархатную курточку. Типа в детскую, что ли. Впрочем, к требованиям моды в шизофреническом теперешнем уровне своего существования я ещё не привык.

– Я. я оказался с ними случайно. Я просто... э-э-э... обыватель! – неизвестно за кем гнался не успевал Бобров.

– Ну а гроши у тебя е, обыватель? – с дружелюбной ленцой продолжал допрос модник в кумачовой рубаше.

Серьга в ухе у него мерно покачивалась.

– У меня всё взяли... Отобрали, то есть... Ваши... э-э-э... соратники...

– Це ж разве гроши? – искренне удивился кудрявый и как колоду карт взьерошил большим пальцем пачку цветных листков. – Це «колокольчики»! У офицеров и то мошна толще оказалась. А ну, раздягайся живо! Обыва-атель...

Бобров, не дожидаясь повторных распоряжений, засуетился.

Рывком расстегнул пояс брюк, уронил штанины к коленкам. Суча ногами, вышагал из брючин. Проворно скинул свою нарядную бархатную куртку, которую на лету подхватил рыжеусый жлоб. Чертыхаясь, Бобров через голову стянул рубаху. Остался в нижнем белье игривого сиреневого цвета. Переливчатом, шелковом.

– Исподнее тоже скидывай! – усмехаясь, командовал старший.

– З-зачем? – робко, явно не надеясь на отмену приказа, уже взявшись за пояс кальсон, спросил Бобров.

– Ухи плохо моешь, сука? – рыжий сильно хлестнул его бархатной курточкой по спине. Бобров испуганно присел, вжал в голову в плечи.

Я закрыл глаза. Как всё знакомо. В мои родные девяностые замешкавшемся терпиле бандит заорал бы:

– Не догоняешь, сука?! Не врубаешься!

Мама дорогая, о чем это я? В какие-такие родные девяностые? Я в самом деле, что ли, поверил в то, что я в прошлом нахожусь? В горниле гражданской войны?

Бред сивой кобылы. Называется, допился.

– Гладкий кабанчик, а, Петро? – парень в тельняшке звучно похлопал Боброва по розовым, студенисто колышущимся бокам.

Рыжий Петро рывком сдернул с шеи ни живого ни мертвого, но голого Боброва цепочку с крестом.

– Рыжьё, братуха!

Я подумал – ошибался Ястреб, заверявший в сарае поручика: «Мол, местная самооборона, крестьяне». Это давно не крестьяне. Это если не блатные, то сильно приблатненные.

Замашки... жаргон... понты... Полный джентльменский набор!

– Когда и какой дорогой полк пойдёт на фронт? – новый, шершавый как наждак голос пришел от стола.

Я с интересом взглянул на заговорившего. Вопрос и интонация, с какой он был поставлен, были совсем из другой оперетты.

Вот кто оказался бугром, а не фиксатый кудряш вовсе. Крепкий серьёзный мужик с седоватыми висками, в солдатской гимнастёрке. Из знающих себе цену, не пропивших голову сверхсрочников.

Он обращался к Ястребу, а тот тяжело молчал. Глядел на свои грязные босые ноги, на оторвавшуюся штрипку брючины.

Пауза затягивалась. Я услышал, как заурчало в животе у нерешающегося без команды одеваться Боброва.

– В молчанку решил поиграться, капитан? Идеальный? – наконец, скребанул наждаком настоящий Бугор. – Я ж у тебя не пароль, секретное слово выведываю. Любопытно мне, не через наше ли село, случаем, ваши двинуть намерены?

Ястреб презрительно сплюнул. Плевок, живой, как капля ртути, моментально свернулся в горячей пыли.

Боковым зрением я увидел, что рыжеусатый громила Петро и парень в моих спецназовских бутах напряженно насторожились. Ожидая рывка Ястреба.

В кино про гражданскую войну в таких местах пленный хватал маузер, выложенный на видном месте потерявшим бдительность врагом, и начинал шмалять направо и налево. После чего выпрыгивал в окошко, приземлялся точнёхонько в седло приготовленного для него постановщиком трюков коня и уносился прочь.

«Погоня, погоня, погоня в горячей крови-и-и!»

– Бурнаши мост подожгли!

– Перескочим на тот берег, дальше они не сунутся!⁹

Сейчас ничего кроме крынки с молоком, щербатого блюда с картошкой, сваренной кружляшками, ржаного каравая, кружек и деревянных ложек враг на столе не припас.

Да и расклад был явно не в нашу пользу. Жидко обделавшегося Боброва в расчет брать глупо, врубится ли с ходу молодой поручик – неизвестно. Остаёмся мы с капитаном Ястребом. Как его, блин, Сергей Васильичем. Мужик он, по всему чувствуется, конкретный, охулки на руку не положит. Но вот сам я нынче не в лучшей форме. По причинам известным – неправильный образ жизни, глубокая абстиненция, ОЧМТ, удар сапогом в печень, от которого до сих пор не продышался.

Бугор плохо гнушимися заскорузлыми пальцами осторожно вытащил из знакомой бело-красной пачечки «Bond» мятую сигарету. С интересом понюхал. Очевидно, не привык к соусированному лицензионному табаку.

– Зачем же харкаться? – спросил, недобро щурясь. – А ещё из образованных.

Капитан Сергей Васильич почти до конца выдержал его взгляд и всё-таки сморгнул, отвернулся. Тильной стороной кисти промокнул заслезившийся глаз.

Бугор хмыкнул и прикурил. Опять-таки от моей одноразовой газовой зажигалки. Которую зажёл с первого раза, что свидетельствовало о предварительной тренировке. Подкинул на ладони лёгкий прозрачный цилиндрик.

– Игрушка, право слово. И бельзином не воняет.

Похоже, логический мостик перекидывается к моей скромной персоне, доселе обделенной вниманием.

– Ну а ты что за чудо-юдо будешь? Откуда свалился?

Я, понятное дело, в ответ промолчал. Не оттого, что идейный, как корниловец Сергей Васильич, а оттого, что искренне не знаю, как объяснить свое пришествие.

– Да он того, Семён, с прибабахом! – заржал только сейчас мною увиденный бородач.

Мой добрый попутчик, наставник чубатого парня в тельняшке.

Бородатый сидел на почетном месте, по левую руку от Бугра. Его загораживала мясная спина поскуливающего Боброва.

– Колгосп, грит, у вас какой, – близко к тексту пересказывал Борода содержание разговора со мной. – Этого, как его, партсъезду Ильича. А в кабуре у его заместо ливольверта во какая штукавина!

И из широких полосатых штанин он торжественно извлёк презент моих однопольчан-артиллеристов – баллончик с пеной для бритья «Gillette».

Вот ведь сельщина-деревенщина! Разве такой огнетушитель в кобуре поместится? Он лежал себе культурно в пакете. Кстати, пакетика своего пластикового, цветастенького, что-то я не наблюдаю. С голой наполовину красавицей на капоте ВАЗ-21099. Тоже вещица для этой публики удивительная.

Я ещё одну странность отметил, свидетельствующую в пользу ненатуральности происходящего. Персонажи появлялись поочередно, как чертики из табакерки. Бугор с серебром в висках. Друг мой – Борода. Панорамного, обзорного восприятия, как бы, я не имел вовсе.

– Мертвые с косами стоять и тишина...

– Брехня!

Может, и вправду брехня?

Атаман служивой наружности тем временем осторожно изучал пеногон. Брови кустистые насупил.

– А не бонба этга, часом, Семён? – опасливо поинтересовался Борода и шумнул на меня: – А ну, кадет, докладдай, што этга за чертовина?

⁹ Цитаты из кинофильма «Неуловимые мстители».

Я опять отмолчался. Подмывало меня, конечно, предлагаемую версию про «бонбу» поддержать, но не определился я, целесообразно ли. Получу ли с этого какие плюсы? Или наоборот, сизнова по мордасам?

А весельчак кудрявый, любитель молочной продукции, привстав, вытянул из-под локтя Бороды синенькую бумажку. Мои подкожные полсотни, уцелевшие после вчерашнего куртага. Билет банка России, подделка которого преследуется по закону.

Кудряш мотнул башкой, серьга в ухе у него заплясала:

– Всяких-разных грошей бачив, а таких – ни! С орлом двуглавым... Не в короне... Но не керенка? Яка махонькая денежка! Керенки, те – во...

И он развел ладони на расстояние сантиметров тридцати, показывая габариты денежных знаков, бывших в обращении после февраля семнадцатого года.

От выпитого молока нумизмат этот кудрявый, видимо, слегка окосел. Не разглядел в нижнем правом углу год выпуска невиданной им прежде деньги. 1997 (тысяча девятьсот девяносто седьмой).

Или разглядел, но увидел другое число. Привычное, а потому понятное.

Так бывает. Неразгаданные загадки человеческого мозга. Помню, проглядываю программу телепередач. «20.30. Лучшие негры НБА». Оп-поньки, чувствую, что-то не срастается. Перечитываю. Ну да, так и есть: «Лучшие негры НБА». Дальше листаю. Но внутри сосет, и я опять возвращаюсь. «20.30. Лучшие.» Ну ведь «игры» же, ёксель-моксель, «игры»!

Квадратными русскими буквами напечатано. А отчего два раза неправильно прочёл? Оттого что в играх этих преимущественно негры одни и участвуют. Здоровенные такие, блестящие.

Так ведь у меня за плечами спецшкола с преподаванием ряда предметов на иностранном языке и университет. А у весельчака кудрявого? ЦПШ¹⁰ в лучшем случае.

Атаман благоразумно отставил в сторону, от греха подальше, пеногон. Сложил руки на груди. Гляжу, кисти у него рабочие, узловатые. Наверное, очень сильные. С короткими пальцами, поросшими на фалангах чёрным грубым волосом.

Посмотрел он на меня долгим неприятным взглядом и проскрежетал:

– Ну, так ты кто?

На что я ответил в рифму:

– Конь в пальто.

Через несмазанное, долго не говорившее горло слова выдавились не вполне членораздельно. Но судя по реакции окружающих, смысл их оказался понятным.

Бугор удивлённо вздёрнул бровь. Борода радостно гыкнул, пихнул главаря локтем в бок. Мол, я же говорил, что он трёкнутый.

Кудряш сделался ещё веселее и скомандовал:

– Раздягайся живо!

Я ничего не смог умнее придумать, чем дружелюбно предложить в ответ:

– А грибов-«отсосиновичков» отхряпать не желаешь?

В голове у меня пронзительно зазвенело, как от удара камертоном. Я знаю себя такого – с упавшей планкой. Стараюсь спрятать дрожь в губах и боюсь, что это видно.

Я ожидал удара от рыжего амбала. Ему очень удобно было садануть меня локтем под дых, в солнечное. Но получил мощный пинок в спину выше пояса. Ногой, наверное. Кованым сапожищем. Я полетел вперед, на стол, за которым заседали лихие люди.

Кудрявый быстро приподнялся и встретил меня прямым в лоб. Я рухнул, будто картонный, но сознания не потерял. Даже когда меня стали окучивать ногами.

Бугор распорядился:

¹⁰ ЦПШ – церковно-приходская школа.

– Геть, хлопцы! Насмерть забьете!

– А чё с ним делать? В гузно целовать, чи шо? – отозвался игривый тенорок чубатого.

Гляди-ка, я уже их по голосам научился различать.

– Завтра по утрянке с собой прихватим и в лесу кончим, – тоном, не терпящим возражений, отрезал атаман. – Нельзя на своем дворе казнить. Придут кадеты, дознаются. Спалют село. Стариков, баб, детишков порубят.

Подчиненные Бугра послушались. Дисциплина, какая-никая, у них имелась. Нас погнали обратно в узилище. Вернее, лично меня волокли под руки капитан Сергей Васильич и молодой поручик. Идти у меня не получалось, ноги заплетались, как вареные макароны. Перед входом в сарай я заперхал, закашлялся и облевал поручику брюки. Одной водой почти – коричневой и едкой.

Но офицеры меня не бросили, а довели до лежанки в углу и опустили на неё. Только тут я медленно угас... догорел. Я вполне сознательно торопился избавиться от всей этой надоевшей бредятины в надежде проснуться под кустом в родном «железном садике». Или на топчане медицинского вытрезвителя. На кишаших клопами нарах офицерской «губы». Где угодно, лишь бы в привычном ареале обитания.

4

Темой гражданской войны я заболел лет в тринадцать. В детстве. Или по бородатому классику это уже отрочество? Причем, я проникся симпатией к вражеской, белогвардейской стороне. Дело было во второй половине семидесятых при Брежневе Леониде Ильиче. Никакими перестройками и плюрализмом ещё не пахло. Слов таких даже не придумали. Сложно сказать, что определило мои симпатии. Никто меня специально не натаскивал.

Отец мой имел большой стаж членства в КПСС. И гены тут ни при чём. Предки у меня по обеим линиям из крестьян происходят.

Наверное, сперва сработало внешнее восприятие на сером фоне пионерско-комсомольской обязаловки. Хороших фильмов про гражданскую войну тогда много снимали. То и дело крутили «Новые приключения неуловимых», «Адъютант его превосходительства», «Дни Турбиных», «Служили два товарища», «Долг»... да пруд пруди. Я все их знаю наизусть.

Беляки носили красивую форму. Ничего вроде особенного, безо всякого там золотого шитья и павлиньих перьев, а – красивая... Лихо примятые фуражки с крохотными лакированными козырьками, боевые наплечные ремни, ловкие галифе, до невероятного блеска начищенные дутые сапоги. Ну и конечно погоны на плечах, главное отличие от красных. Погоны придавали гардеробу строгую законченность, заставляли держать спину прямой, курить папиросу в цепи, наступающей в полный рост, пускать себе в висок последнюю пулю.

Они носили звучные, пришедшие из незнакомого мира воинские звания. Корнет, штабс-капитан, ротмистр, сотник, подьесаул!

С возрастом я постиг – гордое звучание шлифовалось столетиями. Работая в прокуратуре, я в этой связи удивлялся нелепости классных чинов своего ведомства. Чувствуется, сочинялись они людьми, незаинтересованными в поднятии авторитета системы. С одной стороны – огромные полномочия, данные прокуратуре законом. Когда я пришел туда стажёром, когда СССР ещё существовал, прокуратурой осуществлялся высший надзор за соблюдением законов всеми-всеми. А первый классный чин – «младший юрист»! Потом ситуация вроде выправляется, по нарастающей идут – «юрист третьего», «второго», «первого класса». Уже ничего вроде, да? Ассоциируется с водителем первого класса, с профессионалом. Но потом бах – «младший советник юстиции»! В переводе на армейские или милицейские звания солидно – майор, и погон теперь такой же – два просвета и большая звезда, но мла-а-адший... Гм, в народе с дет-

ского сада устоялось, что младшая группа, малышковая – пристанище переведённых из ясель трёхлеток.

То ли дело – вахмистр, войсковой старшина! Музыка просто!

Вдобавок, в фильмах белогвардейцы, как все отрицательные персонажи, воплощались ярче и человечней, с узнаваемыми слабостями. У меня до сих пор, когда я смотрю как поручик в исполнении Владимира Ивашова поёт под гитару про русское поле, мурашки колючие по спине ползают. А обаятельный капитан Кольцов (несмотря на то, что он красный шпион) с его безукоризненными манерами чего стоит.

Отдельная тема – генерал Хлудов с глазами инопланетянина Дворжецкого в «Беге». Прообраз знаменитого генерала Слащёва-Крымского. Длиннющая расстёгнутая кавалерийская шинель, воротник поднят, мятые чёрные погоны с зигзагами.

– Я на Чонгарскую Гать с музыкой ходил, солдат! Я два раза ранен там!

Второй источник информации, понятное дело, книги. Безо всякой системы я прочёл про гражданскую войну всё, что было доступно рядовому, но пытливому советскому читателю семидесятых. Читал исключительно запоем, в ущерб школе. Был записан одновременно в три библиотеки. Кроме того брал книжки у родных, знакомых, одноклассников. У всех, кто не жадничал.

Литература большей частью была также политизирована, как и кино. Красные отличались высокой идейностью, честностью и устремлённостью к великой цели. Белые постоянно лгали, лицемерили, торговали Россией оптом и в розницу, пьянствовали – и поэтому всегда логичным выглядело их сокрушительное поражение.

Но попадались и по-настоящему хорошие книги. Пацаном ещё совсем, мало понимавшим в жизни, я зачитывался «Хождением по мукам» Алексея Толстого.

Меня поразило эпическое описание Ледяного похода. Корнилов на стогу сена с биноклем под рвущейся шрапнелью. Бесшабашный генерал Марков с трёхлинейной винтовкой впереди офицерской цепи. Нервически одержимый полковник Неженцов, первый корниловец, не допускающий мысли быть вторым.

Не буду пересказывать. Кто не читал, тот видел многосерийный фильм в постановке Василия Ордынского.

Непонятно зачем, имея трилогию в собственности, я с усердием, достойным лучшего применения, переписал главы про Добрармию в ученическую тетрадь в клеточку. Тетрадка, кстати, отыскалась при разборе коробок с «приданым» после моего выселения в общагу.

Гораздо позднее, когда стали доступны мемуары белогвардейцев, я обнаружил, что эти главы маститый Алексей Николаевич почти слово в слово передрал из «Очерков русской смуты» генерала Деникина.

Чуть раньше я понял, что путь подполковника Рощина, по роману одумавшегося, перебежавшего к красным, полностью фальшивый. И не должность начштаба бригады под командой любезного свояка Ивана Ильича Телегина дожидалась его в Красной армии, а пуля чекиста...

Толстой угождал конъюнктуре. Но делал это талантливо, масштабно и интересно.

В девятом классе на зимних каникулах Вадик Соколов, друг мой лучший, втайне от родителей (вещь жутко дефицитная и потому дорогущая!) дал мне почитать «Тихий Дон». С той поры вопрос о любимой книге не вызывает у меня даже секундных раздумий. Зная роман близко к тексту, я снимаю его с полки, когда по душе начинают скарывать чёрные кошки. Листаю с разных мест, разговариваю с персонажами, аутотренинг себе устраиваю. Эффект тренировки стабилен. На фоне изломанной судьбы Григория Мелехова быстро проступает мелкотравчатость моих морально-нравственных страданий. Возникает желание окрестить их «так называемыми».

Несмотря на стенобитные аргументы патриотически настроенных литературоведов и заключения маститых экспертов, я глубоко сомневаюсь, что «Тихий Дон» написан М. А. Шоло-

ховым. Придерживаюсь версии, что у романа века – коллективный автор. Шедевр творили люди разного социального положения, образования и интеллекта. И никакие новейшие компьютерные исследования скандинавских учёных не убеждают меня в обратном.

Мама моя, обеспокоенная халатным отношением сына к учёбе, обнаружив в портфеле заботливо обложенный в газету «Тихий Дон», искренне возмутилась:

– Там один разврат! Надо читать по программе!

Сильная и правдивая вещь «Железный поток» Серафимовича. Обе дерущиеся стороны в ней по-звериному жестоки.

Одна сцена меня буквально пронзила. Красные заняли кубанскую станицу, выбив казаков генерала Покровского. Станичный атаман спрятался, причём так, что найти его большевики не могли, несмотря на усиленные поиски. А семья атамана – человек семь-восемь – в хате. Красные начали кричать, чтобы атаман вылезал из схрона, а то они жену с детьми порубят. Казак не вылез, и революционные бойцы покромсали шашками сначала ребятишек, а потом – сошедшую с ума, хохочущую мать.

Прочитав этот фрагмент первый раз, я не поверил глазам своим. Подумал – опечатка. Это противоречило всей тогдашней идеологии. Красные и пленных, если верить литературе, кино и учебникам по истории СССР, никогда не убивали, а куда-то девали. Правда, куда именно – не уточнялось.

На уроке внеклассного чтения, когда разбирали «Железный поток», я, единственный из класса одолевший эту серьёзную книжку, поднял руку и спросил учительницу, как могли красные казнить невинных детей. Не ответила мне по существу Петрова Нина Александровна по прозвищу «Бурёнка». Быстро-быстро она сказала, что данный момент нетипичен и перевела разговор на другое, типичное.

История про зарубленных детей вовсе не страшная сказка, придуманная писателем. В мемуарной эмигрантской литературе, теперь доступной, я прочёл, как в двадцатом году красные пытались сломить дух руководителя Кубанской повстанческой армии генерала Фостикова. Они взяли в заложники его родню и выдвинули ультиматум. Фостиков, кстати, вышел в «превосходительства» из казачьих низов, следовательно, родные его тоже были не буржуазного происхождения. Генерал-майор не сложил оружия, и тогда привыкшие держать слово большевики расстреляли его родственников: бабушку, отца и сестру с шестью детьми.

И это всего один фактический пример! А было их – бессчётно!

На всех уроках на последней парте я в великом множестве рисовал картинки из истории гражданской войны. Портреты, батальные полотна и многосерийные комиксы, где героями в образе белых офицеров был я сам и мои приятели, а красными – учителя и положительно характеризующаяся часть класса. Я здорово поднаторел в графике, примитивной и однообразной, но сюжетной и местами прикольной. Неоднократно, увлекшись, бывал застигнут в разгар творческого процесса учителями. Мои творения изымались и уничтожались, однако, пользуясь дешёвизной изобразительных средств и массой свободного времени (каждый день было по шесть уроков, а в среду – целых семь!), я неутомимо создавал новые.

Классная руководительница, безжалостная математичка Людмила Борисовна Бернацкая, отняв однажды у меня удачный эскиз, на котором группа усатых и бородатых офицеров, украшенных боевыми орденами, позировала фотографу на фоне рвущихся снарядов, долго рассматривала картинку, после чего противным, с гнусавинкой голосом изрекла:

– Да-а, Маштаков, тебя надо показать психиатру!

Хорошо, она не ведала о нескольких сотнях бумажных солдатиков из той же замечательной эпохи, изготовленных мною в рекордные сроки безо всякой множительной техники. Не знала о многочасовых грандиозных битвах, что устраивали противоборствующие стороны в нашей новой трёхкомнатной квартире. Разумеется, когда родители были на работе.

Мой интерес к Белому движению частично послужил причиной тому, что в положенные четырнадцать лет я не стал вступать в комсомол. Причина была, конечно, не единственная. Компания подходящая подобралась. В комсомол в нашем классе не вступили шестеро ребят и одна девчонка, Лена Кускова. Из двадцати пяти учеников.

Больше чем четвёртая часть! В элитной английской спецшколе! Представляю, как за недобранные проценты горком ВЛКСМ снимал стружку с речистого комсомольского вожака школы.

Ко всему прочему за мной закрепился имидж набожного подростка. Причём, воинствующего. Сектанта практически.

В седьмом классе на уроке физкультуры мы прыгали через «козла», поднятого достаточно высоко. Скакавшие передо мной пацаны взять препятствие не смогли. А я, дурачась, на глазах у всего класса перекрестился, рванул вперёд и легко перемахнул через снаряд.

Приземлившись на другой стороне, назидательно процитировал персонажа Юрия Яковлева из культовой гайдаевской комедии:

– Вот, что крест святой делает!

Физрук Геша немедленно закатил мне единицу в дневник с потрясающей записью: «Перед выполнением физических упражнений – крестится!» Блестя потной лысиной и очками, он, построив класс в одну шеренгу, популярно разъяснил о недопустимости подобного поведения.

Удивительно, но стоявший следующим в строю Лёша Шевченко под немигающим взглядом физрука тоже осенил себя крестным знаменем и с первой попытки взял препятствие.

Геша наступал класснухе. Бернацкая дёрнула нас с Шевченко со следующего урока и, брызгаясь слюной, кричала в коридоре:

– Вы понимаете, что вы сделали!? Нет, вы понимаете?! А если бы висел фашистский флаг, вы бы закричали: «Хайль Гитлер!»

– Нет, не закричали бы, – я осмелился возразить, – это не одно и то же.

– Нет, одно и то же!

Жаль, не уцелел дневник с той эпохальной записью. Сейчас, когда я рассказываю школьные истории, мне мало кто верит. Ни одного дневника у меня не сохранилось. С корешком школьным Вадиком по окончании учебного года мы торжественно сжигали кондуиты на затоне реки Клязьмы. И устраивали вокруг костра ритуальные пляски.

Вот так я приобрёл репутацию верующего.

Поэтому в конце десятого класса, на литературе, когда урок, казавшийся бесконечным, благополучно закончился звонком, кто-то из сидевших впереди девчонок громко, с облегчением вздохнул: «Слава Богу!», сразу подняли меня. Как лицо, склонное к совершению подобных правонарушений.

– Опять, Маштаков, ты взялся за старое! – с укором сказала учительница русского и литературы Углова.

Мне бы промолчать и всё бы обошлось сделанным замечанием. Тем более что помянула имя Господа всеуе другая.

Но я полез в бутылку с узким горлом:

– А чего, собственно, такого?!

Через пять минут классная руководительница, пользуясь большой переменной, доходчиво втолковывала мне «чего здесь такого».

А мне на тот момент стукнуло аж семнадцать, пацан я был начитанный. Я попытался аргументировано отстоять свою правоту:

– У нас, это, свобода вероисповедания...

За годы работы в правоохранительных органах, клянусь хлебом, я ни разу не орал на самых пакостных жуликов и бандитов так, как заорала на меня класснуха Бернацкая:

– Хватит позорить советскую школу! Не хочешь учиться в советской школе, уматывай в семинарию! Мразь поганая!

– Не имеете права обзывать, – у меня задрожали губы.

Бернацкая стала густо-пунцовой. Глаза у неё почти выкатились из орбит. Если бы в класс не заглянули, она бы меня ударила. А я бы её укусил. За толстую ляжку.

Теперь я понимаю, что она была обычной психопаткой, но тогда мне сделалось обидно до слёз.

В комсомол я всё-таки записался перед выпускными экзаменами. Шансы поступить в институт у меня были слабые, а в армии несоюзную молодёжь направляли исключительно в стройбат. Служить в компании представителей братских кавказских и среднеазиатских республик, а также с лицами ранее судимыми мне не хотелось.

В том же десятом классе у меня случился ещё один конфликт на белогвардейскую тематику.

Проходили «Поднятую целину». Редкий случай, когда произведение, насаждаемое школьной программой, меня интересовало. Я хорошо знал роман, активно участвовал в обсуждении на уроках, не пытаюсь при этом спорить с хрестоматией. Учебный год близился к концу, и я рассчитывал по литературе получить в аттестат «четвёрку». Обидно сделалось, что в разы меньше читавшие, но прилежные одноклассники нахватывают отличных оценок, а мне с учетом прошлых прегрешений влепят «тройку».

Как сейчас помню заключительный урок по «Поднятой целине». Учительница Углова Вера Николаевна, дорабатывавшая последний год до пенсии, пребывала в благодушном настроении. Экономя время, спрашивала с места. Задала вопрос классу: «Какой герой романа пришелся по душе и почему?»

Я первым поднял руку.

– Слушаю, Миша, – дружелюбно улыбнулась Вера Николаевна.

Я встал как солдатик и быстро сказал:

– Есаул Половцев.

Глаза у старой учительницы потухли, лицо посерело. Наверное, у неё, пожилого человека, схватило сердце.

– Почему? – тихо спросила Углова, присаживаясь на стул.

По наступившему молчанию я понял, что в очередной раз упорол косяк. У меня было припасено множество аргументов за Половцева. Его образ Шолохов прописал, избежав одномерности. Есаул был без сомнения человеком идейным. Брехня, что после ареста он сразу раскололся и выдал ОГПУ всю подпольную организацию. Допускаю такое только при условии пыток.

Потом очень сильной была у меня зрительная ассоциация. В фильме Половцева убедительно сыграл Глебов Петр Петрович. А кто такой Глебов – сумрачный, чубатый, уса́тый, с полным бантом георгиевских крестов? Правильно, Григорий Мелехов в знаменитой экранизации Герасимова. Как можно по-мужски не симпатизировать Григорию?

Но всего этого я не произнес, а сказал, краснея:

– Потому что он любил животных. Кота у Якова Лукича и ещё, это, лошадей.

Вера Николаевна поставила мне жирный кол в журнал. Заикнулась про дневник, но вспомнила, что у меня такового нет. По официальной версии я утерял его ещё зимой. В связи со скорым окончанием школы и моей соцпедзапущенностью заводить новый меня не заставили.

Правда, волну поднимать Углова не стала, в «оперчасть» класснухе не стукнула.

В аттестате о среднем образовании у меня немного четверок. Одна из них всё-таки по литературе.

В старших классах я начал писать повести и рассказы. Разумеется про гражданскую войну. Если порыться в коробках с моими архивами, можно докопаться до слоя с исписан-

ными ученическими тетрадами. На их выцветших зелёных обложках фломастером старательно выведены названия: «Агония», «Рожь осыпавшаяся», «Бешеный ураган».

Это было беспардонное подражание всем и каждому, отчаянное компиляторство, но по-моему убеждению, отнюдь не графоманство.

Давно я услышал мысль, что человек, прочитавший сто книжек, одну собственную сочинит как нечего делать. А я на тот период прочёл во много раз больше!

Разумеется, что-либо вразумительное пацан, ничего кроме школы, двора и секции бокса не видевший, написать не мог.

Это я сейчас понимаю. Тогда же мне собственная писанина нравилась за пределами. И я искренне недоумевал, почему её отвергают в журналах, которые я удостоивал вниманием. Адресовался я не абы куда, а напрямик в столичный журнал «Юность», где главным редактором работал известный писатель Алексин. На полном серьёзе открывал я очередной номер, с замиранием сердца листал его, надеясь наткнуться на жирно набранные буквы: «Михаил Маштаков. Огненная лавина».

Отослав ценной бандеролью очередную нетленку, я с трудом дожидался истечения месяца (по моему разумению, достаточного срока для изучения шедевра вдоль и поперёк), и начинал бомбардировать редакцию напоминаниями. В них поначалу просил, затем предлагал, а когда терпенье иссякало, требовал ответить по существу. И не формальную отписку дать, а разобрать произведение предметно. Повторяя из раза в раз просьбу – указать на недостатки рукописи, я втайне надеялся, что при разборе найдётся место и достоинствам.

Ничего подобного не происходило. Содержание писем с редакционным угловым штампом не отличалось разнообразием. Оказалось, что в полемику со мной вступать не собираются. Никто не указывал автору на наиболее удавшихся героев, не отмечал живости сюжета, объёмности диалогов и уместной лаконичности пейзажей. Сотрудники редакции скупно отвечали, что мне рано писать на историческую тематику. Советовали сочинять в стенгазету, сотрудничать с заводскими многотиражками, готовиться к поступлению на журфак и так далее.

Означенный долгий путь принять я не мог по понятной причине – мне требовался блицкриг. Я страстно желал, чтобы окружающие – родители, учителя, одноклассники – разом поняли, что я не серый троечник, прогульщик и нарушитель дисциплины, а сверходарённый талант!

Это был чистой воды комплекс.

После школы под давлением родителей я подал документы в местный политех на факультет «Гидропроектирование автоматика и гидропривод», студентами снисходительно именуемый «Жижа». Преодолевав вступительный конкурс в полтора человека на место. Великолепно провёл месяц «на картошке», но уже на второй неделе занятий понял, что ошибся дверью. Школа воспитала во мне стойкое отвращение к точным наукам, а тут – высшая математика, физика, химия, теория машин и механизмов.

Не собираясь бороться с трудностями, я встал на скользкий путь непосещения занятий и вранья. Изобретательно имитировал перед родителями видимость учёбы. Весь семестр ВУЗ исправно платил мне стипендию, так что на культурный досуг хватало. Я связался с сомнительной компашкой, пил в подъездах портвейн, хрипел Высоцкого под гитару, ввязывался в драки, возвращался домой за полночь. В часы, свободные от пацанской романтики, крутил любовь с разбитной соседкой Викой, которая была на три с половиной года меня старше. Под её чутким руководством лишился девственности.

Гром грянул в самое неподходящее время – накануне Нового года. До зимней сессии я допущен не был, меня отчислили за прогулы. Разоблачение повлекло грандиозный домашний скандал в жанре античной трагедии.

Следующие три месяца я трудился на механическом заводе – сперва учеником токаря, потом сдал на второй разряд. В роли пролетария также имел проблемы с дисциплиной из-за

того, что утренняя смена начиналась возмутительно рано. Вдобавок, как достигший совершенноголетия, я обязан был мантулить полные восемь часов.

Наконец, к облегчению для родни, я получил повестку из горвоенокомата. Передо мной, богатырём былинным, в тот исторический момент открывались две дороги. И обе торные. Направо – в ряды Советской Армии. Налево – в исправительно-трудовую колонию общего или усиленного режима, в зависимости от тяжести совершённого правонарушения.

Скажи мне кто-нибудь тогда, что несколько лет спустя я буду работать в прокуратуре, я бы расценил сей прогноз как издевательство.

Как ни странно, в армии мне пришлось по душе. Несмотря на все тяготы и лишения – официально положенные и неформальные в виде дедовщины и изобилия невиданных ранее нацменов.

Батя Махно в упоминавшейся мною трилогии А. Н. Толстого говорил так: «На царской каторге меня брали за руки и за ноги и бросали на каменные плиты! Так ковались народные вожди!».

Насчет вождей, конечно, перебор, но в остальном – в тему.

Я никогда не был Шварценеггером или Ван Даммом. Репутация отъявленного драчуна, подкреплённая юношеским разрядом по боксу, была отчасти дутой. В нашей привилегированной спецшколе в основном учились домашние дети, которым разбитый нос казался страшным увечьем. Впрочем, в своей стае мы с пацанами бились постоянно. Именовались наши сшибки гладиаторскими боями. Не покалечили мы тогда друг дружку исключительно из-за недостатка силёнок.

В Отарской учебке на краю Джамбульской области, в пустыне (я всем говорю для авторитетности – Кызылкуме, хотя на самом деле до сих пор не знаю, как она называется и пустыня ли это вообще), я с первых дней уразумел, что разряд и понты значат далеко не все. Главное – характер.

В первом взводе из русских преобладали парни с Воронежа. Мне запомнились двое – Курбанков и Рогов. Оба крепкие бойцы – плечистые, рослые, с мужественными физиями. Лобастый и скуластый Курбанков смахивал на артиста Александра Пороховщикова в молодости (к слову, тоже отменно игравшего в кино белогвардейцев).

Сержант привел нас, духов, в солдатскую чайную, а там – перерыв на обед. До сих пор помню, как, молодецки подбоченьясь, Курбанков курил на крыльце вкусную воронежскую сигаретку. Весь из себя ладный и блатноватый.

Через три месяца в наряде по столовой я увидел, как Курбанков с Роговым в биндейке перед мойкой жрали объедки. Матерясь и пихаясь, в чмарных засаленных хэбэшках, по-уродски подстриженные, с красными мокрыми болячками на мордах. Похожие, но уже совершенно по-другому.

– Эй, вы, курбанки! – заорал на них отделенный командир сержант Нуржанов. – Кончайте жрать! Валите нахер в овощерезку!

Но ведь оба-двое были здоровые, тренированные парни! И не маменькины сынки, из простых семей!

Наша среднеазиатская учебка поставляла кадры для ограниченного контингента. Скверно обученные, частично переболевшие гепатитом и менингитом рабоче-крестьянские кадры. Форменное пушечное мясо. Не меньше трети с каждого выпуска туда отправлялось.

Молодой¹¹ сержант Кинько, казахстанский хохол, возбужденно рассказывал мне в каптерке:

¹¹ Молодой – военнослужащий срочной службы, прослуживший от 6 месяцев до 1 года (*арм. сленг*).

– Маштаков, как серпом по яйцам! Блямба! Андрюха письмо прислал с Афгана! Витька Огурцов с нашего выпуска! Калганыч! Сожгли обоих в установке! Весь экипаж сгорел, как головешки!

При отборе кандидатов в ДРА действовала непонятная система. Тех, кто писал рапорты, кому хотелось исполнить интернациональный долг, отцы-командиры отвергали без объяснения причин. Причем просились парни, которым легко давалась учеба, физически подготовленные. Перцы!

Я относился к классу середняков. Не рвал ягодицы на английский флаг, но и не шланговал. Ожидал, как пассажир в общем зале, когда объявят прибытие.

В наряде по КПП наблюдал, как к некоторым курсантам приезжали родители с неподъемными сумками выкупа. Бакшиш давали в основном за армян и прибалтов. Их, в отличие от среднеазиатов и азеров, в Афганистан направляли наравне со славянами.

Своим не совсем законченным высшим образованием я никого удивить не мог. В июле спецнабором пригнали партию грузин – усатых и бесконечно наглых. С верхним абразаванием, да! С одним из них у меня вскоре вышел принципиальный конфликт.

Вернулись мы на обед с учебного центра, располагавшегося в шести километрах от казарм. Очень удобно – шесть кмэ в один конец, столько же – обратно. По сорокоградусной жаре, преимущественно бегом! Пропылённые, уставшие, голодные, злые как черти чистили сапоги у входа. Сержанты надсадно гавкали, подгоняли.

Я дождался своей очереди, принял щётку, наклонился. И тут кто-то невежливо толкнул меня в спину, отчего я чуть носом асфальт не клюнул. Оглядываюсь, смотрю – стоит один грузин из спецнабора. У них хэбэшки ещё не успели выгореть на солнце.

– Эй, ти, пидар, – говорит он, – дай щётка!

У меня сработала система самонаведения. В таких случаях вступать в разбирательства нельзя, базаром не отмоешься.

Снизу я удачно стукнул его по бороде. Грузин упал и не поднялся. С гортанным ором налетела свора его земляков. Меня смяли, как промокашку. От причинения тяжких телесных повреждений спасло немедленное вмешательство сержантов. Нуржанова, Кинько, замка¹² Джафарова. Старшины-срочника, черт, фамилия его выскочила... Здоровый такой слон, под центнер весом, с Алма-Аты.

Сверкая глазами и отчаянно жестикулируя, под натиском сержантов кодла нерусских медленно подавалась назад, в душный подъезд казармы. У скамейки тряс башкой, очухивался грузин, которого минуту назад я вырубил.

– Ти покойник, сволач! – пообещал он мне, сплёвывая красным.

Обязательство он своё не выполнил, хотя пытался. Я всё время держался на людях, что в условиях учебки было несложно, тем более что абрек этот был из четвёртого взвода, располагавшегося в другом конце казармы. Ночная попытка отмудохать меня им не удалась. При первых смачных ударах ремнями через одеяло дневальный заорал «подъем» и включил свет. Опять понабежали сержанты, отличавшиеся от курсантов загорелыми торсами и неуставными плавками.

Прихвативших меня чёрных прогнали в расположение их взвода. Я отделался несколькими синяками и лёгким испугом. Правда, в целях личной безопасности с разрешения старшины лёг в каптёрке на тюках с бельем.

Дальнейшие подробности локального межнационального столкновения, поучительные, но тягомотные, опущу.

Большую роль в его урегулировании сыграло то, что за два месяца до выпуска меня поставили на должность батарейного каптёрщика. Причем, клянусь бородой пророка, я не прило-

¹² Замок – заместитель командира взвода (*арм. сленг*).

жил никаких специальных усилий типа взяток и угощений, чтобы занять бластное место. Кроме моей стычки с грузинами, немедленно ставшей известной комбату, сыграли роль наличие хорошего почерка, способности к работе с документами и отсутствие данных за воровские наклонности.

Новая должность дала мне массу преимуществ. Во-первых, я перешел в прямое подчинение к старшине и после утреннего развода направлялся в каптерку, а не строился вместе с взводом «в направлении учебного центра» в предвкушении марш-броска по накаляющейся пустыне. Я стал гораздо лучше питаться и экипироваться. У меня появился изолированный куток, в котором в дневное время я мог часок придавить на массу. Причем, не на неудобных тюках с бельем, а на роскошном тюфяке.

Я оправдал высокое доверие командования и не повторил ошибок предшественников, изгнанных с позором через гарнизонную гауптвахту. Я не решился уносить на станцию Отар комплекты нулевого хэбэ для обмена на анашу, насвай и водку. Не рисковал наводить по ночам во вверенное мне хозпомещение приятелей и устраивать с ними пьянки. Я много работал, держал язык за зубами и борзел сообразно малому сроку службы.

Метаморфоза, происшедшая с врагами-грузинами, меня поразила. Они моментально замирились со мной, признав, что я настоящий мужик. Угощали меня ароматизированным тбилиским «Золотым руном». В компании с ними я нырял в чайную танкового полка без риска быть обобраным шакалами из постоянного состава.

Конечно, наша дружба получилась взаимовыгодной. Отходчивый по природе, я отбирал им в бане белье по размеру, поновее и нервное, рекомендовал их старшине в качестве художников для обустройства ленинской комнаты.

Из этой истории я вывел два правила. Нацмены конкретно держат мазу за своих, а также ищут дружбы с человеком при должности.

В последние, самые для меня кайфовые месяцы учебки, не прогибаясь, а только впихивая, я показался и комбату Черевиченко. В связи с чем сделался окончательно ненавидимым взводным старлеем Лосевым, окончательно потерявшим надежду сделать из меня личного писаря без освобождения от боевой учебы и хозработ.

После экзаменов, которые в отличие от институтских сдали даже самые бестолковые, подошло распределение в войска. Необычайно активно стали наезжать родители имущей части курсантов. Я полностью положился на волю провидения.

– Понятное дело, – с нескрываемой завистью говорили товарищи по оружию в редкие минуты отдыха, – тебе-то комбат тёплое местечко устроит!

Я отшучивался или отмалчивался, но в душе надеялся на нормальную человеческую благодарность.

Как-то дневальный заорал перед построением на вечернюю поверку:

– Младший сержант Маштаков, зайти в каптёрку!

Я не сразу врубился, что зовут меня. Это было после приказа о присвоении нашему выпуску званий: немногим отличникам – сержантов, остальным, в зависимости от оценок – младших и ефрейторов. В казарме стало не протолкнуться от сержантов – каких-то опереточных, невзаправдашных.

Захожу в каптёрку, а там комбат со старшиной чай пьют с сушками. Оба потные, в расстёгнутых пэша. Капитан Черевиченко, мосластый брутальный мужик с совершенно неподходящим ему погонялом Червяк, поставил на стол эмалированную кружку.

– Ну что, Маштаков, знаешь, куда тебя командир взвода определил? – белозубо усмехнулся комбат.

Я честно пожал плечами: «Никак нет».

– Команда двести восемьдесят, – Черевиченко открыл портсигар, взял из него сигаретку и стал разминать ее.

Я внимательно смотрел на его ритмично двигавшиеся сильные пальцы с большими суставами. На сыпавшиеся коричневые невесомые табачинки.

Команда «280» направлялась в приграничный городок Аягуз. Оттуда после месяца горной подготовки уходила на войну.

Сердечко у меня затрепетало.

– Имеешь непреодолимое желание исполнить интернациональный долг? – спросил капитан.

В его голосе коммуниста, члена партбюро полка, я услышал неприкрытую издёвку.

– Никак нет, товарищ капитан.

– Замени его, старшина, – Черевиченко прикурил и сильно затянулся. – Где хочешь служить?

– Где-нибудь в Европе, товарищ капитан, – отвечаю, – поближе к дому. К центральной России поближе.

Так я попал в Свердловск, в двести семьдесят шестой полк, в его зенитно-ракетную артиллерийскую батарею. Сокращенно ЗРАБАТР. Или Звербатр. Последнее наименование более точно отражало порядки, укоренившиеся в данном многонациональном подразделении.

Святу месту не бывать пусто. Образовавшуюся нишу в команде «280» занял малоизвестный мне молдаванин Брынза. Старшина выковырнул его из списка готовившихся к отправке в Краснознаменный Уральский военный округ.

До сих пор не знаю, поступил я подло или как нормальный человек, понимающий, что своя рубашка к телу ближе. Если бы мне не позволили вытащить помеченный билет, я так бы и плыл по течению. На гражданке за стаканом я много кому рассказывал про этот случай. Меня не осуждали в глаза, но ни один и не одобрил.

Не знаю, что случилось с молдаванином Брынзой. Убило его? Ранило? Или живой-здоровый, вся грудь в медалях, весной восемьдесят пятого свалился он в родные Дубоссары пить вино «Букет Молдавии», курить соусированные сигареты «Флуераш» и танцевать «хору»¹³?

Как бы он поступил на моем месте, предложи ему право выбора комбат Черевиченко, двойник американского киноактёра Клинта Иствуда?

Также неясно, что случилось бы со мной, сыграй я в Павку Корчагина. Нас плохо натаскивали в учебке – в классах, на стендах, не на реальной технике. И стреляли из своей «шилки»¹⁴ мы только раз на экзамене по огневой подготовке. Со временем в Свердловске я стал приличным специалистом. Хм, скромничаю в свойственной мне манере. Мой экипаж был признан лучшим в округе. А фотку мою, старшего сержанта Маштакова М. Н., отъявленного передовика социалистического соревнования пропечатали не где-нибудь, а в газете «Красная звезда».

Успел бы я чему-нибудь реально научиться в Афгане до первого выхода на боевые?

Кстати, воронежские «курбанки» в числе других доходят потихоньку были сплавлены в Аягуз.

В армии, понятное дело, я ничего не писал, кроме писем, примитивных конспектов по боевой и политической подготовке и служебных бумаг, типа постовой ведомости. Впрочем, творческие моменты в гомеопатических дозах там всё же присутствовали.

Помню, на полигоне в Чебаркуле несколько дней полоскал дождь – без перекура да ещё ледяной. Батарея кукарекала в палатках. Сыро, промозгло, с провисшего потолка капает. Скучища! Отлежав на жёстких нарах бока, я добровольно вызвался помочь писарю Татаркину, корпевшему в сухом офицерском модуле над стенгазетой с оригинальным названием «Зенитчик» и убойным подзаголовком «За нашу Советскую Родину!».

¹³ «Хора» – классический народный молдавский танец.

¹⁴ «Шилка» – четырёхствольная зенитная самоходная установка (ЗСУ-23-4м).

Командиру второго взвода старшему лейтенанту Гриневскому, курировавшему творческий процесс, захотелось отойти от армейских стереотипов.

– Слушай, Маштаков, – заговорил он вдохновенно, обдавая меня кислотным душком перегара, – а если стихи какие-нибудь задвинуть, а? На военную, конечно, тематику, но и лирика чтобы присутствовала.

Я посмотрел на старшего лейтенанта с любопытством. Прежде интереса к печатному слову я за ним я не наблюдал. Впрочем, вру. Видел однажды, как он в караульном помещении читал «Устав КПСС», готовясь к вступлению в кандидаты в члены.

Кое-какие заготовки у меня имелись, и через полчаса я не без стеснения протянул старлею тетрадный листок, на котором были записаны следующие четверостишия:

Я откинул крышку люка,
Небо распахнулось глухо.
Глубоко и чисто в выси
Тает дымка без корысти.

Тишина над полигоном,
Грохот стрельб едва отринул.
По измятым по погонам
Зайчик солнечный подпрыгнул.

Закурю спокойно, честно.
Что ж, теперь имею право,
Доказал, что первый номер
В экипаже я не даром.

Командир в плечо мне двинул,
– Молодец, Мишаня, шаришь!
Шлемофон за спину скинул.
Жалко, солнца не достанешь!

Пока я густо краснел в ожидании похвалы, Гриневский с подсосом раскуривал отсыревшую сигарету «Ростов» и сосредоточенно читал.

– Да-а, – наконец он переварил написанное, – не этот, как его, Роберт... да как же, блин. ну, заикается он ещё.

– Рождественский, – подсказал москвич Татаркин, заглядывая офицеру через погон.

– В принципе, складно, – продолжал старший лейтенант, – но не пойдет.

– Почему? – я насупился.

– А неуставщина сплошная, – ответил Гриневский. – Вот почему у тебя, спрашивается, погоны измятые? Ты сержант все-таки! Хотя и на ефрейторской пока должности. А потом, разве при выполнении боевой задачи разрешается курить? На установке! В плечо, опять же, Мустафаев тебе зачем-то двинул. Снова неуставщина. Не зря, видно, на него жалуются молодые, если он даже черпака¹⁵ в бочину буцкает.

– Да это не Мустафаев вовсе, – я не удержался, чтобы не встрять. – Это образ.

– Образ, – хмыкнул офицер. – Видел я этот образ у Хромова. И у Саблина. Со смещением костей носа. И как это понимать – отринул?

¹⁵ Черпак – военнослужащий срочной службы, отслуживший от 1 года до 1,5 лет (*арм. сленг*).

После обеда я притащил ещё стих, в два раза длиннее первого. Он назывался «Мы стреляем в ветер» и был основан на реальных фактах, имевших место на прошлых полковых учениях.

Литературный вечер продолжился. Гринеvский выставил бидончик с пивом, которым угостил меня, а молодого Татаркина бортанул. Зато в нарядную коробочку «Ростова» за сигаретами мы с писарем лазали, как в свою.

– Ну ты подумай, Маштаков, до чего ты дописался? – с карандашом в руках изучив продукт моего творчества, вздохнул взводный. – Мы стреляем в ветер! Разрешите довести до вас, товарищ младший сержант, что стреляем мы в конкретные при каждой задаче мишени! В имитатор воздушной цели! В фанерный макет вертолета! Бэтээра! В полотняный конус, который на тросу тащит самолет! И получаем при этом, заметь, хорошие и отличные оценки! А какие бы отметки мы получали, стреляй, как ты пишешь, в ветер? В молоко, то есть! Исключительно неудовлетворительные!

Не прошли, в общем, мои стишата армейской цензуры. Обошлись мы тогда казенной прозой и разливным, наполовину выдохшимся пивом.

В последние полгода службы, под дембель, я адаптировался настолько, что почти забыл гражданку. Редко стал писать домой, чем не на шутку напугал родителей. Обеспокоенные, они даже прислали запрос замполиту полка, тот приходил к нам в батарею и журил меня. Привыкнув к дисциплине и армейскому дурдому, я неожиданно обрёл уверенность в завтрашнем дне. Со мной всерьез считались офицеры.

Помню, выдался насквозь прозрачный, дивно солнечный день середины апреля. Семнадцать с половиной лет назад это было, а воспоминания не стёрлись! Полковое построение на обед. Доклад старшин командиру части. Начиная с первого батальона, подразделения двинулись по дивизионному плацу к столовой. Асфальт местами покрывали лужи, непросохшие после ночного дождя. Смотреть в них было невозможно, ослепнешь. Оркестр бодро играл «Прощание Славянки».

Я шагал справа от батареи. В новом, ловко ушитом хэбэ, в лихо сдвинутой на правый глаз пилотке, в неуставных юфтевых сапогах, надраенных до изумления. Цокая стальными подковками.

– Раз, раз, раз, в-аа, три! – перенятой у комбата Кузьмичёва небрежной интонацией давал я счёт батарее.

Я пощелкивал себя по начищенному голенищу прутиком, импровизированным стеклом, воображая себя каппелевцем в психической атаке. Я и не шел, собственно, а парил. И это ликующее состояние получилось не только из-за молодости, но и по причине прочувствованного ощущения строевого монолита, притянутости друг к другу, сработанности.

– Аттарея, смирно! Равнение направо! – в нужный момент я перешёл на строевой шаг и вскинул правую руку к виску в многократно отработанном жесте, скопированном у старлея Васина.

Я помню всё это до сих пор очень ярко, невзирая на многие тонны зловонных помоев, опрокинутых на меня жизнью.

Между тем, профессиональная карьера военного меня никогда не прельщала.

Дембельнувшись первой партией, я абсолютно бездумно подал документы на юрфак Ивановского университета. Дабы не донимали родители, обеспокоенные будущим проблемного дитяти. Очень кстати пришлась действовавшая в ту пору льгота для уволенных в запас армейцев. Нам, честно отбарабанившим семьсот тридцать дней в сапогах, достаточно было сдать экзамены на тройки.

К слову, по общей сумме баллов я прошёл и по общему конкурсу. Но именно тайная директива, которая, безусловно, существовала, обязывавшая проявлять лояльность ко мне

подобным, пощадила меня в мясорубке экзамена по истории СССР. На котором в капусту было порублено семьдесят процентов абитуры.

Впрочем, с юрфака я чудом не вылетел, не проучившись и дня.

Начало учебного года предваряла обязательная поездка в колхоз, расположенный в подшефном Сокольском районе. Этот медвежий угол был отделён от остальных районов текстильного края матушкой Волгой, на многие десятки километров разлившейся мелководным Юрьево-вским водохранилищем.

На картошку неожиданно для себя я приехал в руководящей должности комиссара отряда. При данном кадровом решении факультетские начальники, очевидно, руководствовались моим армейским послужным списком.

Декан, доктор юридических наук, забыл или не знал вовсе (что вернее), какими средствами наводились в Советской армии дисциплина и порядок.

Поначалу всё пошло классно. Я попал в родную стихию – привычные походные условия, необременительный физический труд. Плюс то, что отряд был смешанным. Половина его состояла из девчонок, вчерашних десятиклассниц. В сельмаге свободно торговали портвейном и «андроповской» водкой¹⁶. А в столовой за обедом не возбранялось для аппетита пропустить кружечку разливного пива.

В первый же вечер нам с новым приятелем Колей, тоже армейцем (и не абы каким, а пограничником!), пришлось противостоять пьяным деревенским механизаторам, осадившим нашу общагу. Аборигены возжелали халявной выпивки, забойной дискотеки и приятного девичьего общества.

В темноте драка получилась скоротечной и какой-то ненастоящей. Вдвоем мы ловко отбивались от многократно превосходящего противника. Деревенские падали под нашими ударами, как снопы. Удар в грызло и человек – с ног долой, будто в боевике про Брюса Ли. Может, просто они были в умат пьяные. Кроме того им не удавалось нас окружить. Спины нам с Колей защищал приделок дома, так называемое крыльцо.

– Опять каратисты приехали! – заорали в стане агрессора.

Мы победно захмыкали. Но смешно нам было недолго – противник оказался моторизованным. На дороге затарахтел пускач колесного трактора «Беларусь». Следом зарычал сам движок, выбрасывая в сторону сизую струю выхлопа. Через колеи и колдобины, опасно кренясь на бок, трактор пошёл в лобовую атаку. За ним, брыляясь, громыхла пустая тележка.

С трудом мы успели нырнуть в приделок и закрыться изнутри на засов. Что было совсем необязательно, потому, как через секунду «Беларусь» снёс угол крыльца, выворотил дверь, всунулся квадратной рычащей мордой в постройку, одолел несколько ступенек и застрял.

– Карати-исты, говорите! – орал из кабины косматый дикий парень, даже мужик уже – за тридцатник, в залосненном пиджаке и синей сатиновой кепочке в белый горошек.

Приделок моментально заполнился вонючим выхлопным газом. Как назло под рукой ничего тяжелого у нас не имелось. Можно было отступить за следующую дверь, ведущую в дом, но там мы полностью лишились свободы маневра. В жилище обречённо ожидало развязки защищаемое нами мирное население. В том числе десять крепких парней, наших однокурсников. Как впоследствии выяснилось, один из них был мастером спорта по борьбе самбо.

Неожиданно трактор заглох. Стало тихо, и я услышал ободряющий возглас нашего куратора, преподавателя криминалистики Георгия Александровича Сорокина, ныне покойного.

– Михаил! – кричал отважный подполковник милиции в отставке. – Вы эт-та, как его, не вступайте с ними в конфликт! Ложитесь спать! Не задирайтесь!

– Да мы особо и не задираемся, – буркнул я в ответ.

¹⁶ «Андроповская» водка – народное название дешевой водки (4 руб. 70 коп.), выпуск которой был начат в период нахождения у власти генерального секретаря ЦК КПСС Андропова Ю. В.

Бойцовский азарт деревенских ищейк. Конфликт на тот вечер был исчерпан. А наутро из райцентра приехал местный Анискин, вызванный Сорокиным по телефону. У нас отобрали объяснения.

– Это ещё что, – пряча бумаги в планшет, успокаивал участковый, – в прошлом году из ружья по вашей общаге стреляли. Половину окон перебили.

Он увёз в коляске мотоцикла «Урал» пригорюнившегося косматого тракториста. Через день от местных жителей мы узнали, что народный судья влепил хулигану пятнадцать суток. На полную катушку!

Этот случай, понятное дело, вознёс наш авторитет до потолка. Мы с Колей немедленно захоронили самых симпатичных в отряде барышень. Причем, он полюбил одну и надолго, а я, обладая характером ищущим, добивался расположения троих, причём параллельно. Я опять нуждался в блицкриге, но так как нравы в те времена не достигали нынешней раскрепощенности, двумя был послан далече, а с наиболее отзывчивой застрял на стадии разминочного петтинга.

Но об этом не сейчас. Пойду уж как иду, по героико-патриотической тематике.

Армеец в отряде имелся ещё один – Виталик Мордвинов, с ним я пересёкся на абитуре. Как сейчас помню, он авантажно выставил на общий стол бутылку экзотического вьетнамского рома, на вкус оказавшегося жуткой дрянью.

Сначала Виталик показался мне просто чудноватым. Знакомясь, он называл имя собственное в уменьшительной форме, что согласитесь, для мужской компании нетипично.

Но это мелочь, главная причуда была иного свойства. Я никогда прежде не видел манерных парней, которые в салоне красоты укладку делают, маникюр, педикюр. Про гомиков тогда ещё мало что было известно. В УК¹⁷ РСФСР за подобное паскудство, совершаемое даже по согласию, статья существовала соответствующая – сто двадцать первая.

По телевизору их не показывали. Обитали они в моем представлении исключительно вокруг общественных туалетов. Но Мордвинов не по голубой части был, просто (это я позже понял) воображал себя аристократом. Надо было видеть, как он пил кофе из крохотной, на один глоток чашечки, делал себе гоголь-моголь, разглядывал репродукции картин в журнале «Огонек», вел светский разговор с председателем колхоза о причинах нерентабельности сельского хозяйства в Нечерноземье.

Отслужил он легко – в авиации, на точке, где дислоцировалось всего отделение – десяток солдат во главе с сержантом. Все русские, половина с высшим образованием. Никаких тебе гарантированных присягой тягот и лишений. Просыпались к завтраку. В армии он вступил в КППС.

Первый раз я поцапался с Мордвиновым на третий день сельхозработ. Он добровольно вызвался кашеварить. С этим делом возникли проблемы, девчонки в отряде подобрались сразу после школы, мамыны дочки. А Виталик напросился сам. Флаг, как говорится, ему в руки!

Вечером вернулись с поля грязные, иззябшие, голодные. Мы с Коляном умылись первыми, первыми и в столовку закатились. А там любезный Виталик Мордвинов в белом фартуке нас встречает. Усаживает за стол, кастрюлю с плиты тащит. Обслуживает по высшему разряду и всё с прибауточками.

А жратву он наготовил – классную! Картошечка жареная, мясо тушеное. Каждому по два солидных таких кусмана! Огурчики свежие, помидорчики. По литровой кружке свойского деревенского молока с пенкой.

Уплетаем мы замечательную Виталькину стряпню и искусника-кулинара нахваливаем. А зардевшийся от смущения Мордвинов присел рядышком, щеку тонкой рукой подпер и любуется нашим аппетитом.

¹⁷ УК – Уголовный кодекс.

Тут начали подтягиваться остальные. Виталья к раздаче отошел. Рассаживаются однокурсники за длинным дощатым столом и отчего-то на нас с Колькой косятся. Я не сразу въехал, а когда понял, чуть от стыда сквозь землю не провалился. Гляжу, у всех в тарелках мятуха картофельная, чуть дно ею покрыто. Пюрешка эта неказистая коричневой жижицей полита. Подливкой из-под нашего с Колей мяса.

Я положил ложку, смотрю в стол, в разлитую лужицу молока и у Мордвинова спрашиваю: – Виталь, а чё нам один хавчик, а братве – другой?

Все замолчали, только самый оголодавший Лёха Петров, мастер спорта по борьбе самбо, стучал ложкой и чавкал.

Мордвинов чуть порозовел, но ответил спокойно, глазом не моргнул:

– Дедушкам Советской армии отдельно. Разве неправильно?

Я не найду, что и сказать, а пацаны ждут. Как раз я таких вот правил скотских, когда у салага забирают пайку, оставляя ополоски, навидался вдоволь. По молодости в нашей доблестной «казахской» зенитно-артиллерийской батарее двести семьдесят шестого мотострелкового полка. На втором году службы я твёрдо придерживался общепринятых армейских традиций, но никогда не беспредельничал. И за моим столом молодых не обжирали.

Коля нашелся первый. Оставшийся шматок мяса он переложил в пустую тарелку самбиста. С картошкой вместе выгреб.

– Ты, Виталий, больше так не делай. За такое в морду бьют! Пошли, Миха, покурим.

Мы двинули на выход. Когда проходили мимо Мордвинова, я резко шагнул в его сторону, обозначил удар в солнечное. Виталик суетно и запоздало изобразил блок, уронил полотенце.

Я хлопнул его по плечу:

– Не ссы, солдат ребенка не обидит!

Позади за столом засмеялись пацаны и девчонки.

А через пару дней я нашел повод для драки с Мордвиновым. Разумеется, в нетрезвом состоянии будучи. Став другим человеком, мистером Хайдом.

Там, в отряде я крепко подружился со вчерашним десятиклассником Денисом Автономовым, представлявшим собою колоритный тип головастого оторвы-неслуха, впервые вырвавшегося на волю из-под родительского крыла. Дениска буквально смотрел мне в рот.

В принципе, только за одно вовлечение семнадцатилетнего в пьянство мне грозила уголовная ответственность. С другой стороны, силком ему ко рту стакан никто не подносил.

К этому времени мы сошлись с деревенскими. Вечерами они приезжали на мотоциклах, привозили катушечный магнитофон «Астра». Под навесом летней столовой устраивали ночные дискотеки. Несколько наших девчонок повелись на дружбу с аборигенами, потом даже кто-то из пацанов этих в универ приезжал к ним в гости. Напрочь позабывал и вспоминать не буду их имен, помню, что выглядели они старше своих семнадцати-восемнадцати годов – по мужицки заскорузлые, грубые... Тяжелый крестьянский труд, он даром не проходит.

Разумеется, они ни разу не отказались выпить. Причем, пили дешёвое крепленое вино типа «Солнцедара». На запах вонючее, противное на вкус, но без промаха бьющее по мозгам.

Мы давали деревенским денег, они, моторизованные, гоняли за бухлом в другую деревню, где имелся сельмаг. Пили за углом, практически не закусывали. Не ради процесса и общения, а для достижения нужного результата. Пьянели обвальню и тяжело. И по пьяной лавочке сумел я настроить деревенских против своего антипода Мордвинова.

Причем мотивы для неприязни подобрал с патриотическим уклоном.

На абитуре мы с ним трепались про разное и, ни с того ни с сего, вдруг Володя стал негативно отзываться про ветеранов войны, что вот они кругом лезут без очереди, покупают в ущерб молодёжи «джи-ин-сы»... Эти «джи-инсы» у меня почему-то особенно в голове засели. Я тогда возразил ему и только. А в голове осталось.

К нему примкнул забавный парень Тимоха. Сам с Мурома, безвредный по жизни, но имевший необычную деталь в причёске. У него были высоко сбриты виски. Поэтому он был наречён «Панком». В моём тогдашнем понимании сбритые виски являлись стопроцентным доказательством принадлежности к фашистам. В Свердловске осенью восемьдесят третьего, когда мы готовились к параду, панки эти самые (я сам, правда, не видел, «замок» Мара Мустафаев рассказывал, чего ему врать?) кидали в колонну бронетехники, выезжавшую ночью в город для учебных тренировок, пустые бутылки и даже якобы подожгли «бээмпэшку»¹⁸ первого батальона. Но вот уже самолично я лицезрел на стенах домов нарисованные свастики и всякие гнусные надписи фашистские. Все в батарее и даже товарищи офицеры говорили: «Это панки нарисовали, они, суки, хотят сорвать праздничный парад».

Понятно, какое у меня к панкам отношение сформировалось. Особенно когда плодово-ягодный градус в башке запульсировал. По-хорошему, надо было Мордвинова с Тимохой вызвать для разбирательства на гумно¹⁹, туда, где отсутствовали зрители. Хотя, вряд ли бы они пошли в безлюдное место.

В общем, мы с Денисом и пара сочувствующих деревенских парней ввалились в нашу комнату. Много там, помнится, было народу, девчонки в гостях сидели.

Нетвёрдо я подошел к Тимохе, за плечо ухватил.

– Чё ты виски сбрил, брат? Зачем? Ну?!

Тимоха медленно поднялся. Испуганный, задрожавшими губами шлепает, а ответить толком не может.

Ну я ударил его тогда с правой в челюсть. Он, как полагается, упал. Правда, хвалиться тут нечем, он физически слабый парень, ничем не занимался, а я всё-таки раньше по груше стучал. Да и фактор неожиданности сработал.

Через койку, окрыленный лёгким успехом, я перепрыгнул к Мордвинову. Видел только его до отказа распахнувшиеся рыжие глаза. злые. Он стоял в стойке. Тогда все любили ногами махать, с понтом каратисты, мода такая была.

По бороде я его смазал, но не вырубил. Он пошел в отмашку, пару чувствительных плюх мне по рукам перепало. Тут на помощь подоспел Денис, парень от природы крепкий и резкий.

Деревенские сателлиты восприняли наши действия как сигнал к атаке. Кто-то им подвернулся под кулаки. Завизжали девчонки, как поросятки под ножами, будто сирены включили. Визгом своим матюги перемешали.

К счастью, остатки моих мозгов ещё соображали. Подручные предметы типа кроватных дужек и табуреток в ход не пошли.

Обида и инстинкт самосохранения подняли на ноги пацанов-студентов. Рукастый самбист Лёха Петров сгрёб меня в охапку.

– Пусти, тварь! – Я барахтался беспомощно, пытался укусить его за ухо.

Нас, распоясавшихся хулиганов, оттеснили в коридор за дверь, которую обороняющиеся тотчас подперли баррикадой из кроватей.

Под дверью мы орал долго, ногами долбили, требуя открыть. Вызывали Мордвинова и остальных выйти поговорить по-честному.

– Я с тобой попозже потележу! – такой шедевр, к примеру, отлил я.

Вместо «потележу» иное слово было употреблено, в рифму, из разряда табуированных.

Присказку эту я на вооружение взял у рядового Советской армии матерщинника-виртуоза Гены Лемешкина.

¹⁸ «Бээмпэшка» – боевая машина пехоты.

¹⁹ Гумно – огороженный участок земли в крестьянском хозяйстве, расположенный, как правило, на задах.

Осаждённые не поддались на провокации, в связи с чем ночевали мы у одного из друзей-аборигенов. А наутро пришёл ужас похмелья. «Ой, где был я вчера, не найду днём с огнём»²⁰.

Получив высшее юридическое образование, в прокуратуре поработав, я постиг, что наши тогдашние действия конкретно образовывали состав «двести шестой статьи», вторую её часть. Злостное хулиганство, совершённое с особой дерзостью!

С учётом того, что тогда, в восемьдесят пятом, общество ещё не проросло ростками гуманизации, мне как инициатору, втянувшему в преступление малолетку, граждане судьи вкатили бы «трёху» реально. Причем усиленного режима, потому что «двести шестая-вторая» была тяжким преступлением.

И я бы прожил тогда совершенно другую жизнь.

Кем бы я стал к нынешним тридцати шести? Озлобленным работягой, который не может забыть срок, заработанный по молодости? Не получившим образования, пьющим. Или неоднократно судимым рецидивистом с диагнозом «инфильтративный туберкулёз лёгких, активная фаза»? А может, авторитетом уголовного мира? Неисповедимы пути Господни.

Нас простили одноклассники, ограничились профилактическими мерами, хотя Мордвинов и настаивал на том, чтобы делу дали официальный ход, чтобы в деканат сообщили. Из комиссаров меня, понятное дело, выперли. И то, какой из меня комиссар? У меня от одного этого титула чесотка по всему телу начинается.

Простили нас с Денисом отходчивые мальчишки и девчонки и потом не пожалели. Время показало, что ребята мы, в общем и целом, положительные.

5

– Теперь вы, Бобров! Смените поручика!

– Я не могу больше. Устал. Всё равно бесполезно.

– Заткнитесь! Что вы скулите, как баба? Копайте!

Я обрел сознание или проснулся. Или и то и другое одновременно. Удивительно, но едва заслышав знакомые голоса, я сразу допетрил, где нахожусь. В палате № 6, где силами больных и персонала ставится забойная пьеса про гражданскую войну. Действие третье. «В потёмках».

Вот только чем заняты мои товарищи по застенку, не пойму покамест.

В углу, в крошечной тьме кто-то одышливо дышал, задыхался почти. Чем-то скрёб и шуршал. Царапался, подскуливал и причитал.

– Барон, перекидайте землю в сторону от лаза!

Это капитан Корниловского полка Сергей Васильевич распоряжался своим хрипловатым баском аля-Армен Джигарханян.

Э-э-э, да они никак в побег намылились!

У меня всё жутко болело и по частям отваливалось – голова, грудина, ливер. Но как ни странно, я соображал и даже действовал.

Р-раз и вот я уже сижу на заднице.

– Кто там? Штабс-капитан, вы очнулись? Эй! – Сергей Васильевич среагировал моментально.

– Так точно, – ответил я, пытаюсь разглядеть, что делается в углу.

– Как вы? Идти сможете? – корниловец переместился ко мне.

Я смутно различал силуэт его фигуры, казавшейся неправдоподобно огромной, клешнястой. От него остро пахло потом и свежей землей. У него по-волчьи блестели глаза. Впрочем, это надуманное сравнение. Как выглядят у волка глаза в темноте, я никогда не видел. У котов

²⁰ Цитата из песни В. С. Высоцкого.

видел – зеленые, горят. А у собак не светятся. Собаки те в темноте рычат угрожающе, жути нагоняют.

– Идти, говорю, сможете?!

Я тряхнул головой.

– По. попробую. А куда?

– Мы роем подкоп под стену, – терпеливо, как маленькому, объяснил мне Сергей Васильевич. – Уже около двух часов. Грунт тяжелый. Будто спрессованный.

Я на четвереньках пополз в угол, где копали. Постучал по колыхавшейся мягкой, но холодной и скользкой спине. Понял, что это обыватель Бобров в шёлковом нижнем белье.

– Позволь-ка, братское сердце.

Одышливый Бобров охотно согласился. Сразу видно, к физическому труду он не привычен. А я? Последний раз мне довелось держать в руках лопату в мае месяце, когда помогал родителям картошку сажать.

Сейчас вместо лопаты Бобров сунул мне в руки какую-то плоскую штуковину, похожую на зазубренный осколок плоского шифера. Впрочем, в девятнадцатом году шифера ученые ещё не придумали. Ни плоского, ни волнистого.

Я втиснулся в лаз перевязанной головой вперед. За два часа мои товарищи по несчастью углубились на метр, не более. Начал ковырять тугую землю пещерным скребком. Отколупывал микроскопические кусочки, несоразмерные с той толщей породы, которую нам предстояло преодолеть.

Я чувствовал себя полным Сизифом, однако продолжал колупаться. Пока я был в отключке, мои корешки кабурили²¹. Мне надо показать себя. Я вынослив, как японец. Не зря, когда стригусь наголо, меня принимают за азиата.

Кроме того я владею методикой подобных работ. Я действовал осмысленно и хвалил себя за это. Наковыряв достаточно земли, я выползал из тесного штрэка, руками выгребал грунт и отбрасывал его в сторону. Ужасался, что его всего пригоршня оказалась.

Время замерло, последовательность моих действий та же, я не останавливался ни на секунду, но мой коэффициент полезного действия стремился к нулю.

Когда в очередной раз, обессиленный, я вылез на волю, услышал пришедший сверху сдавленный сишный шепот.

– Эй! Ваш бродья! Не копайте, бо дюже громко слышно!

Капитан Сергей Васильевич, плеча которого я касался, окаменел. Упруго приподнявшись, он прокрался к воротам, откуда донёсся шепот.

Сквозь щели в кромешную темень застенка просачивалась рябая муть ночных светил – молодая луна, звезды.

– Ваш бродь. Зараз оне уси улягутся, и я вас выпущу! – это, наверное, добрый волшебник прилетел, уселся под дверь и нашептывал.

Или провокатор?

– Господи милостивый! – мокро всхлипнул Бобров.

Капитан, приникший к воротам, спросил на одном глубоком выдохе:

– Ты кто?

Как будто это обстоятельство принципиально важно. Я пытался сглотнуть, пробить застрявший в горле комок и не мог. Глотка обернулась тёркой для овощей, горячей к тому же.

Сергей Васильевич какое-то время пошептался с волшебником, потом вернулся к нам, азартно потирая руки. От него расходились мощные положительно заряженные биоволны.

– Господа, кто-то крепко за нас молится! Мы спасены! Представляете, объявился ефрейтор тьмутараканского какого-то полка. От красных дезертировал. В бандитах вторую неделю.

²¹ Кабурить – копать подкоп (уголов. жаргон).

Совесть ему не позволила смотреть, как нас кончат. Господин Бобров, вот тот самый презираемый вами русский мужичок-с!

Мы замерли в бесконечном, густом ожидании. Я лежал на спине. Страх сосал моё сердце, чавкал им. Я боялся, что не смогу подняться, а если и встану, то не сумею идти.

Сколько длилась пауза? Полный час? Считанные минуты?

Потом на улице громынуло, стукнуло, упало. Я понял, что сейчас на этот ужасный шум сбежится весь бандитский населенный пункт.

Несмазанными петлями завизжала воротина, распахнулась наружу двумя равными половинами. Лунная подсветка вошла в нашу камеру. Зыбкие полутени приобрели конкретику и объем.

– Ну же, штабс-капитан!

Я не привык ещё к новому обращению, поэтому на окрик среагировал не сразу. Вскочил и побежал в проем, в пьянящий свежестью воздух.

И уже перелезая через плетень (перемахивать его «ножницами», как Сергей Васильевич, не рискнул), до меня дошло, что я вполне ходячий. Не обезножел!

В темноте я ориентировался на прыгающее впереди светло-мутное пятно – на спину молодого поручика. А в затылок мне тяжело дышал, наступал на пятки обыватель Бобров.

Я не уступлю ему лыжню, не сдамся. Я не буду последним.

Теперь главное дело моей жизни – не отстать. Я не обращал внимания на колкую стерню, хоть я по-прежнему босиком. Не пытался отводить руками ветки, хлеставшие в лицо. в пылающую морду. Набирая скорость, бешено неся по крутому склону, ведая, что не споткнусь.

На третьей скорости влетел в спину остановившегося вдруг поручика. Мы упали, покатились.

– Сюда! Господа, скорей сюда! – сбоку сдавленно крикнул Сергей Васильевич.

И там, откуда он подал голос, существовал новый сложный набор звуков – металлическое позвякивание, фырчанье, тяжелые короткие переступающие шаги.

Оказывается, дальше мы поедем, мы помчимся на тачанке-ростовчанке утром ранним. Наш доблестный освободитель, отважный ефрейтор оказался вдобавок ко всему и смышленным. Он сообразил, что ехать куда лучше, чем идти пёхом.

Я забрался в повозку, пополз по чьим-то ногам и рукам. Нашёл свободный уголок и, как по заказу, в нужном месте вырубился.

6

Полных семьдесят два часа я обретаюсь в этом мире. Почти сутки ушли на бандитский плен и побег из него. Последующие двое провалялся в околотке первого Корниловского ударного полка, куда меня определил Сергей Васильевич. Капитан Кромов, командир третьей роты. Он же пожаловал мне, разутому, ношенные и многажды чиненные, но достаточно крепкие яловые сапоги.

Я до сих пор на больничке и не тороплюсь с выпиской, несмотря на то что оклемался. Отоспался на свежем воздухе под навесом, плотно поужинал, крепко позавтракал, отдохнул и голова почти не беспокоит. Субдуральная гематома передумала, видно, развиваться и терзать нежное вещество головного мозга. Покладистая попалась гематомка.

Вчера утром сестра милосердия почистила мне рану, обработала её пероксидом водорода²², наложила мазь со знакомым резким запахом, стала бинтовать голову.

– Жить буду, красавица? – сдерживаясь, чтобы не ругнуться от разбереженной боли, поинтересовался я, по привычке заигрывая.

²² Старое название перекиси водорода.

– Сто лет, – спокойно ответила сестра.

Она была очень близко от меня, почти касалась грудью. От неё пахло молоком и сеном, а ещё яблоком. Парфюм не присутствовал. На рукаве её платья у плеча пришит шеврон именного полка. Выцветший бледно-голубой щит, на котором – адамова голова с костями, скрещенные мечи, разрывающаяся бомба, а надо всем этим надпись дугой – «корниловцы».

– Через пару дней вернетесь в строй, господин штабс-капитан, – обрадовала сестра под ухот.

Её оптимизма я не разделял. Не в связи с какими-то идейными соображениями, а в силу неподготовленности. Это всё равно как пятиклассника огорошить: «Завтра идешь гос по высшей математике сдавать». Мало того что он в предмете – ни ухом ни рылом, ему даже времени на написание шпаргалок не дали.

Итак, я – в прошлом. Как и почему я здесь очутился, тема для отдельного научного исследования. Или у меня – затянувшаяся трёхмерная визуально-слуховая галлюцинация? Ещё возможно, что я угодил в компьютерную игру. Волшебники меня перенесли в монитор, ага.

В фильмах так показывают: сидит мужик у телевизора, газету читает, в носу ковыряет, а из экрана на него – крутящаяся световая воронка – фигак. Засосала, и вот уже мужик в корейском своём телевизоре в шлепанцах убегает от диплодока в мезозойской эре.

Сюжет в общем избитый. Сотни фильмов про это, книг. Сам я в детстве, обладая неумеренной фантазией, целые эпопеи историко-фантастические сочинял про путешествия во времени и пространстве.

Но фантазию в любом месте можно прервать, телик выключить, книжку захлопнуть, а тут.

Как прекратить эту чертовщину? А если её невозможно остановить, и придется в ней существовать – как адаптироваться в чужом, прошедшем, военном времени?

Свои координаты по обеим осям координат я пробил довольно легко. Продрыхнув, судя по затекшим конечностям, не менее десяти часов, я поковылял на улицу размяться. Столкнулся с солдатом, который выносил бадью с помоями.

Он перехватил бадью в левую руку и козырнул мне.

– Скажи-ка, братец, какое нынче число? – обнадеженный его почтительным поведением, поинтересовался я.

– Так что, тридцать первое июля, вашбродь! – браво гаркнул солдат.

Я поморщился и кончиками пальцев коснулся забинтованной головы. Спросил преувеличенно тихо, как бы через острую боль:

– А село как называется?

– Воскресенское, вашбродь!

– Спасибо, братец, – кивнул я и посетовал: – Всё на свете у меня перемешалось.

Я мог бы и не говорить этого, заданные вопросы вполне укладывались в схему поведения человека, получившего ранение головы.

Добравшись до своего лежбища, залез под ветхое одеяло и стал загибать пальцы. В буквальном смысле.

«Прописывался» я в пятницу непосредственно после строевого смотра. На календаре было десятое августа, верняк. С того дня прошло трое суток. Получается, сегодня должно быть 13.08. Но солдат сказал, будто сегодня тридцать первое июля. И чего?! Правильно сказал, они же по-старому время считают, минус тринадцать дней. Вот оно и получилось!

Теперь год. Или восемнадцатый или девятнадцатый. Почему не двадцатый? Нет, это уже – Врангель, он армию из Добровольческой в Русскую переименовал, а Сергей Васильич в сарае, помнится, говорил: «Половину Добрармии союзники своей одежкой экипировали». Это он насчёт моего прикида прошёлся.

А что – за восемьдесят лет в этом направлении принципиально нового не изобретено – цвет хаки, накладные карманы на груди и боках, погоны. Двадцатый год откидываем и по географическим соображениям. Летом двадцатого Врангель, из крымской «бутылки» вырвавшись, бился в Северной Таврии, там сплошь степи. А здесь и леса присутствуют. На опушке одного я проснулся, через другой мы на таратайке от бандюков ударили. Да и говор у местных жителей хотя и мягковатый, южный, но не откровенно хохляцкий.

По названным причинам 1918 год также вычеркиваем. В июле восемнадцатого Деникин повёл своих бойцов во второй Кубанский поход. И никакой помощи тогда союзники белым не оказывали. Не до того им было, они с немцами вовсю продолжали воевать.

Итак, на дворе 31 июля 1919 года. Со временем более-менее прояснилось. А с местом? Село с «оригинальным» названием Воскресенское имеется в половине русских областей. бр-р-р, губерний. Уточнять географию у солдата, несмотря на его внешнюю лояльность, я не решился. Человек может из-за травмы головы забыть число. Его могут в бессознательном состоянии перевести из одного населенного пункта в другой. Но какие-то привязки к местности у него оставаться должны!

Впрочем, можно просчитать, от хронологии отталкиваясь. В июне, в середине где-то, если память меня не подводит, добровольцы взяли Харьков. Севернее Харькова у нас что располагается? Правильно – Белгород, по карте прямо вверх. Потом – Курск, Орёл. Дальше Деникин не продвинулся. Но это уже события осени. А июль? Где были белые на юге России на исходе второго летнего месяца грозного девятнадцатого года? Стоп, а чего я взялся чертить прямую от Харькова на Москву? Деникинский фронт больше чем на тысячу верст растянулся, от Екатеринослава до Царицына, от Днепра до Волги. Ну ты вообще! Корниловский-то полк был один и входил он в состав первого армейского корпуса генерала Кутепова, наступавшего на главном московском направлении. Тут, как говорится, без вариантов.

Когда я свёл концы с концами, у меня полетче на сердце стало. На короткую минуту, правда. День, максимум два – курс лечения завершится и посыплются вопросы: кто я, откуда и зачем.

Ну с документами отмазка понятная. Они, как бы, у бандитов остались, тому есть живые свидетели, один из которых – капитан Кромов, авторитетный офицер, первопоходник²³. А вот как я у бандитов оказался? Какой я части? Артиллерист, коль скоро в петлицах эмблемы соответствующие? Эмблемки артиллерийские – верх консерватизма, никаких изменений не претерпели – два скрещенных ствола. Поставят меня к трехдюймовке: «Ну-ка, бомбардир, покажи себя», и чего дальше? Не скажешь ведь, что в нашем гвардейском полку артиллерия исключительно реактивная. БМ-21 «Град» на базе «УРАЛ-375»! Да и в «Градах» я ни бельмеса не петрю. Ищейка я армейская, дознаватель. И рядовым необученным не прикинуться – по возрасту и погонам давно не новобранец, целый штабс-капитан в их измерении.

Откуда же я такой нарядный нарисовался? Может, на потерю памяти сослаться, как Доцент в «Джентльменах удачи»? Тут – помню, тут – не помню! В поезде с полки упал, башкой ударился.

– Так не бывает, – сказал тогда Хмырь.

И мне скажут аналогично. Только здесь не кино, бьют здесь по-настоящему. Война, шарады разгадывать некогда и незачем. Меня просто шлёпнут.

Попробовать объяснить что я из будущего, из две тысячи первого года? Попал сюда не знаю, как. по пьянке. Прошу не кантовать, при пожаре выносить первым. Тоже – вариант заведомо тупиковый. Сто пудов – не поверят и не за психа примут, а за красного шпиона.

²³ Первопоходник – участник 1-го Кубанского, «Ледяного» похода.

Блин, не хочется думать о смерти, поверьте, в тридцать шесть мальчишеских лет!²⁴ Что делать, что делать?!

Без сна я проворочался всю ночь и лишь под утро, когда стало светать, забылся вязким, путаным полубредом, в котором ел огромную грушу. В недрах полезного фрукта обнаружился мой военный билет в красной обложке со звездой и надписью «СССР», и я этому не удивился. Помню, пытался прожевать вместе с сочной мякотью груши и «корку» военника, а она клеёночатая, несъедобная.

Потом меня одолели назойливые мухи, которых, вероятно, привлёк «аромат» гноившейся раны. Не то чтобы они больно кусались, просто противно – бегают по лицу, лапки быстрые, липкие.

Я встал с чугунной головой, зевнул и потянулся. Начинался новый день. Временем я не владел, мои пластмассовые электронные часы «Made in Korea» носит теперь бандитский атаман.

Часов шесть, седьмой. Рано.

– Господин штабс-капитан! – меня позвали.

Я вздрогнул и обернулся. В проулке за плетнём стоял молоденький офицер из легкораненых. Я видел его накануне на перевязке. И даже успел с ним познакомиться.

– Прапорщик Баженов, – улыбочиво представился он вчера, протянув левую руку.

Правую, забинтованную и оттого толстую, прапорщик нянчил на перевязи.

– Маштаков Михаил Николаевич, – ответил я на влажное пожатие.

Определился – лучше по максимуму пользоваться своими данными, нанизывая на них нужные детали. Так меньше вероятности запутаться.

Через плечо Баженова перекинута вафельное полотенце. Сквозь оттопыренные уши его малиново просвечивало солнце.

– Господин штабс-капитан, не составите компанию искупаться?

Я пожал плечами. С одной стороны, я изрядно запаршивел, буквально прокис. А с другой.

– У меня, знаете, ни намылиться, ни утереться нечем.

– Дело поправимое, – бодрый прапорщик продемонстрировал коричневый брусок размером со спичечную коробку, – мыльце имеется. А полотенце я сейчас принесу, у меня запас.

Через пару минут Баженов снабдил меня льняным рушником, расшитым по краям красными петухами. Я с сомнением осмотрел нарядный предмет декора – жаль вытираться такой красотой.

– Чистый, не сомневайтесь! – прапорщик по-своему понял мои колебания.

И я пошел за ним вниз по проулку, между домами, мимо колодца со скрипучим журавлем. Навстречу, обдав топотом и волной острого конского пота, пронеслись двое всадников.

– Как ваша рука? – я решил завладеть инициативой, избежать положения расспрашиваемого.

– Благодарю, Михаил Николаевич, значительно лучше! Только жутко чешется!

Молодец парень, с первого раза ущучил как меня звать-величать. А вот я со своей хваленной памятью потерял его имя, хотя он тоже назывался полностью.

– Раз чешется, значит, заживает, – выдал я вещь банальную, но беспроегрешную.

И сразу накинул следующий вопрос, из припасенных:

– Где вас зацепило?

– Под Дмитровкой, – поморщился Баженов.

Очевидно, вспомнив, как укусила его пуля.

– А-а-а, – протянул я с учёным видом знатока.

²⁴ Искаженная строчка из популярной советской песни «Орлёнок».

Название мне ничего не сказало. По крайней мере, про большие сражения под указанным населенным пунктом я не читал.

– Жарко было? – я форсировал попытки растормошить прапорщика.

Баженов вместо ответа быстро взглянул на меня. Как-то по-другому, пытливо. Да нет, быть не может. Вопрос мой из области общих, геополитических пластов не сдвигает.

Он всё-таки ответил через десяток шагов, вопросом:

– А вас разве не там ранило?

– Меня-а-а? – переспросил я по общему правилу всех двоечников, надеющихся услышать подсказку.

Но цимес весь в том, что шепнуть из суфлёрской будки некому.

– Вы вчера сами сказали, – продолжал удивляться Баженов.

«Мама дорогая, ни хрена не помню, чего наплёл намедни!»

Я заставил себя как можно спокойней посмотреть прапорщику в глаза простым и нежным взором.

– Вы меня, очевидно, неправильно поняли, – принялся заметать следы, – или, скорее, я – вас. У меня голова вчера... не того.

Тут мы очень кстати вышли к водоему, и я мотивированно сменил тему. С театральностью взмахивая рукой, воскликнул:

– Какая красота!

Неширокая безымянная для нас речка петлей охватывала село, поддерживая, будто бандаж – вываливающуюся грыжу. Утро выдалось росистое, промытое до скрипа. День искренне обещал быть жарким. Тропинка, по которой мы двигались, в низинке зачавкала под ногами и на развилке вильнула влево. На сходнях две тётки усердно полоскали белье. Гора выстиранного, но не отжатого высилась в деревянном корыте.

– Место мое занято, – огорчился Баженов.

Прачки стояли в позициях весьма любопытных: на коленках, к речке передом, к нам – задом. Подолы были у них высоко подоткнуты, тонкий сырой ситчик откровенно облепил бедра – мощные, красивые.

Я вспомнил, что нижнего белья русским крестьянкам не полагалось и громко кашлянул, чтобы обратить на себя внимание. Я же не вуайерист, в конце концов.

Правая отреагировала первой. Поднялась, крутнулась, вспыхнула, оправила юбку – всё в один миг. Откинула со лба русую прядь, уперла в бок руку и спросила бойко, не без кокетства:

– Вы чегой-то, господа офицеры, как тихо подкрадываетесь?

– Никак испугались? – я ответил в тон, откровенно любуясь правильным округлым лицом, смышленными тёмными глазами, чистой шеей, отсутствием косметики.

– Чего бояться белым днем да у себя дома? – грудь женщины ещё не успокоилась после работы. – Чай, вы не разбойники с большой дороги? Господа!

– Не говори-ка, – согласился я.

– Мы, между прочим, тут купаться намеревались! – Баженов не был настроен подбивать клинья к прачкам. – А вы взбаламутили!

Шустрая бабёнка не убоилась строгого прапорщика.

– Вашим же стираем, – без улыбки сказала. – Саженой сто вверх пройдите. Там сход к воде песчаный.

– Пойдемте, – я увлёл Баженова за локоть здоровой руки.

Он напрягся и царапнул меня взглядом. Так же колюче, как и по дороге сюда. Что не так? Может, я не в меру фамильярен? Малознакомого взял под локоть, с простолюдинками треплюсь.

– Пес-ча-ный?! – дернув шеей, отдельно переспросил прапорщик. – Да там труп под берегом болтается! Китаец!

– Эва вспомнили, ваше благородье, – тихо ответила кареглазая. – Некрещёного ещё по тот день дед Волоха земле предал. А водичка проточная, течение шустрое.

В общем, подыскали мы другое место, без песчаного схода и без покойников.

Я помог Баженову стянуть через голову гимнастерку, а потом долго освобождал его перебинтованную руку от узкого, наизнанку вывернувшегося рукава. Прапорщик в это время кусал губы и обливался потом. С нижней рубахой получилось гораздо проще, у неё был по шву распорот рукав.

Кальсоны Баженов снимать не стал. Боком, щупая дно ногой, он осторожно пошел в воду.

Пока он был ко мне спиной, я гораздо меньше, чем за сорок пять секунд поскидал с себя одежду. Вряд ли прапорщик увяжет со знаменитым футболистом Марадонной мою зелёную майку с вышивкой «Reebok» на груди и с номером «10» на спине. Опять лишние вопросы возникнут. А тут ещё – невиданные в конце второго десятилетия прошлого века трусы-плавки, белые в синюю диагональную полосочку.

Вот крест на шее оказался кстати. Без него было бы сложнее. Пришлось бы и по этому поводу оправдываться, врать, мол, цепочка оборвалась.

В реку я вбежал, по-жеребьячи высоко вскидывая ноги и взвизгивая.

– Ключи бьют! – клацая зубами, сообщил зашедшему по грудь Баженову.

Прапорщик не отвечал, блаженно притворив глаза. У него подрагивали веки. Раненую руку он держал кверху, боялся замочить.

В несколько взмахов я подплыл к другому берегу. Попробовал встать и не нащупал дна, оказалось глубоко. Рядом со мной на потревоженной поверхности воды на полированных больших листьях покачивались желтые бутоны кувшинок.

Я оглянулся на неловко, левой рукой намыливающегося Баженова, на берег, с которого приплыл, на брошенную там грязную одежду. И понял – никуда не побегу, потому как – некуда.

Помылись мы от души. Правда, я не решился попросить прапорщика потерять мне спину. Вдруг это не принято в среде полуинтеллигентов.

Течение растаскивало мутную мыльную воду.

Когда дома я отмачиваюсь в горячей ванной после очередной (ей-богу последней!) тяжелой пьянки, я рождаюсь заново.

С почти физиологическим наслаждением, стоя на коленках под контрастным душем, я неотрывно слежу, как в сток, в склизкие бесконечные километры коммуникаций засасывается серая жидкая грязь в ошметках мыла, в путаных волосьях. Содранная жёсткой пластмассовой мочалкой шелудивая шкура!

Нырнуть, поплавать под водой с открытыми глазами, чтобы волосы стали шелковыми и зашевелились, как у Ихтиандра, не разрешала чалма на голове. Марлевая повязка за ночь ослабла и съехала набекрень.

Ухватившись за ветку, я полез на берег, рискуя поскользнуться на глинистом склоне.

– Классно! – купанье меня взбодрило.

– Как вы сказали? – переспросил Баженов.

– Хорошо, говорю, – завибрировал я, зарекаясь тщательней фильтровать базар.

Прапорщик с неприкрытым интересом рассматривал меня, голого, покрытого мурашками.

– Штыковое? – спросил про сизый толстый шрам, опоясавший мою бочину.

– Угу, австрийский тесак.

Как ни странно, это чистая правда. Семь лет назад по пьяному делу в абсолютно неподходящем для заместителя прокурора месте меня подрезали настоящим австрийским штыком. Разумеется, шерше ля фам. Кто ударил – не скажу, я и в ходе служебной проверки молчал как рыба об лёд, как ни крутило начальство. Та история и послужила причиной моего бесславного исхода из прокуратуры.

В начале гулянки, когда ничего не предвещало скандала, я резал этим тесаком копчёное сало. Приблизив к глазам тридцатисантиметровый саксан, жуткий даже в мирной обстановке, не сточившийся за десятилетия, с кровостоком посередине, я попытался разобрать клеймо, вытравленное над рукоятью. Штык прибил из неуничтоженных в установленном порядке вещдоков.

По всем канонам меня должны были проткнуть насквозь, как майского хруща. Внутренние органы оказались незадетыми по неправдоподобной случайности. Удар пришелся вскользь. Однако крови пролилось много. море. к счастью, не Мёртвое.

Баженов цокнул языком, покачал головой. Бесспорно, мой рейтинг в его глазах вырос не меньше чем на десять пунктов.

В университетской общаге у меня над койкой висел портрет обожаемого в то время молодёжью Розенбаума. Автором акварели был мой однокурсник Гриня Колпаков, закончивший художку. В верхнем углу шедевра белой гуашью прыгающими буквами я дописал цитату того же поэта: «Простите то, что честь я отдаю лишь тем, с кем дрался в штыковом бою!».

Судя по реакции прапорщика, он не задумываясь подписался бы под этим двустижием.

А вот татуировка на моём левом плече Баженова озадачила. Глупость эту я сотворил в армии под самый дембель.

Был у нас в батарее умелец с моего призыва Гена Лемешкин. Родом с Алтая, из города Рубцовска. «Комнатный сибиряк» – он себя называл. Колол Гена машинкой, переделанной из механической бритвы на пружинном заводе. И не абы как, а изящно, с тенями и полутонами. Эпидемия пошла по батарее.

Гена, и так парень не последний, бурый «дедушка»²⁵ Советской армии, скоро сделался популярным за пределами подразделения. После отбоя пропадал, возвращался под утро, на кочерге. Курил исключительно ленинградский «Космос». Шестьдесят копеек – пачка! При месячном денежном довольствии рядового в три рубля восемьдесят копеек.

Почти все кололи рыкающие морды тигров. Над сердцем, на левой груди.

Когда комбату слили про новое увлечение, он построил личный состав по форме номер два. Труссы, каска, валенки.

С построения трое дедов и борзый черпак Фируз Гаджиев, имевшие свежие напорюхи, отправились напрямиком в санчасть. Для получения медицинского заключения о возможности содержаться на губе²⁶.

Проведенная карательная акция на время заставила поклонников, как сейчас говорят – тату, затихариться, но потом они снова подняли голову.

А я месяца три таскал в комсомольском билете приглянувшуюся картинку. На ней кинжал делил по вертикали человеческое лицо и оскаленную волчью морду, образуя единую жутковатую маску. Снизу ленточкой шла пояснительная подпись: «Человек человеку – волк!»

Всю зиму я прицелялся к эскизу. Картинка потерялась на сгибах. Но в итоге решился. И за три вечера по дружбе, не торопясь, Генюк приделал мне художество на плечо.

Дома мама, увидев татуировку, проплакала целый вечер. В её понимании наколка автоматически причисляла меня к уголовному миру.

– Зачем тебе нужна эта грязь, Миша? – убито спрашивала она.

– Красиво! – отвечал я бодро, чувствуя неловкость и раздражение.

Конечно, я понтовал напорюхой перед пацанами молодыми на абитуре и потом в универе. Перед девчонками, само собой. Всякие небылицы придумывал.

²⁵ Дедушка, дед – военнослужащий срочной службы, прослуживший от 1,5 лет до дня опубликования приказа МО об увольнении в запас его призыва (арм. сленг).

²⁶ Губа – гауптвахта (арм. сленг).

В девяносто восьмом году, когда я работал в розыске, татуировка, резаный шрам на бочине и утомлённая от регулярных возлияний «физика» послужили причиной того, что при отборе кандидатов для оперативного внедрения в одну достаточно крутую славянскую группировку альтернативы мне не нашлось. По задумке часть сцен должна была проходить на пляже и в сауне.

Имидж дополнили модельная причёска «площадка», кованая золотая цепура, «гайка», спортивный костюм «adidas» и тапки той же фирмы. Чёрная практически нулёвая «бээмвуха» была выцеплена со штрафной стоянки под ручательство первых лиц горотдела.

Комбинация проводилась, понятное дело, не в родном городе, где нас с напарником знала каждая собака, а в областном центре. Итоги её вылились в изъятие одиннадцати «тэтэшников», гранатомета «муха», трёх гранат «Ф-1», без малого тысячи «акээмовских» патронов, арест пятерых активных участников ОПГ, премию в размере оклада, недельный загул и несостоявшееся награждение орденом «Мужества».

В суде громкое дело практически развалилось. Адвокаты повернули так, что наша работа суть наглая провокация, чуть ли не уголовно наказуемая. Что мы подтолкнули добропорядочных граждан к совершению тяжкого преступления, заказав им партию оружия и боеприпасов.

Как будто каждый может реально выложить на прилавок такой арсенал! Как будто пистолет «ТТ» не любимое оружие киллеров! А «эфками», у которых радиус поражения двести метров, они что, собирались плотву в Клязьме глушить?!

Родная прокуратура скиксовала тогда. Даже протест на мягкость не принесли, боясь, что получившийся дохленький приговор, по которому бандюкам дали условные сроки, не устоит в кассации в случае жалоб.

Я быстро думаю, скоро соображаю. Пока прапорщик Баженов пялился на татуировку, разбирая жизнеутверждающую надпись под ней, я отметил, что сейчас ситуация похожа на упомянутое оперативное внедрение, но в сто раз паскудней. Даже в тысячу!

Тогда я основательно готовился, назубок заучил легенду, имел документы прикрытия. Со мной был верный напарник, рукопашник Лёха Тит. Нас страховали два десятка сотрудников: опера, разведчики наружного наблюдения и «отээмщики»²⁷. А самое главное, я знал, что продлится вся эта бодяга неделю, максимум – десять дней.

Правда, и тогда в случае прокола я поплатился бы башкой.

Зато жена получила бы единовременное пособие в размере моего десятилетнего денежного содержания! Согласно статье 29 Закона РФ «О милиции». Отдел бы похороны организовал, поминки в столовой на «Восточке».

А сейчас? Гадство, да меня там в моем времени уже в розыск объявили!

Илья Филиппыч «Дай-дай» телегу полуметровую накатал полковнику Смирнову. И докладывает крыса устало, бездарно скрывая удовлетворение:

– Я вас, Сергей Николаевич, предупреждал. Больной человек.

Тебя бы сюда, гнида кабинетная!

Баженов в силу воспитания и природной деликатности не решался спросить про природу татуировки.

Я усмехнулся, стараясь, чтобы вышло снисходительно:

– Издержки молодости, прапорщик! Метанья творческой натуры!

Куда меня обратно понесло? Какая творческая натура?

На обратной дороге Баженов разговорился. Причиной неожиданной откровенности послужил, думается, впечатливший его шрам, сиречь, австрийская отметина.

На Пасху ему сравнялось двадцать лет. Родом он из Харькова. В семнадцатом закончил курс классической гимназии. Добровольцем пошел в армию. Перед самым октябрьским пере-

²⁷ «Отээмщик» – сотрудник отдела технических мероприятий УВД области (мил. сленг).

воротом был произведен в офицерский чин. Когда фронт рухнул, вернулся домой, к матери. На Дон не поехал, не думал, что всё обернется так ужасно. Полгода жил при большевиках! Уклонялся от мобилизаций, даже месяц прятался на чердаке. Двенадцатого июня в день освобождения Харькова вступил в Корниловский полк.

– И такая досада, господин штабс-капитан, в первом бою был ранен!

– Ничего, ещё навоюетесь, – на правах старшего я позволил себе покровительственный тон, завидуя простой и ясной биографии прапорщика.

Вот таким чётким пунктиром я должен выдавать свою. С ходу, в любое время суток, без запинок. Подробности для краткого речевого контакта не нужны, они для официальных анкет и допросов. Большинство людей вообще не любят слушать других.

Костяк легенды я должен сформировать немедленно. Естественно, что собеседник, поделившийся своим, как бы получает право поинтересоваться тобой. В армии логично искать земляков, однокашников по училищу, однополчан.

Это от зелёного Баженова можно отмахнуться:

– У меня все куда сложнее и путаней!

Что абсолютно правдиво, но в моем статусе чёртика, невесть из какой табакерки выскокшего, недопустимо.

По мере приближения к селу я внутренне напрягся. Жизнь там была живым ключом. Улицы и дворы заполнили люди, в большинстве военные. Причем, в классической черной форме, в которой корниловец изображён на цветной иллюстрации «Энциклопедии гражданской войны», щеголяли немногие. Я так полагаю, наиболее крутые, типа капитана Кромова. В фирменных фуражках встречалось побольше. А вот в красно-чёрных погонах и с шевронами на рукавах были многие. Даже спутник мой, прапорщик Баженов, служивший в полку без году неделю.

Понятное дело, что я в своем прикиде – без головного убора и трёхцветного добровольческого угла на рукаве смотрелся белой вороной.

И хотя я уговаривал себя: «Всякий занят своим бивуачным делом, у каждого свои гонки», отделаться от ощущения, что на меня смотрят искоса, не получалось.

По дороге мы попали под мощную завесу запахов походной кухни, перемешанных с горьким дымком. Бедный желудок мой, измученный в последние дни бессистемным питанием, действуя точно по теории профессора Павлова, среагировал мгновенно. Заурчал утробно, по диагонали.

Баженов услышал и сказал с досадой:

– Вот ведь я бестолочь, вы ведь голодны! Идемте завтракать. Я тоже после операции двое суток не ел, пока от хлороформа отошёл. Зато потом вот такой чугунок каши усидел! Едва не вместе с ложкой!

– Всенепременно, прапорщик! – отозвался я, отмечая уместно вставленное слово «всенепременно». – Только бы мне побриться сначала. Одолжите, пожалуйста, бритву.

Это я на речке решил, когда мылся-плескался. За прошедшее время щетина у меня отросла на положенную величину. В смысле, длину. Не шибко густая, но заметная, черная, клочковатая. Добавлявшая зажима в общении с окружающими.

– Какой разговор, Михаил Николаевич! У меня знаете, какая превосходная бритва? Настоящий «Жилет»!

Будто в лужу глядели доблестные мои однополчане, подарив в честь дня «прописки» пену для бритья одноименной фирмы. Как по гражданскому кодексу – вещь и принадлежность.

Жалко, пеногон мой замечательный у бандитов остался. Пропадёт он впустую. Вряд ли они догадаются, каковы его потребительские качества.

Решив действовать уверенно и не комплексуя, я припахал подвернувшегося во дворе солдатика, по обличью нестроевого, принести воды. И ничего, тот повиновался. Признав, значит, во мне офицера.

Любезный прапорщик предоставил карманное зеркальце, практически новый беличий помазок и бритву в чёрном футляре, который я открыл осторожно. Ни разу я не брился опасной бритвой.

Годах в семидесятых в парикмахерских клиентов ещё брили такими бритвами. Помню, как мастер правил лезвие на кожаном ремне, конец которого крепился к стене. Потом в парикмахерских вымарали такую услугу из прейскуранта. Из-за СПИДа, что ли?

Ла-адно, как-нибудь справлюсь. Инстинкт самосохранения не даст перерезать собственную глотку.

В прямоугольнике зеркальца, которое я приладил в развилке яблони, отразился кусок застиранного бинта, под ним – тёмно-карий глаз. Грустный такой, больной, почти собачий. А ещё – аморфный абрис лица с пористой кожей.

Я проворно взбил пену и с ожесточением намылился, маскируя одутловатую физиономию. Шею, жизненно-важную часть тела, я умудрился не повредить. Но местах в трёх порезался, отчего скулы и подбородок окрасились алым. Верхнюю губу тревожить не стал, решив отпускать усы. Подавляющее большинство здешних представителей мужского пола усаты, следовательно, и мне не стоит выделяться. Это я по фотографиям помню. Исключение – люди англиканизированные (адмирал Колчак) или артисты (Шаляпин Ф. И.).

Кстати, это вторая несбывшаяся мечта моей бывшей жены. Первая – непьющий муждомосед с фамилией Самоделкин. Даже поняв её несбыточность, она подбивала меня завести усы. Нравились ей усатые мужики. Много раз я принимался за это занятие, чаще в отпуске. Неделю, две выдерживал, а потом сбрасывал к чертовой матери. Мешаются, в рот лезут, колются. Да и не ахти какие усишки получались.

К концу процесса я понял принцип. Бритву надлежало держать двумя пальцами в месте соединения лезвия с рукоятью. Оптимальный угол наклона лезвия к коже – градусов семьдесят пять.

Когда я умывался, вода между пальцев стекала грязно-розовая, в ошмётках пены.

Баженов посмотрел испуганно.

– Руки дрожат, как с бодуна! – у меня была готова отмазка.

Прапорщик вопросительно поднял брови, а я в очередной раз отругал себя за неистребимый стёб.

Порезы продолжали кровить. В поисках платка я машинально пробежался по заведомо пустым карманам и неожиданно в правом нагрудном наткнулся на листок бумаги. Сложенный вчетверо, поистрепавшийся, мягкий. Извлёк его после того, когда Баженов понёс в хату мыльно-рыльные принадлежности.

В сгибе листка хранились табачные и хлебные крошки. Это был талончик за июньскую зарплату. Девятьсот сорок три целковых чистыми за минусом алиментов и без «кормовых». Компьютерная распечатка с указанием фамилии-имени-отчества и должности. Клочками от талончика, послунив их предварительно, я заклеил порезы на лице, а сам документ, весьма для меня опасный, порвал и пустил по ветру.

После завтрака – простого, деревенского, плотного – я снова попал в затруднительную ситуацию.

Новый знакомый надумал покурить. Но будучи раненым в правую руку, одной левой скрутить папиросу не мог.

Абсолютно естественным ему было обратиться ко мне:

– Михаил Николаевич, будьте любезны, сверните «козу»!

И протянул портсигар. Я взял, отмечая неожиданную тяжесть предмета (серебряный?) и недоумеваю. Зачем крутить, если в портсигаре – папиросы? А-а, «коза» это, очевидно, переименованное из «козьей ножки». Самокрутка!

Баженов, наблюдая за моими неуверенными телодвижениями, забеспокоился:

– Осторожно, не просыпьте!

И я понял, что внутри плоской серебряной коробочки не папиросы, которые в дефиците, а табак или махорка. Так и оказалось. Тут же в портсигаре за резинкой хранились листки бумаги. По косой линейке судя, нарезанные из ученической тетради.

В армии, на полковых ученьях под Чебаркулем, когда запас сигарет иссякал, мы потрошили старые «бычки», сушили табак и курили самокрутки. Такая гадость, особенно на фоне газетной бумаги, бр-р.

Кажется, положено сыпать табак дорожкой по диагонали листка. Из угла в угол, ага. Теперь проблема в том, чтобы свернуть, не допустив высыпания содержимого. Не тонковато получилось? Заклеивают эту штуку слюной.

Я потянулся языком к бумаге, но вовремя остановился. Вряд ли культурный человек будет курить папиросу, склеенную чужими выделениями.

– Пожалуйста, – вручил неказистое изделие прапорщику.

– Благодарю, – помуслив край бумаги, Баженов привычно скрутил «козу».

А прикуривать он будет от огнива? Новую задачку мне подкинет?

Нет, у прапорщика имелась зажигалка. Самодельная, изготовленная из винтовочного патрона. С первого проворота колёсика он высек искру, воспламенил обгорелый хвостик фитиля и прикурил.

– Вы не курите, господин штабс-капитан?.. – спросил Баженов полуутвердительно.

Очевидно, этим он пытался объяснить моё дилетантское поведение.

Я чуть не ляпнул: «завязал», но успел прикусить язык. Сообразил, что лишу себя удовольствия. Всё равно закурю, не сейчас, так потом. И как будет выглядеть подобная непоследовательность? Неестественно будет выглядеть.

– Балуюсь иногда, – ответил я и принялся за сворачивание новой сигарки.

После первой затяжки у меня зазвенело в голове. Кругом всё пошло, против часовой стрелки. То ли от крепости незнакомого табака, то ли последствия ЧМТ сказывались.

– Как вам табачок? – поинтересовался прапорщик.

Мне показалось, что как-то лукаво он поинтересовался. Я стал хуже той пуганой вороны.

– Ничего.

– И только? – с обидой (тут я не ошибался) переспросил Баженов. – Вот что значит, вы не ненастоящий курильщик, Михаил Николаевич. Асмоловский!

– Неужели! – воскликнул я, по гордому восклицанию прапорщика понимая, что угощают меня элитным куревом.

Баженов принялся рассказывать, при каких обстоятельствах удалось ему отовариться довоенной продукцией, причем по смехотворной цене. Но ему помешали. За моей спиной кто-то кашлянул так, чтобы обратить на себя внимание.

Я обернулся. Передо мной стоял крепыш подпоручик, лейтенант в переводе на привычные мне звания, на погонах – по одному просвету и по две звездочки.

Он принял под козырек, интересуясь:

– Штабс-капитан Маштаков?

– Да-а, а что?

– Прошу следовать за мной! – безапелляционно произнёс подпоручик.

Там, где у женщин находится матка, у меня опустилось. Я встал, чувствуя какими чужими, отсыревшие-ватными сделались ноги. Началось...

Я едва поспевал за неразговорчивым подпоручиком. Он шагал споро, придерживая у левого бедра шашку, резко отмахивая свободной рукой. Чётко отдавал честь встречным офицерам. Я, в силу отсутствия головного убора, ограничивался невнятными кивками.

Спросить, куда мы направляемся, я не решался. Очевидно, для разбирательства. Ко мне назрели вопросы.

«А ты думал – дурачком отойти? С блаженным прапорщиком Баженовым в купальне асмоловским табачком раскумариваться?»

Но конвоируемому не позволено идти сзади конвоира. Это мне доподлинно известно из служебного опыта. Значит, я не арестован? Не задержан? Меня не подозревают пока?

Или спутник мой руководствуется принципом: «Куда он денется с подводной лодки»?

Хотя вдарить ему по кумполу, отнять наган и нырнуть меж плетнями в переулочек я могу вполне.

Шея у подпоручика мужественная, подбритая аккуратной скобкой, с выпуклым коричневым зернышком родинки над воротом.

Он не знает, что мне некуда бежать, что я в их ареале обитания, как диплодок недовымерший... Значит, не опасается, за недруга не считает.

Не то. Не так. Миша, сосредоточься. Какой ты части? Отдельного полка князя. Почему князя? Нет, полк слишком крупная единица, каждый наперечет. Какие бывают части? Отдельный отряд какой-нибудь, а? Не годится, не годится. Середина девятнадцатого года на дворе, время партизанщины прошло. Хотя Шульгин Василий Витальевич в воспоминаниях писал, что даже в начале двадцатого года засилье всяческих отрядов у добровольцев было. Так это где было? В Одессе. Пусть будет отряд!

Недавно сформированный в Харькове. Где, где оперировал (такой, кажется, термин) этот отдельный отряд? Ну?! Соображай быстрее! А-а, чёрт, ни хрена в башку не лезет. Первый вопрос, первая географическая привязка к месту и я горю, как южнокорейский «Боинг»! Косить на потерю памяти, на амнезию? А-а-а.

Боковым зрением, изолированно я отмечал чужую жизнь вокруг.

Два босоногих пацанёнка мчались наперегонки. За ними кувыркалась рыжая горластая собачка, хвост в репьях. Хмурая баба – в платке по самые глаза – упустила в колодец ведро с водой. Едва успела растяпа увернуться от бешено закрутившейся ручки. Ворот застучал – та-та-та, та-та-та.

Перед богатым домом два солдата в гимнастерках распояской пилили на козлах суковатое бревно.

Один из них, возрастной, бритый наголо, с затылком в складках, одышливо покрикивал: – А ну не дергай! Не дергай, торопыга!

Прошёл, подметая одеждой улицу, священник. Сосредоточенный, в шляпе, прижимая к груди толстую книгу.

Я подумал: а вот у нас в городе в церкви Иоанна Воина поп – бывший десантник Псковской дивизии. Он мне сам об этом рассказал, когда я стал собираться в ночник за третьей бутылкой. Правда, на руках впоследствии я его всё же заборол.

...Где действовал ваш отряд? Кто командир?..

И я понял, что ушёл под воду с ручками, что булькаю последними пузырями. Мне так суетно стало, весело. Наверное, я – дурак.

– Далеко идти-то? – достаточно дерзко спросил у спутника своего, громко цыкая порченым зубом в верхней челюсти.

Типа такого, что если далеко, так я развернусь в обратную.

Подпоручик всем корпусом, как будто в корсет затянутый, повернулся. На груди у него друг о друга блякнули незамеченные мною ранее солдатский «Георгий» и знак участника Ледяного похода.

– Уже пришли, господин штабс-капитан, – ответил, изучая меня.

Очевидно, не понимая, с какого рожна я начал благовать.

Село кончилось. Дальше просёлок под уклон бежал вправо, а метрах в пятистах раздвигался змеиным языком, обтекая с двух сторон жидкий перелесок.

На околице у хозпостройки маялась разрозненная группа людей. Похоже, нас они и ждали, а если до конца точным быть, то – меня.

Капитан Кромов стоял особняком, широко расставив ноги, закинув руки за голову, на затылке их сцепив. Он задумчиво пожёвывал соломинку. Кобура на боку у него была расстегнута, в ней виднелась рифлёная рукоятка нагана.

Он увидел меня и непонятно прищурился. Потом указал вперёд мощным своим подбородком:

– Полюбуйтесь на эти рожи!

Я, следуя его указаниям, посмотрел в заданном направлении. Под чёрной бревенчатой стеной сарая с ноги на ногу переминалось трое. У меня хорошая память на лица, тренированная. Я их признал не то что с первого взгляда, с первого мазка глазного.

Кудрявый, фиксатый парень в расплосованной кумачовой рубаше. Только угрюмый теперь, а не разухабисто-веселый. Рыжий жлоб, который в сарае вбил мне в ребра сапожище сорок последнего размера. И друг мой лепший – Борода, только сейчас прореженная, клочковатая.

Все трое капитально отрихтованные. У кудрявого – нос на боку, рот расквашен. У жлоба рыжеусатого вместо правого глаза – кусок сырого говяжьего мяса. У многогрешной Бороды – на лбу шишка величиной с гусиное яйцо. Притихли, дышат загнанно.

Я понял, зачем меня позвали. И отлегло у меня от сердца, как у скверного ученика, которого не выдернули к доске, хотя по всем приметам должны были.

Что ж, до следующего урока снова можно собак по дворам гонять!

Кромов крутил в зубах травинку, ждал моей реакции.

Я не нашёлся, отвёл глаза. Пауза получилась бесконечная, тягостная. Я не знал своей роли.

– Атаман ушел, сволочь! Выскользнул! – азартно сказал Кромов, и в голосе его просквозило одобрение.

– Сдохнет! – мелкозубо осклабился барон Экгардт, тоже ходивший в набег, тоже возбужденный, в закинутой на затылок фуражке. – Я две пули в него всадил! Отчётливо видел.

– Э-э-э, баро-он! – отмахнулся Кромов и, продолжая движение руки, тыльной стороной придавил вьющегося у щеки, уже попробовавшего крови комара. – Вам или привиделось в суете или вы вскользь попали. Царапина, не ходи к гадалке!

Поручик заспорил, полез в нагрудный карман за портсигаром, на серебряной крышке которого искусной вязью шла гравировка: «За отличную стрельбу».

Кромов сделал упругий неслышный шаг в сторону, пальцем подманил угрюмо курившего солдата:

– Буренин, винтовку!

Стрелок сдернул с плеча трёхлинейку, сминая ремнем погон, обшитый жгутиком оранжевого, белого и чёрного цветов.

«Вольноопределяющийся», – машинально отметил я.

И похолодел от догадки, что сейчас сделаюсь центром внимания.

– Капитан! – Кромов кинул винтовку.

Вздрыгнув от резкого окрика, я едва сумел ее поймать. Неловко, обеими руками, чувствительно получив ствол по плечу. Заметил кривую усмешку барона.

Перехватил оружие и зажал по-охотничьи подмышкой. Я впервые держал в руках трехлинейную винтовку системы Мосина образца 1891 года. Она показалась громоздкой и неудобной, гораздо тяжелее акэма.

– Давайте, капитан, вон того красавца. Рыжего! – интонация Кромов не допускала отказа.

Не вынимая винтовки из-под мышки, я посмотрел на ссутулившегося у стены рыжеусого мужика. Тому вдруг стало не хватать воздуха, он начал часто зевать. Не зная чем занять руки, рыжий яростно заскреб волосатую грудь в прорехе гимнастерки.

Я совсем не забыл, как три дня назад он бил меня, как барабан, обутыми ногами. Гоготал гусем, глумился. Моя фамилия – не Лев Николаевич Толстой, я памятлив к причинившим мне зло. Не уйди мы ночью в побег, утром нас, отогнав на безопасное для их бандитского гнезда расстояние, убили бы. Причем меня, путешественника во времени, абсолютно ни за хрен.

По образовавшейся вдруг пронзительной ясности в голове я понял, что морально готов выстрелить.

Дело было за малым – я не справлюсь с винтовкой. С механизмом несомненно простым, но абсолютно незнакомым, первый раз попавшим в руки. Теоретически я знаю, например, что у трехлинейки имеется предохранитель, но вот где он? Не могу же я вертеть оружие в руках, как очки – мартышка. Тем более прилюдно. Вся моя наспех заготовленная, белыми нитками шитая легенда лопнет.

Я чудовищным усилием воли заставил себя посмотреть, недолго, правда, пару-тройку секунд, Кромову в глаза и отчеканить следующую фразу:

– Прошу уволить меня, господин капитан. Я – не по этой части.

– Вот так, да?! – разочарованно переспросил Кромов.

Экгардт презрительно скривился, выдал свистящим шепотом:

– Чис-с-стоплюй!

По многим книгам о гражданской войне, в том числе, написанным участниками Белого движения – Романом Гулем, Г. Венусом – я знал, что в расправах принимали участие исключительно желающие. А в неплохом фильме «Ищи ветра», наоборот, капитан в замечательном исполнении актёра Пороховщикова, поручика, отказавшегося расстреливать пленных, поставил в их шеренгу. Правда, он сначала поинтересовался, окончательно ли решение чистоплюя.

Мандраж меня бил капитальный. Рука, сжимавшая цевье винтовки, устав от напряжения, задрожала.

Если вопрос встанет ребром: «или-или», я картинных жестов делать не стану. Мы не в кино про неуловимых мстителей.

Но Кромов сказал сквозь зубы, отстранено, как вещи:

– Можете быть свободны.

Чтобы он не передумал, я энергично кивнул и щелкнул, вернее, стукнул каблуками:

– Честь имею, господин капитан!

Повернувшись через уставное левое плечо, я успел сделать лишь два шага. Кто-то взял меня за рукав выше локтя.

В очередной раз внутренние органы мои провалились в ледяную пустоту.

Я повернулся. Вольнопёр, фамилии которого я не запомнил, увалень с заспанным лицом взглядом указал на винтовку, которую я непонятно в какой момент успел закинуть на плечо.

– Извините, – бормотнул я, возвращая оружие.

Но и это оказалось не все. Кромов протягивал мне знакомую вещичку. Одноразовую пластмассовую зажигалку, отбитую им у бандитов.

В Свердловске в батарее у нас был азер Федя Касумов. Дед Советской Армии. Не из самых злых и подлых. Но чертовски модный. Хэбэшка, ушитая в талию, начесанная шинель, сапоги на скошенных каблуках. Так вот, однажды я, молодой тогда, крепко прессуемый младший сержант, наводя порядок в расположении, увидел как Касумов, сидя на койке, держит перед собой свою нулевую наглаженную зимнюю шапку. В которой командир второго экипажа Саня Гончаренко ездил в отпуск на Украину.

– Мой дарагой, – задумчиво спрашивал у шапки Касумов, – где ти биль?

То же следовало мне сейчас сказать вернувшейся из плена зажигалке, на полукруглом боку которой приклеена наклейка таинственного содержания: «Хранить от детей. Не применять вблизи лица». Когда я изучал инструкцию, не на шутку озадачился над способом прикуривания вдалеке от лица.

Я ждал, что последует далее.

Последовала сухим тоном произнесенная фраза:

– Больше, к сожалению, ничего не удалось вернуть. Ни оружия, ни документов, ни денег.

Ни ваших, ни наших.

Я не огорчился этому известию. Тем более что табельное оружие моё – пистолет Макарова – надёжно хранится в ружьере артполка, военный билет – самый короткий путь к провалу, а сто рублей (округлённо) не деньги.

При несколько других условиях в этом месте было бы естественно посетовать на то, как же мне теперь без документов. отбившемся-то от разгромленной родной части? Но я не решился на подобный пробный шар после отказа участвовать в расправе. Интуитивно почувствовал – не время, только хуже себе сделаю. Не буди лихо, пока оно тихо.

– Разрешите идти? – спросил я у капитана и тихо добавил, обосновывая уважительность своей просьбы: – У меня перевязка.

Кромов отреагировал как любой нормальный русский человек:

– Идите. Как, кстати, ваша голова?

– Благодарю, господин капитан, получше. Ещё будто в тумане все, – верно найденным смиренным тоном отвечал я.

Дабы они, налитые жизнью, устыдились того, что не просто притащили с другого конца села увечного, а понуждали его казнить пленных.

В образе больного я пошаркал назад, расслабленно опустив плечи, понуриив забинтованную голову, до крайнего предела сжавшись внутри, мучительно ожидая хлёсткого короткого залпа.

8

Лучше мне было не соваться ни на какую перевязку. Сестра по имени Жанна с корниловским шевроном на рукаве платья смотала бинт, осторожно оторвала прилипший кончик и обрадовалась:

– Ой, господин штабс-капитан, все затянулось, как на.

И осеклась сконфуженно, прикрыв рот шершавой красной ладошкой. Ставшей такой, наверное, от частой стирки в холодной воде.

В другой момент я бы не упустил возможности приколоться. Типа, гавкнуть пару раз в подтверждение недосказанного ею правила.

Сейчас мне было не до шуток. Нахмурившись, я сказал:

– Но дёргает очень сильно. И голова продолжает болеть. Когда хожу, круженье опять же.

– Странно, а мне показалось, вы хорошо себя чувствуете. Кушаете с аппетитом. Купаться ходили, – в деликатной форме намекая на мои симуляционные потуги, ответила сестра.

Бинтовать голову она не стала, помазала подсохший струпик йодом и упорхнула, напоследок сообщив, что перед выпиской меня посмотрит доктор.

Видел я этого доктора два раза. И оба раза он был еле тёплый.

Вот ведь коновалы! У меня же – ЗЧМТ, по всем симптомам – сотрясение мозга! Сознание я терял? Терял, причем неоднократно. Тошнота была? Ещё какая, барону Эгардту галифе уделал. Жалобы на головные боли высказываю? До настоящего, между прочим, времени.

Двадцать один день я должен наблюдаться в нейротравме в условиях стационара. Три полных недели! Я не требую, чтобы томографию головы мне сделали, таких технических возможностей у них, понятно, нет, но проверить, устойчив ли я в позе Ромберга, они могут? Хм, если, конечно, этот Ромберг успел свою каверзную позу придумать. Ни одного укола мне не поставили!

Без повязки на голове я ощутил себя голым. Во сне так бывает. Белый день, многолюдное место, проспект Ленина. Хочешь прикрыться и не можешь. И проснуться не получается.

Завыть впору волком от отчаяния или заплакать. И то и другое одинаково глупо, а второе к тому же стыдно взрослому мужику.

Ничего умнее я не нашел, как вернуться на лежанку под навесом, забраться под одеяло, закрыть глаза и притвориться спящим.

Официально никто меня не выписывал из околотка!

Но и упираться в моём бомжовском положении резона не было. Тут люди кругом бывалые. Я им – на один зуб. Только ненужное внимание к себе привлеку. А мне надо в серединке держаться.

Рывком я сел на топчане, сбросил одеяло, осенённый мыслью. Снял куртку, разогнул усики у эмблемок в петлицах и вытащил их, чтобы не принимали меня за артиллериста. Спец, он и в Африке спец. Наверняка у них дефицит пушкарей. Поставят к трехдюймовке, которую я только перед музеем Вооруженных сил в Москве видел. С насмерть заваренным казёнником или как он там правильно называется. Куда, короче, снаряды засовывают. Винтовку и наган я поскорее освою. Артиллеристам, им математику надо хорошо знать, а я давно не практиковался. В мае месяце попробовал старшей дочке задачу решить, битый час пропыхтел и не справился. За седьмой класс! Программа сейчас, правда, очень сложная.

На месте эмблем остались тёмные крестики. Я потёр воротник землей, и они менее заметными стали.

В дембельских альбомах зенитчиков обязательно присутствовал хвастливый девиз: «Слава тем, у кого на петлицах золотые скрестились стволы!».

А в недолюбливающей нас пехоте говорили: «Да им все по барабану! Не зря в эмблеме то у них две елды скрещенные!».

Итак, я лейтенант из корпуса Мюрата²⁸. То бишь, штабс-капитан из рассеянного красными отряда полковника Смирнова. Кстати, почему Смирнова? Ну потому что фамилия распространённая. Простая русская. Смирновых, их так же много, как Ивановых и Кузнецовых. Ещё потому что командир нашего артполка – Смирнов. У меня узко прикладное мышление, я не умею придумывать образы. Фантомы получаются безликие, бестелесные. С реального прототипа легче срисовать.

Я объёмно представил полковника Смирнова. Кряжистого, лысоватого, с седыми висками, с рубленным сухим лицом. Бесконечно усталого, ломающего третью войну. Пахаря. Блин, не терплю это слово! Один сильно неуважаемый мною прокурорский чиновник обожает так себя величать.

Стоп, Миша, не надо растекаться по поверхности! Сконцентрируйся на главном.

²⁸ Цитата из кинофильма Э. Рязанова «Гусарская баллада».

В отряде я командовал взводом. Большого начальника изображать опасно, ибо не знаю ни стратегии, ни тактики. Но и рядовым прикидываться глупо. Чин не позволяет, да и возраст мой далёк от юношеского. Где мои семнадцать лет? Численность отряда? Около двухсот человек. Три роты. Мелкой рыбешке через ячейку легче проскочить.

И снова я замотал головой в отчаянии. Ведь помимо этих неуклюжих отмазок нужна биография. Не вытянуть мне её на фантазиях. Нужны факты, даты, имена, привязки к местности!

Не усидел я под навесом. Человек – существо стадное. Отправился искать Баженова. Единственного здесь человека, с кем у меня заладилась контакт. Срочное дело к нему возникло.

Прапорщик писал письмо левой здоровой рукой. Перед ним стояла склянка с чернилами, в которую он обмакивал перо. Прежде чем он успел инстинктивно закрыть лист ладонью, я схватил первые фразы: «Здравствуй, мама! Извини за ужасный.»

Составленная из уродливых разнокалиберных букв строчка причудливо изгибалась.

– За помощью к вам, Виктор! – по-приятельски приязненно, ударяя на второй слог, обратился я.

Прапорщик поднял голову. Раздражения оттого, что ему помешали, я не заметил.

Я всю изобразил из себя бодрячка:

– Выписывают меня, Виктор! После обеда пойду в роту. Не придумаем мы с вами сообща, как построить мне фуражку? А то ощущаю себя как на паперти!

Баженов задумался над чужой проблемой. Оттопырил нижнюю губу, сдвинул брови. И искренне заулыбался, найдя решение:

– Михаил Николаевич, а я вам дам денег. В обозе есть такой ротмистр Загибалов-Лось, нестроевой. У него целый цейхгауз²⁹.

– Право, неудобно. – Подняв вверх указательный палец, я поставил свое условие: – Но это в долг, учтите. Как только я приподнимусь, сразу верну!

В ясных глазах прапорщика мелькнул вопрос. Очевидно, по поводу нового для него термина. Я внутренне поёжился. Опять контроль за лексикой утратил!

– Пойдемте, – Баженов решительно засобирался.

– Допишите сначала.

Но прапорщик сложил незаконченное письмо и спрятал в нагрудный карман:

– Долго ждать придется, Михаил Николаевич.

В тесных сенях мы столкнулись с морщинистой согнутой старухой в чёрном платке. Когда расходились, женщина что-то пробурчала себе под нос.

– Неприветливая у вас хозяйка, Виктор, – обернулся я к прапорщику.

Баженов кивнул:

– А что вы хотите? Оба сына у красных. Под это дело казаки у неё корову со двора свели.

– Смотрите, как бы она крысомора в щи не подсыпала!

Ротмистра с двойной фамилией мы разыскали в богатом доме под железной крышей. Наглomorдый денщик отказывался вызвать ротмистра на улицу, вступил в пререкания, прапорщику пришлось прикрикнуть на него.

Загибалова-Лося, по всему, мы вытащили из-за стола. Хмельной, он не сразу понял, чего от него хотят.

Ротмистр раскачивался с пятки на носок, скрипел хромачами, музыкально позвякивал шпорами. На лбу его блестела испарина. Бакенбарды, обрамлявшие продувную физиономию и почти сросшиеся с топорщившимися усами, мягко шевелил ветер. Тушистое тулово офицера было туго затянуто в новенький френч оливкового цвета с накладными карманами.

²⁹ Цейхгауз – военная кладовая для оружия или амуниции (устар.)

«Вот это настоящий «мундир английский», – подумал я. – Не чета моей грубой «мапуте»³⁰ пошива Верхне-Ландеховской фабрики номер семь».

– Сто гусей, – сипло заявил Загибалов-Лось, когда, наконец, уловил суть нашей с Баженовым просьбы.

– Побойтесь Бога, господин ротмистр! – возмутился прапорщик. – Я в Харькове брал за четвертной билет!

Загибалов-Лось выпучил мутные, в красноватых прожилках глаза:

– Что-с? За четвертной-с?! Ну вот и езжайте туда. ик. в Харьков, где за четвертной-с.

И он повернулся, показывая, что торг здесь неуместен. А одновременно продемонстрировал свою необъятную спину.

Мне хорошо знаком такой тип людей. Сытые, наглые, неразборчивые в средствах, лезущие по головам. Номэн илис легио³¹. С ними бесполезно бороться, праздник будет на их улице. Они не признают правил и не выходят драться один на один.

– Пойдемте отсюда, прапорщик, – попросил я.

Однако Баженов проявил неожиданную для меня настойчивость. Как метеор, он устремился в дом вслед за удалявшимся ротмистром. Дробью простучал по ступенькам крыльца, взбегая.

Мне оставалось только ждать. Мимо протарахтело несколько повозок, последняя полностью потонула в сером шлейфе пыли. По бокам повозок, свесив ноги в сапогах и в ботинках с обмотками, сидели корниловцы. На коленях у всех лежали винтовки. В каждой телеге – станковый пулемет со щитком. Мне показалось, что я увидел давешнего сурового подпоручика, который конвоировал меня на окраину села.

Я обернулся на скрип двери. С крыльца спускался прапорщик Баженов. Положив на предплечье донцем, держа снизу за козырек, он торжественно нёс фуражку.

– Меряйте, Михаил Николаевич!

В некотором сомнении я повертел фуражку в руках. Крохотный лакированный козырек, чёрный бархатный околыш, красная тулья, белые выпушки. В отличие от фуражек Советской и постсоветской армий в ней не было стальной пружины, обручем распирающей верх.

Никто не зачислял меня в штат ударной части. Следовательно, никто не дал мне права носить фуражку именного полка. Я, честно говоря, рассчитывал, что Баженов поможет достать какую-нибудь скромную, полевую.

Но деваться было некуда. Я посадил головной убор на голову, ребром ладони проверил, пришлась ли по центру лба кокарда. Потом одним движением, взяв правой рукой за козырек, левой чуть сминая верх со стороны затылка, заломил головной убор направо.

– Замечательно, господин штабс-капитан! – одобрил прапорщик.

– И сколько вы отстегнули этому мироеду?

– Ха! – Баженов стукнул в ладоши. – Угадайте, на сколько сбил цену?

– Не люблю гадать. Думаю, что немного. Целковых десять? Что? Неужели – пятнадцать?

Прапорщик даже расстроился:

– С вами неинтересно, Михаил Николаевич! На десять рублей еле уломал против заявленной сотни! Воистину мироед!

Я по-приятельски полуобнял Баженова за плечо. Отмечая, что он не отдернулся, как давеча на речке.

– Скажу вам, Виктор, что, имея дело с подобным экземпляром хомо сапиенса, вы достигли феноменального результата!

Прапорщик засмеялся. Оказывается, я пошутил.

³⁰ «Мапута» – полевая форма (арм. сленг).

³¹ Имя им – легион (лат.)

– А в какую роту вас определили? – поинтересовался Баженов. – В третью? Капитан Кромов к себе взял?

Я замялся. Никто меня никуда не определял, вопрос такой вообще не ставился. Может, меня вообще прямиком в контрразведку закатают для выяснения личности.

– Пока точно не знаю. Сейчас пойду в штаб. Пусть решают. Кстати, подскажите, кто в настоящее время, это самое, командует полком?

– Полковник Скоблин.

– А-а-а, – покивал я с умным видом, – Николай Владимирович.

Прапорщик отреагировал на мою осведомленность вопросом:

– Вы знакомы?

– Да так, немного. Вряд ли он меня помнит, – я подпустил тумана.

Не признаваться же, ёлки зеленые, в том, что мы с полковником знакомы в одностороннем порядке. В литературе больше освещен период его деятельности в эмиграции, когда, будучи завербованным ОГПУ он организовал похищение председателя РОВСа генерала Миллера. О боевой биографии Скоблина мне известно мало. Помнится, при штурме Екатеринодара в штабс-капитанском чине он временно принял командование корниловским полком после гибели Неженцева. Он ведь молодой совсем, Скоблин, лет двадцать пять ему сейчас.

Я решил не тянуть кота за причиндалы и действительно двигать в штаб. Будь что будет. Не должны они меня без разбирательств обидеть. В людях у них дефицит, это мне доподлинно известно. Особенно в таких Рэмбах как я. Кхм.

Баженов набивался в провожатые, но я в мягкой форме отговорился. Подумал – одному больше свободы для маневра.

«В смысле, пройти мимо, если не вдруг решусь? Разве не так, Миша?»

Я физически чувствовал, как с каждым шагом ноги наливались свинцом, как заплетались они одна о другую, намереваясь унести туловище, бесцельно болтающиеся руки и голову, неправомерно увенчанную фуражкой славного полка, в проулок. Это не я шел, это некий зомби пеше-шествовал.

Я уже присмотрел проулок, в который нырну. В него как раз пацанка хворостиной козу загоняла.

«Слякоть, – подумал зло. – Амёба! Ничего не можешь!»

И, резко повернувшись, зашагал прочь от заманчивого проулка прямиком к большому дому, над крыльцом которого волновался трёхцветный флаг. В голове звенела торричеллиева пустота. Я понимал, что заготовки мои шиты белыми нитками, и решил положиться на импровизацию.

Загадал – если до штаба окажется чётное число шагов, всё срастётся. Чтобы так получилось, пришлось последний шаг сделать маленький, приставной. Шулерский.

Почему-то на охране штаба не оказалось часового с примкнутым штыком. Я беспрепятственно поднялся на крыльцо и приоткрыл дверь. Внутри раздавались голоса. Я замешкался, не решаясь войти.

– Какого чефта отгыли двегь?! – крикнул грассирующий высокий тенорок. – Сквозняк, пгаво!

Выглянул небольшого роста худенький офицер. В потёмках коридора я не рассмотрел его погон, зато хорошо был виден белый аксельбант на контрастном фоне чёрной гимнастерки. Адъютант. Что ж, вполне логично, адъютанту в штабе самое место.

Я козырнул и многословно и путано начал изложение своей истории. С наиболее выгодного места – с конца.

– Да вы пгходите, – остановил повествование адъютант.

Я последовал за ним. В передней за столом, застеленным картой, на лавке сидели капитан и полковник. Я продолжил рассказ, в каждой фразе, в каждом неуклюжем слове понимая свою уязвимость.

Когда дошёл до обстоятельств гибели отдельного отряда полковника Смирнова, меня перебил сидевший на подоконнике военный, ранее мною незамеченный. Он был без кителя, в белой нательной рубашке, поверх которой – широкие подтяжки.

– Если помните, Николай Владимирович, я прогнозировал прорыв, затеваемый красными на нашем стыке с донцами, – одетый не по уставу офицер энергично подошёл к столу и склонился над картой.

Дымок от его папиросы остался слойться в проёме распахнутого окна.

– Где это произошло, капитан? – он обратился ко мне. – В районе Валуек?

Интуитивно я понял, что один только верный ответ существует: «да».

– Что и требовалось доказать! – торжествуя провозгласил оракул в белой рубашке.

Сидевший ближе ко мне капитан сильно потёр ладонью наголо бритую лобастую голову и углубился в карту. Со своего места я видел, что на ней синим и красным карандашами изображены геометрические фигуры – овалы, треугольники, ромбы.

– Как им удалось за двое суток провести такую сложную перегруппировку? – Капитан вернул ладонь на мощный лоб (самую заметную деталь его обличия) и помассировал тугую гофру морщин.

Несколько минут офицеры молча ползали с карандашами и циркулем по карте. Полковник – худощавый брюнет, выглядевший чересчур молодо для штаб-офицера, встал на лавку на колени. На его левом рукаве теснились пять или шесть нашивок за ранения. Вероятно, это и был Скоблин.

Вспомнив обо мне, он полуобернулся, съёжил рот под аккуратными усиками:

– Капитан Кромов о вас докладывал. От отряда вашего ничего не осталось. Ступайте в офицерскую роту. Здоровье позволяет? Поручик, проводите штабс-капитана.

И это всё, что ли? Даже некоторое разочарование наступило. Идиотское, надо признаться. Оттого, что не стали колоть по полной программе?

В последний момент вспомнив, что старшим по чину положено отдавать честь, я принял под козырек и вышел следом за адъютантом.

Ниже меня на полголовы, тот шагал споро, хотя прихрамывал. Приязненно вступил в разговор:

– Не гастаивайтесь, господин штабс-капитан, что в офицерскую! Общий погядок для новичков. Покажете себя в деле, получите взвод. Капитан Кромов хогошо о вас отзывался.

А я и не расстраивался. Хотя что такое офицерская рота представлял. В каждом именном полку существовала подобная. В ней служили на рядовых должностях вновь принятые в часть вчерашние пленные и проштрафившиеся. Ещё я знал, что офицерскую бросали в самое пекло. Последним козырем. Заветною десяткою пик.

Не в моём положении было торговаться. Я всегда плачу, сколько спросят.

9

Командир офицерской роты – полковник Никулин, тушистый мужчина, хорошо за сорок, с замечательным фиолетовым носом в краповых прожилках, набычась, выслушал адъютанта и, не поднимая слезящихся глаз, сердито спросил:

– По какому праву в полковой фуражке, штабс-капитан? Кто позволил?

Чёрт, так и знал, что с фуражкой выйдут проблемы. Я начал объяснять, что утратил собственный головной убор и всё остальное в плену, что, собственно, не претендую и могу ходить хоть в тюрбане, что.

– Не разговаривайте руками! – Никулин рассвирепел.

Есть у меня такая неподходящая для военного человека привычка – жестикулировать.

Вспомнив давние занятия по строевой подготовке в учебной части, я встал по стойке «смирно», взяв руки по швам и высоко вскинув подбородок.

Полковник сопел, распространяя ядреный сивушный духман. Серьезный дядька. Интересно, всегда он такой или только с похмелья?

Адъютант, исполнив свои обязанности, отчалил восвояси. С его уходом мне стало вовсе неуютно в обществе негостеприимного начальника.

– Последняя должность? – Никулин тяжело заложил руки за спину, захрустел пальцами.

– Командир стрелкового взвода, господин полковник! – отчеканил я.

– Пойдете... э-э-э... рядовым в первый взвод! К штабс-капитану Белову! И не дай бог от вас большевистским душком потянет! Не дай бог! Расшлепаю, как. как этого.

В поисках подходящего определения Никулин качнулся. На груди у него звякнули ордена. Не смея опустить глаз с сизого носа командира роты, я успел-таки периферическим зрением различить в завидном иконостасе эмалевый офицерский Георгий.

– Так точно, господин полковник!

– Ступайте! И служите, э-э-э... как подобает!

С облегчением прервал я общение с новым командиром. Недоумевая, почему он предъявил мне претензии за большевистский душок. Наверное, с большой головы не разобрал, из какого я плена. Подумал – из красного.

Совершенно искренне я пожалел, что заварил всю эту бодягу. Своими ногами ведь ушел из околотка! Пионер-герой!

Встречный прапорщик, конопатый мальчишка, на мой заурядный вопрос, где остановился первый взвод, махнул рукой и заржал совершенно неадекватно:

– А вон там! На задах!

Ещё более озадаченный я двинулся в указанном направлении. Конопатый, удаляясь вверх по улице, несколько раз оглянулся, не переставая хахалиться.

Проходя мимо топившейся бани, мимо сарая, крытого чёрной соломой, я услышал команды, подававшиеся молодецким, отменно поставленным и одновременно ёрническим тоном.

– Р-ряйсь! Отставить. Н-налево р-ряйсь! Отставить. Взвод, ирна! Прапорщик Кипарисов, смирно команда была, а не готовиться к наложению акушерских щипцов! Распустились в Совдепии!

Последнее слово было произнесено особенно смачно. Точь-точь, как в кино про гражданскую войну.

Перед напрягшимся строем прохаживался долговязый дядя в чёрной корниловской форме, изрядно поношенной, но складной. Похоже, это и был взводный Белов собственной персоной. Сутуловатый, мосластый и загорелый, он через каждый шаг щелкал себя по голенищу стеклом. Белесые жёсткие усы топорщились у него под носом. Во рту дымилась папироска с наполовину съеденным мундштуком. Штабс-капитан шурил от дыма один глаз, левый. Фуражка его была отчаянно сбита на самую маковку.

Деваться мне было некуда. Как говорится, взялся за фигуру – ходи.

За много большее, чем положено по уставу, количество шагов я перешёл на строевой. Понимая, как нелепо он выглядит на пружинящем паласе подростшей после косьбы травы.

Как можно четче, напряженно сведя пальцы и до отказа выпрямив ладонь, я взял под козырёк. Стараясь, чтобы локоть оставался на уровне плеча.

– Господин штабс-капитан, штабс-капитан Маштаков для дальнейшего прохождения службы прибыл! Основание – распоряжения командиров полка и роты! – как заведенный доложился я.

В семидесятые годы двадцатого века, когда за полётами в космос следили все, как и за фигурным катанием, по телевизору в обязательном порядке показывали как очередной космонавт, возвратившись на Землю, рапортовал о выполненном правительственном задании генеральному секретарю ЦК КПСС. Мне лет десять было и я, когда смотрел эти моменты, совершенно искренне волновался, смогу ли я доложить вот так при огромном скоплении народа, при телекамерах. Мне казалось, что это куда сложнее, чем сам полет в стратосферу.

Генсек остался бы доволен моим рапортом командиру взвода Белову.

А сам штабс-капитан оказался явно обескуражен. Он вынул изо рта пожеванную папироску и уронил её под ноги.

– Встаньте в строй, – сказал он, но тут же отменил свое распоряжение: – Отставить! Вы в дисциплинарном порядке к нам?

– Никак нет! – Я был конкретно в образе, тянулся струной, пружинил на носках. – Ранее служил в отдельном отряде полковника Смирнова! Бежал из плена вместе с капитаном Кромовым и поручиком Экгардтом!

– А-а-а... – Штабс-капитан полез в карман брюк, вытащил мятую пачку папирос. – Сержа как обычно мадамы подвели! Слышал, слышал краем уха.

Спиной я чувствовал, как меня шупают двадцать или больше пар глаз выстроенного в две шеренги взвода. Затылок свело, я ощутил, как меж лопаток скользнула липкая змейка пота. Я искренне желал скорее оказаться в строю, стать одним из многих. Соло моё обречено на позорный провал. Из многих куплетов я знаю всего один, в котором легко могу пустить петуха.

– У красных служили? – понизив голос, поинтересовался Белов.

– Упаси Бог, – истово ответил я.

Штабс-капитан передумал закуривать, но папиросам нашел другое место – в нагрудном кармане гимнастерки. Кстати, на груди его было чисто. В том смысле, что награды отсутствовали.

– Разберёмся, – вроде миролюбиво определился взводный и, сделав шаг в сторону, пальцем и кивком головы выдернул из первой шеренги смышленоглазого, мешковатого поручика. – Наплевович, подберите капитану ремень, подсумок, винтовку! Чтоб он на военного человека стал похож. Исполняйте!

Я снова козырнул, отмечая, что с каждым разом у меня это получается всё уверенней. Великая вещь – практика.

И вздрогнул, потому что Белов ухватил меня двумя пальцами за рукав повыше локтя. Оказалось, для того чтобы пощупать материю.

– Английское суконце?

– Английское.

– Дерьмо!

– Зато ноское, – машинально вступился я за свою одежду.

День был перенасыщен событиями и лицами. Я шёл на отказывающем автопилоте. Полузабытым боксёрским опытом понимая, что вот-вот собьюсь с дыхания, потеряюсь и начну пропускать удары.

Поэтому уход на второй план, в общество располагавшего к себе увальня Наплевовича, я воспринял облегченно. После голгофы штаба, выволочки полковника Никулина и отнявшего полмешка нервов рапорта штабс-капитану Белову.

Первым делом я стрельнул у поручика папироску и жадно, в несколько затяжек сжадал её. Не обращая внимания на соломенный вкус и ни капли не накурившись.

– Так у вас, господин штаб-капитан, вообще, што ли, немає ни якогo снаряжения? – у Наплевовича оказался певучий малороссийский говорок.

– Ага, как у латыша – только хер и душа! – сплевывая никотиновую горечь, вызывающе ответил я.

Решив поставить себя перед Наплевыхом забубённым.

Косолапой походкой, простецким лицом поручик показался мне человеком мягким. К тому же я старше его на целую звездочку. Но самое главное, что я успел извлечь из короткого общения со взводным – он не стал на меня наезжать, как на прочих. И не поставил в строй. Бляха-муха, да ведь ни на одном бойце не было корниловской фуражки, сплошь – картузы защитного цвета.

– Пришлось у большевиков поработать, поручик? – небрежно, через губу спросил я.

Специфически военным сленговым словечком «поработать» подчеркивая свою непростоту.

– Мобилизовали, господин штабс-капитан, куда деваться, – Наплевых пожал округлыми плечами.

Удержался я от назиданий. Вспомнил себя, невесть с какого бугра скатившегося. Но и поддакивать сочувственно не стал. Занял центристскую позицию.

В обозе Наплевых с миру по нитке насобирав снаряжения. Приличный, с одной только прорехой вещевой мешок – «сидор». Солдатская алюминиевая фляжка в чехле, почти точная копия тех, что мне довелось пользоваться в Советской армии. У этой винтовая крышка была помассивней, с медной цепкой. Ремень тоже, по ходу дела, солдатский – брезентовый, с гнутой бляхой, на которой штамповкой выдавлен двуглавый орел. Два кожаных подсумка для патронов. Стальной котелок навроде рыбацкого. Малая саперная лопатка.

– Поручик, мне бы это, – подсказал я Наплевыху, – портянки. А то на босу ногу неуютно. И белья нательного пару. Для гигиены.

Поручик зачесал голову. С бельем оказались проблемы.

– Вы действительно босиком?

Вместо ответа я стяхнул с правой ноги сапог и выразительно пошевелил грязными пальцами.

Тогда Наплевых презентовал мне пару личных портянок. Принимая подарок, я отметил, что люди здесь подороже будут, чем в моё время. Баженов мне за собственный столик фуражку сторговал, этот – последний запас портянок отдаёт. Незнакомому и совершенно чужому человеку.

А про антантовское великолепное снабжение, значит, ввали учебники по истории СССР. Дескать, по ноздри всего у беляков было. Тоже мне, снабжение заграничное. Подштанниками бойца обеспечить не могут!

Дошли руки до оружия. Я переживал, что Наплевых впарит мне какую-нибудь заковыристую иномарку. Английскую Ли-Энфилд или француженку Лебеля образца 1893 года.

Но получил я родную трехлинейку. За такую с утра пришлось мне подержаться, правда, недолго. Сейчас обстановка для знакомства с личным оружием была более располагающая. Напоминавшего олимпийского медвежонка Наплевыха я не опасался.

Примериваясь и взвешивая, я подкинул винтовку в руках. Определенно, тяжелее она акэма. Килограммов пять! Винтовка была с затертым, липким прикладом. Вдоль цевья шел длинный отщеп. Я взялся за затвор, поднял его набалдашник кверху и потянул на себя. Р-раз, затвор отделился и оказался в руке отдельной деталью. Это меня обескуражило, но не подавая виду, я принялся с умным видом осматривать затвор. Отмечая – чищен он плохо, и вернуть его на место также легко, как я его выдернул, вряд ли удастся. Потом сожмурил левый глаз и заглянул правым в канал ствола. Для чего-то присвистнул. Наверное, чтобы выказать возмущение непотребным состоянием оружия.

Поручик, сложив на уютном брюшке руки, терпеливо наблюдал за мной.

– А патроны где? – строго спросил я.

Наплевович хлопнул себя ладонью по козырьку и убежал. А я, воспользовавшись организованной паузой, принялся вставлять затвор на его родное место. Оказалось, комплексовал я напрасно. С третьего раза у меня получилось.

И то, неграмотные русские крестьяне справлялись (и справляются) с трехлинейной (7,62-мм) пехотной винтовкой системы Мосина! А человек начала двадцать первого века с университетским образованием, командовавший во время срочной службы взводом «шилок», напищенных электроникой, овладеть не сможет? Легко! Но час индивидуальных практических занятий по огневой подготовке нужен позарез.

К оружию надо иметь каждодневную привычку. Чтобы не трястись над ним, как царь Кашей над золотом, и не бояться.

Восемнадцатилетним пацаном в учебке, в караульном взводе, месяц отходяв через день на ремень, я спал в обнимку с АК-74. Разбирал и собирал с завязанными глазами.

А битым мужиком, полгода отработавшим опером группы по тяжким преступлениям, только с четвертого захода одолел зачёт по огневой подготовке. Матчасть пистолета Макарова попала заковыристая – затворная задвижка, кожих затвора.

Прижимая к груди, старательный Наплевович принёс много патронов. Часть в обоймах, часть россыпью. Все патроны были новенькие, остроносые, поблескивали по-праздничному. Поручик вывалил их на дно поломанной брочки, в которой я устроил сортировочный пункт для обретенного скарба.

Я отобрал снаряженные обоймы, их оказалось восемь штук, и разместил в подсумках. Узнал заодно вместимость подсумка – пять обойм. Насыпал семьдесят семь патронов в котелок.

Наплевович стоял рядом. Мне показалось, что когда я пересчитывал патроны, он шёпотом повторял за мной:

– сорок один, сорок два.

Не выношу, когда мне смотрят под руку. Особенно когда я не уверен в правильности своих действий. На родных и близких в таких случаях я повышаю голос. Менее знакомым людям говорю какую-нибудь цензурную гадость. У меня скверный характер.

Но сейчас обстановка понуждала сдерживать эмоции. Я решил рассеять внимание Наплевовича разговором.

– А что, поручик, – спросил, запрыгивая на брочку, чтобы сидя намотать портянки, – много во взводе офицеров, которые у «товарищей» служили?

– Больше половины. – Наплевович полез в карман за папиросами.

– Да ну!? – удивился я, отложил в сторону стащенный сапог и угостился папироской.

Поручик начал загибать короткие, в заусеницах пальцы:

– Легче сосчитать, кто не служил. Сам взводный. Прапорщик-попович, как его, Кипарисов. Подпоручик лысый, не знаю фамилии, из москалей. Из русских, то есть. Юнкер ещё, Виктором зовут. Вы, господин штабс-капитан.

Хорошо, что коллектив нестабильный, всякий гад на свой лад. Новый человек не будет старожилам глаза мозолить. Пока все друг к дружке непритертые, новые. Да и у отцов-командиров голова, наверное, всю болят, насколько надежными в бою окажутся вчерашние краскомы.

– Вы на какой должности у большевиков послужили? – спросил я, допуская, что Наплевович пошлёт подальше.

Но он ответил, потупившись:

– Ротным.

Я верную выбрал тактику. Обвиноватил поручика, и теперь не меня он буравил глазами, а носки своих скверно чищенных сапог.

Как в сообщающихся сосудах – у него настроения убыло, а у меня добавилось. Почти пятнадцать лет я не носил портянок, а намотал любо-дорого. Без единой морщинки, туго. И быстро, в три приёма, точными движениями.

Помнят руки! Через столько лет! Правда и тогда, в восемьдесят третьем в учебке в первый же день я, сугубо городской житель, с ходу овладел методикой наматывания портянок.

Однократного рассказа и показа отделенного командира младшего сержанта Володина оказалось достаточно. За всю службу я не натер ни одной мозоли. Наука, конечно, нехитрая, но много кто, помнится, проблемы с ней имел.

– Штабс-капитан Белов, гляжу, серьёзный. – Я успел прикусить язык, не дав слететь привычному слову «мужик», наверняка при характеристике офицера Добрармии, неуместному. – Э-э-э, человек.

Наплевхovich неопределенно кивнул. Ни да, ни нет. Резонно, только самый глупый дурак кинется освещать личность командира первому встречному.

Я закинул на плечо увесистый «сидор» и винтовку:

– Куда теперь?

– В роту.

– Хорошо бы пожевать чего-нибудь, – стрессовая ситуация в совокупности с лихорадочной работой мозга высосали из организма полезные витамины.

– Сало едите, господин штабс-капитан?

– А як же, – я расплылся в улыбке, – неуж на мусульманина похож?

– Да трохи е, – осторожно сказал Наплевхovich.

Не он первый про это сообщает. Но прежде такое случалось, когда я стригся наголо в армии или в стройотряде и потом загорал до черноты. В Юрьевце на Волге узбеки заговорили со мной по-свойски. Гыр-гыр-гыр. Я когда въехал, ответил им интеллигентно: «Нихт ферштейн³², земляки». Они не поняли, продолжили докучать, и я вынужден их был отшить заученной в армии фразой на тюркском наречии, в которой словеса «кара хайван»³³ были самыми куртуазными.

Их гужевалось на привокзальном рынке трое или четверо, а нас двенадцать бойцов, половина ССО «Ермак», поэтому «дружескую» репризу «зёмы» проглотили.

Полакомиться сальцем не удалось. По селу пошло внезапное движение. Мимо нас, как вырванные, промчались всадники, едва не стоптав. Тяжело топая, оттуда и отсюда, во все стороны побежали военные. Зарябило в глазах от чёрных гимнастеров, красных фуражек. Высоко, с хрипотцой в медном горле подала голос труба. Возникло ощущение, как перед надвигающейся грозой, обложившей полнеба.

– Тревога! – вскинулся поручик Наплевхovich, меняясь в лице.

³² Нихт ферштейн – не понимать (немецк.)

³³ Кара хайван – чёрная скотина (тюркс.)

Часть вторая. Импровизации

1

Мы спешно выступаем из Воскресенского. Куда и зачем, мне с рядовой должности непонятно.

В пыли, толкучке и перебранке строилась офицерская рота, образуя колонну «по четыре». Я – новый элемент в системе, непригнанная деталь. Локтями меня сдвигали из шеренг, как лишнюю фишку в пластмассовой коробочке настольной игры «пятнашки». Задвинули в самый хвост.

Белов раздражён. Он стегнул себя стеклом по мятому голенищу. Выразительно, как актер Олег Янковский, скривил худое лицо.

– Что вы, господа, как бабы копаетесь!

А мои шараханья заметив, добавил:

– Штабс-капитан Маштаков, вот ваше место в строю! Потрудитесь запомнить с первого раза!

Я утвердился в середине взвода. Справа от меня удачно оказался поручик Наплевович, слева – сутулый прапорщик с бородкой. Впереди – стриженные затылки.

– Куда выступаем? – индифферентно поинтересовался у Наплевовича.

Он знал ровно столько сколько я. С тем же вопросом я обернулся к сутулому прапорщику.

Тот ответил с гнусавинкой:

– На войну.

В его глазах мне увиделась усмешка. Над кем только? У прапорщика неправдоподобно бледное лицо, а бородка – редкая, козлиная, ненужная ему.

Солнце пекло затылок и левое ухо. Колонна повторяла изгибы улицы.

Спереди быстрый, перебиваемый кашлем голос, сообщил:

– Корпус Думенко. кх. фронт прорван.

По-моему, лажа. Конец июля 1919 года. Конно-сводный корпус Бориса Думенко, в прошлом вахмистра царской службы, впоследствии расстрелянного своими, в это время находился на формировании в центре России. В Саратове, что ли? А сам комкор поправлялся после тяжёлого ранения в грудь.

Энциклопедическими знаниями, понятное дело, поделиться я не имел права. Даже в целях пресечения панических слухов. И по роте мячиком запрыгало возбуждение:

– Конница! Фронт! Прорвали!

В нашей шеренге подачу принял и суетно, как горячим угольком, зажонглировал каркающими словами Наплевович:

– Кав! Корпус!

И пасанул дальше во взъерошенный хвост колонны.

С приснопамятных времён срочной службы я не стаивал в армейском строю. Разовые формальные построения в ментуре и артвоку не в счёт. Поэтому ощущения у меня довольно дикие. Во-первых, просто тесно. Остро воняло крепким потом и сапожищами. Ни на что не похожий непередаваемый аромат яловой голяшки, начищенной вонючей ваксой!

Про необходимость порубать я забыл, а желудок мой – нет. Заурчал, поджимаясь.

Но все-таки можно перевести дух. На какое-то время я стал таким как все, выскочил из эпицентра. Выяснение обстоятельств моего пришествия откладывалось, по меньшей мере, на время похода.

Я умышленно не думал, что за походом – бой. Самый настоящий, в котором всерьёз ранят и убивают. В то время как КПД мой как боевой единицы – абсолютный ноль!

Оттягивающая плечо мосинская трехлинейка мне незнакома. Ни разу в жизни я не стрелял из винтовки. По картинкам знал, а теперь вот своими глазами увидел, что на ней имеется такая хитрая приспособа – прицельная планка, на которой проточено несколько рисок и выбиты цифры.

Похоже, как на акэме. Но принцип выставления прицела я забыл наглухо. Вроде, чем больше цифра, тем дальше расстояние до цели. Ещё помню, что можно постоянный прицел выставить.

Также я предчувствовал серьёзную проблему в том как отделить штык, закреплённый сейчас вдоль ствола, а затем примкнуть его.

Я представил себя бессмысленно копающимся, совершающим суетные движения по команде: «Штыки примкнуть!» (в правильном звучании не уверен), и у меня засвербели плечи и грудь. Хорошо знакомый признак приближающегося психоза.

Я почесался сначала через куртку. Потом растегнул ворот и стал ожесточенно скрести сквозь майку.

Бледнолицый прапорщик разглядывал меня с интересом энтомолога. Заметив его пылающий взор, я выдернул руку из-за пазухи. А воспалённая кожа требовала продолжения механического воздействия. Перебивая зуд, я прикусил губу, почувствовал солёное.

По роте шло броуновское движение. Многие курили. Некоторые спешно перебирали вещевые мешки.

– Ротный! – поручик Наплекхович, насколько смог, подобрал живот.

– Га-аспада-а офице-еры! – заполошно заорали впереди.

Строй подтянулся, затвердел, по-уставному встречая командира.

Полковник Никулин отмахнулся толстой ладонью, словно комара с уха сбил.

– Вольно!

Он двигался по-слоновьи фундаментально. Даже на значительном расстоянии я уловил свежее амбре. Справа от полковника, опережая на полшага, шел длинноногий штабс-капитан Белов. Он заглядывал ротному в лицо и говорил настойчиво:

– абсолютно сырая, необработанная масса.

– ну а я что могу предпринять, голубчик? – басисто-сипло отвечал Никулин. – Резолюцию наложить? Наш с вами родной сто шестьдесят шестой Ровненский полк на подмогу позвать? Из небытия? Либо триста десятый Шацкий?! Ась?!

– Думенко нам резолюцию наложит, – зло сказал Белов.

Остального я не услышал. Командиры прошли дальше.

Все-таки перед нами Думенко? Взводный не похож на сплетника и паникера. Неужели ошибался уважаемый мною Владимир Карпенко, автор двух крепких исторических романов о красном комкоре?

Часов у меня не было, но я умею чувствовать время. Минут через двадцать колонна тронулась.

– А ну, в ногу, в ногу, взвод! – прикрикнул Белов. – Р-раз! Раз, раз, ва, три!

Мерный гул пошёл от двинувшей под гору роты. Я быстро прилачился к нужному темпу. В зенитно-артиллерийской батарее я слыл хорошим строевиком. Когда батарею вёл офицер, я занимал самое трудное в строю место – правофлангового в первой шеренге. Но было это миллион лет до нашей эры.

Меня беспокоили свои физические возможности. Долгое время я вёл вольготный образ жизни. Много психовал, увлекался алкоголем. В обычный день выкуривал по пачке «Балканки». А в скромный – и того больше. Пренебрегал утренней гимнастикой. На следственной

работе, где преимущественно сидячка, едва геморрой не отрастил. Лет пять назад узнал, где у меня находится сердце, и с тех пор оно, болезненное, не разрешает мне спать на левом боку.

В арtpолку майор Горяйнов, повоевавший в обе чеченские компании, заявлял, что предпочитает срочников взрослым мужикам контрактникам.

– Лёгкие у них не прокурены! Рефлексы не пропиты! – разрывая великанского вяленого леща, объяснял Горянин. – И это помимо цельности молодой, внушаемости и непонимания абсолютной величины смерти!

Пока шли мерным шагом, дыхалка справлялась. Но вот если придется делать рывок, у меня возникнут проблемы.

Последний свой кросс я отбегал в университете на четвёртом курсе. В прокуратуре, организации, несмотря на погоны, гражданской, физподготовка отсутствовала как таковая. Во время работы в уголовном розыске я упорно колол спортивные занятия. Учитывая мой преклонный возраст, неординарное прошлое и стабильные показатели раскрываемости руководство не пыталось воспитать из меня супермена.

На «историческую» кадровую комиссию, задним числом одобряющую моё увольнение из органов, я опоздал, не догнав на остановке троллейбус. Двадцатиметровый спурт оказался мне не по зубам.

Я подметил, что вся публика в роте гораздо младше меня. Хотя, военная форма конкретно старит. Преобладали пацаны чуть за двадцать лет, прапора. Косолапому мишке Наплеховичу, несмотря на солидность брюшка, – под тридцатник. Да и штабс-капитану Белову со всеми его регалиями столько же. Правда, я видел одного капитана с седыми висками.

При построении легенды возраст мой и небольшой для него чин надо обыграть правильно.

Когда отошли с километр, я оглянулся. Село осталось на холмах, в живописной буйной зелени садов. Хвост колонны шевелился неподалеку. В середине строя я разглядел пару артиллерийских упряжек. В общей сложности по моим прикидкам в колонне было не больше шести сотен бойцов. Это весь первый Корниловский ударный полк? Негусто.

Впрочем, я знал, что основные деникинские строевые части всегда были малочисленны.

Непривычная тяжесть винтовки, брезентовый ремень её, натиривший плечо, путали мысли. С трудом я преодолел желание перекинуть трехлинейку с правого плеча на левое или того круче – повесить на грудь как коромысло и удобно пристроить руки на стволе и прикладе.

Атмосфера в строю была напряженной. Шли, как из-под палки на нелюбимую работу. Молчали угрюмо, словно напуганные считалкой про собаку, которая сдохла и хвост у которой облез. Будто боялись, что тот, кто промолвит первое слово, тот псину эту и съест.

Я не брезгливый, укусил дохлятину за филейную часть.

– Поручик! – окликнул я. – А что, здесь весь полк?

Наплехович пожал плечами:

– Бог его знает. В селе наша рота стояла, первый батальон да околоток.

Он явно не был настроен на приятельский треп.

Через час я жутко пожалел, что ввязался в эту авантюру. Зубами надо было держаться за больничку. Ливер болел, как отбитый. В правом боку жгло и булькало. Голова раскальвалась. Заложило нос – аллергическая реакция на пыль. Дышал я пересохшим ртом, в котором не помещался распухший язык. Куртку на пару с майкой можно было выжимать.

Внутри черепа прыгала вычитанная когда-то дурацкая фраза: «Продлав за ночь марш в сорок вёрст, батальон вступил в бой за станцию».

Сорок вёрст! За ночь! Вступил! В бой! За станцию!

Столько мне не одолеть ни за что.

Портянки сбились комками, голые пятки снова стали беззащитными перед вылезшими из подметки гвоздями. Сначала я старался не прихрамывать, но потом решил, что стесняться некого.

С присущим мне от природы «дружелюбием» я отметил, как сошли с дистанции двое бойцов. Из других взводов, правда. С притворно кислыми рожами они уселись на обочине дожидаться пулемётной двуколки.

Как хотелось мне оказаться на их месте! Никогда я не сознаюсь в этом вслух. Буду идти, пока не упаду.

Всю дорогу передо мной одна картина – портрет спины неизвестного, чёрными полукруглыми пропотевшей под мышками. Собственник внушительной спины – молодой большеголовый и ушастый подпоручик. Он шёл неумоимо, отмахивая левой рукой, как заяц в рекламе батареек «Энерджайзер». За него я был спокоен.

А вот козлобородый сосед слева тщетно пытался вытрясти из фляжки хоть каплю воды. До этого он то и дело прикладывался к горлышку и даже неразумно поливал себе голову.

В учебке в Отаре, когда мы, курсанты со сроком службы в одну неделю, дорывались после сорокаградусной жары до воды, сержанты пинками выгоняли нас, присосавшихся к кранам, из умывальника.

– Не пейте, мифы! Терпите! Не то тепловой удар двинет!

Мы не слушали и при каждом возможном случае накачивались водой под завязку, как мерины гортоповские. И на солнышке потом один за одним вываливались из строя. Со мной такая беда случилась только раз. Я смутно, но помню, как стало мне тошно, кислотина плеснулась под горлом, и сделался я вялым. Хотя только что был энергичным и жилистым. Изображение пропало, пришла рябь.

– Товарищ сержант, – пролепетал я, – можно в туалет?

Отделенный Нуржанов, крутой татарин, глянул свирепо: «Ты чё, Маштаков, можно за половой орган подержаться, а в армии – разрешите».

Но увидев меня, трепещущего, цепко подхватил под локоть:

– Ты чё, Маштаков?!

За два месяца он успел узнать, что я не из тех, кто косит.

Очнулся я на койке в расположении.

Со временем в Отаре мы стали равнодушными к воде. И пили только в столовой при приёме пищи. Чай с кисловатой добавкой брома, про которую говорили, что она специальная, чтобы член не стоял. Компот из плохо промытых сухофруктов. Несладкий тягучий кисель. Не требуй сержанты, чтобы фляжки у всех постоянно были полными, к концу учебки в них бы не было нужды совершенно.

А вот в книжке покойного Артёма Боровика про то, как он был солдатом американской армии в южном штате, наоборот, бывалый командос ему советует пить как можно больше, чтобы не наступило обезвоживание организма.

Не знаю. У каждого свой опыт. Сегодня вот я раз пять прикладывался к фляжке, но глотки делал экономные, а последним споласкивал рот.

Когда я в очередной раз сплюнул струйкой вниз, себе на сапоги, чтобы никого не задеть и крышкой стал ловить резьбу на горле фляги, почувствовал сбоку сверло чужого взгляда.

Я покосился. Козлобородый прапорщик трудно шевелил потрескавшимися губами. Глаза у него были синие, умоляющие, а на кончике носа висела мутная капля пота.

Вот ведь гордыня человеческая. Хочет пить, а попросить – в падлу. Э-э, нет, ты обратись по-людски. Я не Иисус Навин.

Прапорщик мне не приглянулся, когда в селе с издевкой прогнусавил:

– На войну-у...

На нормальный мой вопрос: «Куда выступаем, брателло».

Чего ты, парень, перед незнакомым человеком, который тебя по возрасту и чину старше, понтуешься, если в тебе стержня нету.

До отказа завинтив крышку, я вернул фляжку в чехол на ремне.

Пейзаж был однообразным. Вызревшее злаковое поле сменилось травянистым лугом, на котором попадались островки кустарника, похожего глянцевым узким листом на ивняк. Потом справа начался и долго тянулся глубокий овраг, отвалы стенок у которого были суглинистые, ярко-жёлтые.

Как только мы вошли в ложбину, на холмы вскарабкалось несколько всадников. Они двинулись по гребню, гуськом. «Разведка», – понял я и немного успокоился.

Я уважаю профессионалов. Приятно, например, осознавать, что везёт тебя хороший водила, а не отморозенный камикадзе.

Когда миновали овраг, скомандовали привал. Я хотел присесть неторопливо, с достоинством бывалого солдата, но не сумел, тяжело плюхнулся в канаву. Чертыхаясь, стащил сапоги, выдернул из голенищ сбившиеся портянки и, блаженствуя, пошевелил грязными пальцами ног. Всеми десятью сразу, поросшими на фалангах редкими жесткими волосами.

– Ка-айф!

Привала удостоились не все. Часть колонны (мне показалось – большая) продолжила движение. Тряской рысцей пронеслись две оружейные упряжки. Я обратил внимание, что у сидевших на передках номеров – чёрные погоны и фуражки с белой тульей. Сие означало, что с нами работала марковская батарея. За артиллерией гроыхали повозки. В предпоследней я увидел сестру милосердия Жанну. Она без головного убора, с мальчишеской, открывавшей уши стрижкой.

Как это пел неподражаемым своим фальцетом Володя Пресняков:

– Стюардесса по имени Жанна, обожаема ты и желанна!

Я предметно осмотрел ступни и увидел, что потёртости на пятках терпимые. Банальная краснота. Кожа лохмотьями пока не висит.

Самым тщательным образом я вытряхнул из сапог всякую вредную дрянь. Обтёр ступни и тщательно, сухими концами намотал портянки.

Вот в чём неоспоримое преимущество этого примитивного предмета гардероба! Идёшь по страшной жаре, в сапогах болото чавкает. Разулся, встряхнул портяночку и перемотал так, чтобы сырой конец, на котором косо отпечатался фиолетовый оттиск ступни, обернулся вокруг щиколотки. Для просушки. Ещё через пару часов провёл обратную процедуру. Универсальный замкнутый цикл. В носках же сгноишь ноги в два счета!

Офицеры смачно курили. Мне тоже хотелось, но христарadniчать было совестно.

Рослый плечистый прапорщик в нескольких шагах от меня, повернувшись к лесу передом, справлял малую нужду. Бесконечно шелестела в траву струя. Под солдатской гимнастеркой прапорщика бугрились напряженные мышцы спины. Вдруг он оглушительно испортил воздух. Полуобернувшись, заржал, показывая великолепные зубы:

– По комиссарам! Залпом!

Этот мне тоже не глянулся. Бычара и наглец.

Сидя на откосе, я поочередно поднимал кверху ноги и массировал икры. Сколько мы прошли? Километров пятнадцать? А в переводе на вёрсты сколько получится?

Близился вечер. Солнце обломалось, пригревало сдержанно, приятно, словно днём и не лютовало. Я подставил лицо лучам.

Выделявшийся среди молодежи седоватый капитан расположился неподалеку от меня, шагах в десяти. Насунув на глаза козырек, чтобы не пялиться в открытую, я наблюдал за ним.

Капитан был скуп в движениях. Он передёрнул затвор винтовки и в одно отточенное касание вложил в патронник обойму. И снова, на этот раз хлестко, клацнул затвором. Затем

он пристроил винтовку между колен, ствол положил на плечо. Вынул из кобуры револьвер и, вращая барабаном, внимательно стал проверять патронные гнезда. Щёлк. Щёлк.

Так мастер проверяет инструмент перед привычной работой.

Я пытался понять и запомнить каждое его движение.

Нагана мне по малому сроку службы не полагалось, а вот в трёхлинейку, подглядев за капитаном, пять патрончиков я засандалил. Всё оказалось крайне просто. Правда, без того скупого солдатского изящества, с каким выступал капитан. Не выбрасывать освободившуюся стальную обойму у меня ума хватило. Вспомнил про полмешка рассыпухи.

Когда я лязгнул затвором, досылая его вперёд и поворачивая рукоятку вправо, Наплекхович вжал голову в плечи. Дымившуюся папироску он держал в горсти, хотя было безветренно. Рука у поручика дрожала.

Я прислушался к себе и мандража не обнаружил. Вытянул руку перед собой и растопырил пальцы. Никаких признаков тремора. Наркологическую экспертизу можно проходить.

– Строиться, рота! – заорали впереди.

Рядом рывкнул хриповатый голос штабс-капитана Белова:

– Взвод! В две шеренги становись!

Моё место при такой конфигурации в первом ряду. Но сейчас можно не комплексовать. Никто меня не будет рассматривать в микроскоп.

– Р-ряйсь! Смирно!

И с правого фланга офицер в наплечных ремнях, высоко подбрасывая ноги, пришпилив левую руку к бедру, а правой взяв под козырек, двинул к выпятившему брюхо полковнику Никулину. Приняв доклад, ротный надолго замолчал. Мне показалось – он забыл, зачем мы здесь собрались. Рапортовавший офицер не выдержал мучительной паузы и зашептал на ухо полковнику.

Только тогда тот изрёк осуждающе:

– Э-э-э... господа-а офицеры!

Я подумал, что Никулин снова умолкнет, но он произнес яркий спич, преисполненный идейностью:

– Настал... э-э-э... час показать! Отчитаться перед многострадальным Отечеством! Мда! И я не позволю! Не в Совдепии! Отнюдь!

Он выкинул вперёд руку и, захватив в огромную лапу много воздуха, потряс кулаком. Потом, вспомнив важное, встрепенулся.

– Старых добровольцев... э-э-э... не касается!

Своим ораторским мастерством Никулин напомнил мне бывшего председателя совета министров Черномырдина и действующего председателя нашего горсуда Холкина. Но когда, покачиваясь, полковник двинул восояси, я понял, что он просто тяжело пьян.

Оставшийся на хозяйстве офицер в наплечных ремнях скомандовал «вольно», а командирам взводов и пулеметной команды – к нему. Пятеро, в том числе наш журавль Белов, быстро переместились в указанное место.

– Кто это? – свернув на бок рот, спросил я у Наплекховича.

– Помощник командира роты полковник Знаменский, – сдавленно ответил поручик.

Гм, Знаменский? Знакомая фамилия. Был такой майор в популярном в семидесятые годы телесериале «Следствие ведут знатоки». Пал Палыч. Ещё спортсменов помню, братьев Знаменских, легкоатлетов, турнир в честь которых проводится.

Штабс-капитан Белов, придерживая пашку, голенасто, как складной деревянный метр, возвращался к строю. Играючи перешагнул канаву.

– Ну-с, господа! Задача для первоклассников! Надо обеспечить себе крышу для ночлега в хуторе Ворманки. Разведка донесла, что в нём и в соседних селах, как их, чёрт. Доброй Надежде, Гати и Подольке расположилась стрелковая бригада красных. Основная задача

поставлена первому батальону. Он на обходном марше, выходит на исходную для флангового удара. А мы нажмем с фронта и выдавим красных в пойму реки, где перетопим в баклушах!

Белов говорил внешне небрежно, словно о пустяшном, но по беспокойным глазам его я понял, что он в сомнении относительно реальности озвученных перспектив.

Против целой бригады! А бригада – два полка! Тогда как у нас батальон и рота всего лишь. Да еще атаковать!

– Господа! – продолжал Белов, форсируя голос, отчего на худом лице его у рта задержался живчик, утаскивая ус на щеку. – Большинство из вас впервые пойдет в бой под славным знаменем Корниловского полка. Полагаю, разжевывать смысл слова «честь» надобность отсутствует.

Драться под Корниловским флагом – великая честь! А?! Я вам не пастух, а вы не овцы, но на брюхе ползать и раком пятиться не позволю!

Отчётливо выговаривая обидное, штабс-капитан смотрел с острым прищуром именно на меня. Есть такой прием для выступающего – найти в аудитории удобного слушателя и конкретно ему втюхивать.

Господин штабс-капитан, я хоть и бывший комсомолец, заслуженно награжденный почётным знаком ЦК ВЛКСМ за активную работу по охране правопорядка, но агитировать меня особо не надо. Я согласный! Меня бы подучить чуток. Для шести месяцев полнокровной учебки, понятное дело, у вас времени нету, хотя бы месячный курс пожилого бойца проведите. Партизанские сборы!

Проделав за ночь марш в сорок верст! Матка боска Ченстоховска!

И пожрать бы не худо! Про пожрать штабс-капитан Белов вспомнил. Скомандовал разойтись и разрешил перекусить на скорую руку.

Я обернулся к Наплевовичу, царапнул ногтем щёку, выскобленную опасной бритвой «Gillette»:

– Помнится, поручик, вы салом хвалились?

2

Рота в куцых колоннах наискось пересекала луговину. В низине собирался белесый туман, пока незагустевший. Быстро пала вечерняя роса.

Двигались бегом. Я поставил всё на технику – на каждое касание ногой земли делал вдох, на следующее – выдох. Коротко, отрывисто, носом. Старался изо всех сил. Но когда добежали до косогора и покарабкались вверх, стал отставать. На подъём забрался одним из последних. Сердце выскакивало, металось от желудка к горлу.

– Шире шаг! – окриком подстегнул Белов.

Я прикрыл глаза, оттолкнулся прикладом от упругого дерна и рванул. Изо всех сухожилий. Ощущение было такое, что я передвигаю ноги в корыте с густо замешанным цементным раствором.

На втором курсе физрук Батаев обязал желавших получить досрочно зачёт участвовать в легкоатлетической универсиаде. В числе состязаний был километровый кросс. По одному человеку нас расфасовали в пятнадцать забегов. Уже при переключке мне стало неудобно, когда в моей группе откликаться стали на подбор длинноногие поджарые парни. Среди них, экипированных в спортивные трусы, майки и лёгкие шиповки, я, в шерстяном синем костюме, траченном молю, и жёлтых резиновых кедах был единственным. Я даже не решился покурить перед забегом. Особенно внушительно выглядели студенты физвоса, показавшиеся мне олимпийцами.

Сразу после старта я словно завис на месте, а соперники реактивно рванули. Несмотря на то, что за кустами я внаглую срезал угол и тоже проделал на втором круге, к финишу пришел

всё равно последним. Получив при этом лучший результат за всю свою спортивную карьеру. Не очень яркую, но зато короткую.

И в остальных забегах юристы прибежали последними. Однако в командном зачёте мы получили серебро, взяв массовостью.

Когда я был пролетарием, в родном инструментальном цеху в день зимних заводских соревнований бывалые спортсмены мудро говаривали:

– Главное – не победа, главное – уйти с обеда!

Ерунда эта околоспортивная, надерганная из разных мест, из разных лет крутилась в башке. Один только Зигмунд Фрейд и смог бы объяснить, почему сейчас эти ассоциации повсплывали.

На гребне холма, куда я забирался почти на четвереньках, цепляясь свободной рукой за бурьян, взвод выравнивал жидкую цепь.

Штабс-капитан Белов – на голову выше всех – наводил порядок на правом фланге.

Но и оттуда он наорал на меня:

– Штык примкните, штабс-капитан!

Пытаясь соображать разумно, я кинулся отделять закрепленный вдоль ствола (в походном положении) штык – длинный, сизый, зловеще граненый, в щербинах.

– Сука! Не хочет!

Кр-рак и штык вдруг оказался в руке! Выскочил из металлического хомутика. Следующим торопливым движением я насадил его трубкой на ствол. Получилось? Да, вроде не болтается, сидит крепко.

– Взвод, в атаку! Огонь только по команде! – надсаживая горло до клёкота, кричал Белов.

Похоже, он не заметил моего непрофессионализма. От сердца у меня отлегло, и в очередной раз я убедился в том, какой я законченный даун. В нескольких минутах всего – бой, война, увечье или смерть даже, вечная память, могила, а я об эстетике движений тревожусь.

Я шагал в цепи, уставив штык вперёд. Правой рукой сжимал приклад, мылкий от мокрой ладони, а левой снизу держал цевьё. Плохо пригнанный мешок молотил по спине, кололся рассыпными патронами.

Только бы не сразу бегом скомандовали!

Луговина сделалась упругой и кочковатой. Пару раз я споткнулся. И оба раза удачно, на левую ногу. Это у меня примета добрая, проверенная временем, с начальной школы неподвижная! Господи!

Над нами по стремительным лекалам стрижи вычерчивали. Вечерняя охота. Или ласточки это?! Чем отличаются?!

Цепь двигалась с ощутимым усилием, прогнувшись в середине, как заведённый бредень. Наш взвод шел по мелководу, на правом фланге обогнав остальных.

Через несколько бойцов от меня нервничал Белов. То и дело оглядывался на растущую в середине роты килу.

– Что они там?

Впереди трудно приближался оазис зеленых насаждений и чёрно-жёлтые соломенные крыши хат.

Как бишь хутор штабс-капитан обозвал? Ворманки? Бандитское название, отъявленное. В переводе – вора имал. Подберут же на святой Руси ласковое имечко!

Стриж один порскнул у меня над головой, не выше чем в метре. И ещё один левее. Обоих я не успел разглядеть. А резкие такие оба, сверхзвуковые.

В отставшей мотне туго шедшего бредня вдруг кто-то пронзительно закричал. Я оглянулся туда. Двое офицеров, один нагнувшись, второй упав на колени, поднимали и переворачивали лицом вверх третьего.

– У-у-ум, – стонал он протяжно.

Темп движения стал затухать, цепь катилась по законам инерции. Я понял, какие это стрижи около меня пируэты выписывают, и нехорошо мне сделалось. Мерзко.

А вокруг стали залегать многие, хоронясь за кочками.

От соломой крытых крыш, перебивая редкие разрозненные хлопки, затрещала картавая трещотка. Пулемёт! Очередь частой железной метлой маханула на другом, дальнем фланге.

Я продолжал шагать. Головки сапог да и голенища, до середины исхлёстанные росистой травой, были сырыми. Я выбирал, куда сподручнее ступить. Чтобы правой, плохой ногой не запнуться.

Я поднял глаза, когда плечом въехал в кого-то тяжёлого, большого.

Хвать, это штабс-капитан Белов оказался. Он бешено сверкал белками, ноздри у него раздувались, усы жёстко топорщились.

Пётр Первый в исполнении Алексея Петренко в фильме Митты!

– А ну, встать, слякоть! Шарманщики! – орал он, вывернувшись назад.

Залегшей в траве и в кочках мешанине людской оскорбления адресуя.

Из нагрудного кармана Белов выудил папироску, кинул в рот, закусил далеко мундштук. По блатному, не по-офицерски.

Я, работая на автопилоте, как фокусник, ловко чиркнул у него перед носом зажигалкой с предупреждающей надписью на боку: «Хранить от детей, не применять вблизи лица!»

– А? Что? – встрепенулся взводный, недоумённо глядя на подрагивающий жёлтый язычок пламени.

– Прикуривайте, господин штабс-капитан, – сказал я и обстоятельно пояснил: – Более тридцати секунд нельзя держать зажжённой.

Во взгляде Белова проблеснул осмысленный разряд. Он выплюнул папиросину, ниточка слюны вылетела на жёваном мундштуке и, оборвавшись, свисла с губы.

– Да шли бы вы, Ма... Маштаков на-а...

Он бросился гигантскими шагами назад, добежал до первого лежавшего и схватил его за шкуру и за ремень, с усилием отрывая от земли и толкая вперед. Другого носком сапога поддел под живот, третьего саданул по ногам.

В руке его появился наган. От неожиданно грохнувших быстрых выстрелов я вздёрнул плечи, пряча голову. Но остался стоять, единственный, кроме метавшегося взводного.

– Перестреля-а-аю! – маралом ревел он.

Пружиной в траве поднялся седой капитан. Сконфуженно воротя лицо, прикрикнул на соседей, после этого зашевелившихся. Встал, отряхивая колени, косолапый Наплекхович. Пригнувшись, боком двинулся вперёд большеголовый ушастый подпоручик.

Нас стало много в вертикальном положении. Цепь покатила вперёд, извилистая, как синусоида.

Я уже не успевал быстрым шагом и припустил бегом. Хутор приближался рваными короткими рывками. По окраине его зримо шло суетное движение почуявших опасность, вставших на задние лапки муравьёв. Выстрелы продолжались, но будто и не настоящие, а хлопучечные или петардные. китайского производства.

Драпают, гады. Драпают!

Мне не раз доводилось играть роль преследователя. Азарт загонщика не сравним ни с чем. Лёгкие развернулись и воспряло сердце. Я ощутил себя Маугли, бегущим наперегонки с чёрной пантерой, упругим, никогда не притрагившимся к стакану.

Мы первыми ворвались на околицу. Красных не было, у растрёпанного стога сена открыт мелкий окопчик. На бруствере в жирной земле тускло отсвечивали стреляные гильзы, валялась жестянка из-под консервов.

Рота прочёсывала хутор. Стрельба трещала в стороне.

– За мной, первый взвод! – крикнул Белов и, не оглядываясь, припустился в направлении боя.

Человек десять самых азартных, не прельстившихся шмоном крестьянских хат, бежали за ним. Я – в том числе, пока не спекшийся.

Но у пруда и мы попадали в высокую синюю осоку. Прикрывавший отход красный пулеметчик взял удачно. Пули зачмокали по сырому склону, по кустам, срезая ветки, противно засвистали над головами. От земли пахло грязевой ванной. Куртка на животе быстро впитывала холодную влагу.

– Головы не дает поднять, гнида! – блестя глазами, восхищённо воскликнул упавший в полуметре от меня большеголовый подпоручик, заяц на супербатарейке «Энерджайзер».

Я сглотнул горький комок и согласно кивнул. Лежавшая подо мной винтовка прикладом больно давила в тазобедренную кость. Так получилось, потому что свалился я, не разбирая куда. Повернувшись на бок, выдернул из-под себя склизкую трехлинейку.

– Взво-о-од! К стрельбе с коле-ена! Прицел четыреста! Товсь! – как только пулеметная строчка поотпустила нас, закричал Белов.

Через силу я сел на корточки, потом встал на колено в чёрную лужицу. Колючие мурашки бегали по ногам, как будто отсидел их. Вскинул винтовку, правым плечом вжался в приклад, щекой притиснулся к холодному железу, к грязной деревяшке.

– Стрельба пачками! Пли! – помогая себе резким взмахом руки с револьвером, командовал взводный.

Справа и слева наперебой загрохотали выстрелы. В амбре сырой грязи вмешался кислый запах сгоревшего пороха.

Я установил целик прицельной планки напротив риски с цифрой «4» и прижмурил левый глаз. Мушка плясала на фоне прыгающего буро-зелёного месива. Я давил на крючок, а результата не было. Я испугался, что винтовка неисправна, но в этот момент она неожиданно бабахнула, саданув прикладом в плечо. В три движения я передернул затвором, выбросив дымящуюся, воняющую серой гильзу. Обратным движением загнал в патронник новый патрон.

А Белов орал, вставая во весь свой незаурядный рост:

– Пре-екратить стрельбу!

Я послушно опустил ствол. Бляха-муха, только развоевался! А «Энерджайзер» в азарте ещё два раза шмальнул. Крах! Крах!

– Подпоручик Цыганский! Отставить! – прикрикнул персонально на него штабс-капитан.

Гм, Цыганский! Интересная фамилия! А ведь определённо что-то есть такое, будулаистое, в зайце этом.

В следующий миг я почуял ливером, что слева от меня не в порядке. Оглянулся. На боку, на вещмешке в неудобной вывернутой позе, лицом уткнувшись в грязь, лежал офицер. Неживой, я враз это срубил, за годы работы в органах навидался трупов выше крыши. Мёртвого с живым невозможно перепутать – души-то в нем нету.

Винтовка убитого валялась в стороне. Погонный брезентовый ремень её изгибался, как змея.

Я наклонился, за плечо перевалил офицера на спину и сморщился. Пуля угодила ему точно в лоб. Оттуда вытарчивал столбик вещества головного мозга, по консистенции похожий на фарш. Под глазами были густые чёрные синяки. Из ноздрей вбок параллельно губам тянулись извилистые дорожки красных соплей.

– Г-господин штабс э-э... к-капитан, – заикаясь, обратился я к Белову, – у нас тут убитый.

Взводный сразу подошел, уперся рукой с револьвером в бок:

– Кто?! Силин? Куда его?!

Я скрутил крышку с фляги и жадно стал хлебать воду, обливаясь и давясь. А мне бы не воды сейчас, пустой, ржавчиной отдающей, а водки стакан! Неразведённого спирта «Роял»!

В метре, в метре всего от меня мальчишку подстрелили. Прямо в лоб! Мозги наружу! Где я есть и где я должен быть?! Что я здесь делаю?!

– Прапорщик Риммер! Подпоручик Цыганский! – распорядился Белов. – Тащите убитого в хутор!

До темноты, рассыпавшись цепью, мы вели вялую перестрелку с красным арьергардом. Лично я, стараясь максимально использовать выпавшую возможность попрактиковаться в стрельбе, выпустил три обоймы. Приноровился к спуску, оказавшемуся достаточно тугим и длинным, отчего выстрелы не производились мгновенно. Обнаружил, что при более сильном упоре приклада в плечо отдача ощущается меньше. Затвор мне не понравился из-за короткой рукоятки, затруднявшей перезарядку – после каждого выстрела приходилось отнимать приклад от плеча, что снижало скорострельность.

В общем, страхи мои облажаться оказались напрасными. Человеку, имеющему опыт стрельбы из мелкашки, акаэма и пээма, мосинская трехлинейка покорится без труда.

Может быть, я даже в кого-нибудь попал, целился ведь, старался. При этом ни злости, ни азарта даже не испытывал. Отрабатывал обязательную программу.

Потом красные перестали огрызаться. Белов велел и нам прекратить стрельбу. Довольно долго мы лежали в тишине, под убаюкивающий аккомпанемент кузнечиков. Я с трудом противился дрёме, веки тяжелели, меня медленно, но неуклонно вело. И вот уже я в круглосуточном ларьке на Первомайском рынке набираю водки, ярославского пива, закуски. копчёную курицу, перевязанную бечевкой.

Вздрыгнув и обмерев сердцем, я очнулся. А?! Вытаращась во тьму кромешную, обирая с губ слюну, с трудом пытался сообразить, что происходит. Мне кажется, что от ладони моей, которой я сильно потёр лицо, невыносимо пахло копчёной, щедро приправленной специями курицей.

В потёмках, то и дело спотыкаясь, наступая на пятки передним, мы двинулись на хутор. Вытянув вперед левую руку, я шарил ей, как при игре в жмурки. Пугала возможность наткнуться на съехавший с чужого плеча штык.

– Эх, не замешкались, всех бы захомутали! – воскликнул молодой голос.

– Чего вы, прапорщик, тогда на брюхе ползали? – отозвался голос едкий и вредный, передразнивший довольно похоже. – За-хо-мутали!

Кто шёл неподалеку – грохнули, засмеялись. Я тоже – до слез, до икоты.

В хуторе взводу досталось три избушки на курьих ножках. В нашем бунгало – теснота, пахнет мышами и навозом, над тазом с водой коптит лучина. Свет ее прыгает, что в углах хаты – не разглядишь.

Шагавший впереди подпоручик Цыганский ударился головой о низкую притолоку, айкнул и выругался. Учитывая чужой опыт, я предусмотрительно наклонился.

В печке обнаружен ведерный чугунок горячей пшённой каши. Это «товарищи» варганили себе ужин. Отведать его им не пришлось, помешала наша атака.

– Эй, хозяйка! – озорно выкрикнул атлет-прапорщик, не понравившийся мне на привале.

Теперь я знаю его фамилию – Риммер. Они с Цыганским на пару уносили из цепи тело убитого.

– Эй хозяйка, вздуй-ка лампу! Не продохнешь от твоего каганца!

Сверху, с печи проскрипел несмазанный старушечий голос:

– Карасину нетути, барин.

Почти на ощупь из общего чугунок, встав вокруг него, мы ели кашу. На столе я нашёл деревянную, грубо вырезанную ложку. Она сальная, от неё пахнет, но голод сильнее брезгливости и я зачерпывал с верхом. Каша рассыпчатая, хорошо пропревшая, на молоке. В детстве в деревне бабушка готовила такую, тоже в русской печи, только с маслом. Называлось – пшенник.

– Хороша комишаршкая каша! – сквозь набитый рот прошепелявил кто-то рядом.

Опять хохот, говорившего стукнули по спине:

– Прекратите смешить, прапорщик!

Потом мы выбрались на воздух перекурить. Дочиста облизанную ложку я пихнул в карман брюк. Солдат должен быть с ложкой. От недосыпа, усталости и тяжёлой сытости мне почти не стыдно.

Поручик Наплевович угостил папиросой. Прикурив от моей зажигалки, он мотнул головой, указывая на зажигалку и произнёс одобрительно:

– Ну вы, господин штабс-капитан, и дали дрозда!

Я сделал вид что не понял, о чём речь, отмахнулся:

– Да ла-адно...

Но я тщеславен по натуре, люблю покрасоваться. Мне приятно – заметили.

Во двор энергично вошел чёрный рослый человек, заговоривший голосом взводного Белова:

– Взвод, отбой! Поднимаемся на рассвете. В боевое охранение идут штабс-капитан Маштаков и прапорщик Кипарисов! Дозорные ко мне, остальным «отбой»!

Я ещё не упал с гребня льстивой волны, которую погнал поручик Наплевович, и поэтому мне не жаль сорвавшегося сна. Хотя я представляю, что такое ночной караул.

Мне не испортило настроения даже то, что напарником оказался козлобородый Кипарисов.

– Господин штабс-капитан, идёте часовым, прапорщик – подчаском. Выдвигаетесь на тысячу шагов в том направлении, где работал красный пулеметчик. Помните, надеюсь? Пароль – «Коломна», отзыв – «Рига». Возможно, на вас выйдет наша конная разведка. В четыре часа вас сменят, успеете пару часов придавить. Только на посту – ни-ни!

И когда, проинструктированный, я направился в избу за винтовкой и вещмешком, Белов задержал меня за локоть и на ухо доверительно прошептал:

– Присматривайте хорошенько за поповичем, штабс-капитан! Мутный он какой-то.

Я понимающе кивнул. Пряча ликование: «Мне доверяют!» Значит я – чистый, прозрачный?!

3

Мутный Кипарисов ковылял потихонечку, дважды мне пришлось на него прикрикнуть. Прапорщик в ответ бубнил невнятное по содержанию и недовольное по смыслу.

Пруд мы обошли слева по высокой шуршащей осоке. От воды тянуло сыростью, остро пахло ряской и тиной. В пруду утробно вели неспешный разговор лягушки: «у-у-а-а-а...»

Ночь была звездной, шагалось легко. Я считал про себя шаги. Двести. Двести пятьдесят. Обитаемый мир остался в деревне, отсюда не различимой.

– Господин штабс-капитан, – гнусоватым голосом произнёс Кипарисов, – зачем удаляться именно на тысячу шагов? Мне кажется, мы отошли достаточно. А?

Как минимум три подходящих ответа вертелось у меня на языке. Доходчивые, ёмкие, но исключительно матерные. В моём понимании несоответствующие образу русского офицера начала двадцатого века.

Я ответил тоном серого волка, сожравшего бабушку и залезшего в её постель:

– А затем, господин прапорщик, дабы как можно раньше обнаружить появление неприятеля и дать знак своим.

– Во-от оно что, – удивлённо протянул Кипарисов.

Пару минут он шёл молча, не отставая. Триста двадцать шагов отмерил я. Честных, широких, восьмидесятисантиметровых.

Прапорщик, поудивлявшись моему откровению, снова раскрыл рот:

– Ещё вот, к примеру, господин штабс-капитан. Кто узнает, если мы с вами дальше не пойдём?

«Нет, – подумал я, – никакой он не мутень, а простая гнида. Трусливая и подлая».

Когда перед деревней цепь залегла в кочки, я не разглядел, кого пинал сапогами взводный. Но теперь я стопудово уверен, что это был Кипарисов. Ну да, отчаянно упирающийся, бьющий откляченным задом.

– В морду не хотите?! – я приблизился к прапорщику, шумно раздувая ноздри.

Я не видел его глаз, только мутный эллипс лица и шевелившуюся на нём бородку. Сутулая фигура осталась вялой, плечи – опущенными. Он покорно проглотил моё хамство.

– Я без злого умысла, господин капитан, – тем же бесцветным голосом Кипарисов стал оправдываться, подхалимски повысив меня в чине, – вы старший, вам решать.

– Ну так вот, – я сбросил с плеча винтовку, взял наперевес, – двигай вперёд, будешь тормозить, уколою. И заткнись, не сбивай со счета!

Прапорщик не отреагировал на то, что я соскочил на «ты». Вздохнув и ссутулившись ещё больше, покорно зашагал в темноту.

Задачи часового в полевом дозоре я представлял по аналогии с освоенным в Отарской учебке УГ и КС³⁴. Тогда с молодой памятью я легко запоминал наизусть статьи устава, совсем немаленькие по объёму. Обязанности часового. разводящего. помначкара³⁵.

Разрозненные куски сохранились до сих пор.

Часовому на посту запрещается есть, пить, курить, говорить, отправлять естественные надобности.

Но что делать, когда припрёт конкретно? Переваривать?

В конце первого года службы доверили мне пост номер один. Полковое знамя и денежный ящик. С одной стороны хорошо – сопли не морозишь. Но с другой – постоянно на виду, аккуратно напротив пульта дежурного по полку. Днём – крестный ход офицеров, тудым-судым. Ни присесть, ни покурить. Хотя курить некоторые удалцы умудрялись и тут. Из-под застрехи над денежным ящиком, обследуя вверенный под охрану и оборону объект, я наковырял целую пригоршню закаменелых бабариков. Преимущественно от овальных сигарет «Прима» моршанской табачной фабрики.

Но я не про это, я про надобности естественные. В разгар ночи, часов после трех захотелось мне оправиться. Минут через пятнадцать после заступления на пост. Скрутило так, что хоть на стенку лезь. Теоретически я мог запросить сикурсу³⁶, нажав на тревожную кнопку, сообщающуюся с караулкой. Минут через пять в штаб примчалась бы отдыхающая смена во главе с начкаром. Но этих минут я бы не сдюжил. Обманывая физиологию, я враскоряку пританцовывал на деревянном постаменте. С ужасом понимал, что счёт идет на секунды.

Я прислонил к свёрнутому боевому знамени полка карабин Симонова с примкнутым штыком и, косолапо семеня, проковылял мимо спавшего за столом дежурного майора в офицерский толчок.

Я успел. Водопад извергся не слабже ниагарского. Тогда я познал, что такое счастье. Но когда, опустошённый, выпрямился на дрожащих ногах и стал застегивать кальсоны, вспомнил про оставленный пост. Номер один! Нетренированных людей в таких ситуациях разбивает инсульт или инфаркт миокарда. Жуткие видения пронеслись передо мной. Похищенное знамя, украденный карабин, взломанный денежный ящик, который начфин полка вечером опечатал сургучной печатью. В любом случае – тюрьма! Даже дисбатом тут не отделаешься.

³⁴ УГ и КС – устав гарнизонной и караульной службы.

³⁵ Помначкар – помощник начальника караула (арм. сленг).

³⁶ Сикурс – помощь (устар.)

Через минуту я познал, что такое чудо. Все было в целости и сохранности. И дежурный продолжал храпеть, пристроив голову на канцелярской книге. Изо рта его, из-под русого уса, размывая чернильные записи, растекалась струйка слюны.

Утвердившись на постаменте, я воткнул штык эскаса в деревянную балку, проходящую над головой, задекорированную плакатом «Служи по уставу, завоеешь честь и славу!», опёрся на приклад, пришедшийся на уровне груди и чутко прикемарил. До смены оставалось больше часа.

Девятьсот девяносто восемь, девятьсот девяносто девять. Тысяча. Все, положняковую тысячу шагов я отмерил. И для верности ещё десяток.

Как раз подвернулась подходящая ложбинка в обрамлении жидких кустикав.

– Всё, – сказал я, – кидаем якорь.

Кипарисов сразу уселся на землю, винтовку положил рядом и начал жевать. Быстро и хрустко, как крыса. В руке его мутнело нечто продолговатое. Морковь?

Я отвернулся и сплюнул. Прапорщик был мне достаточно понятен и потому противен. С таким я не то что в боевое охранение, в ларёк пустые бутылки не пошел бы сдавать. Но деваться некуда, придётся караулить на пару с этим гибридом.

Кипарисов вдруг прекратил работать челюстями, затаился на пару секунд с набитым ртом, а потом с яростью стал выплевывать наполовину пережёванные куски. Обстоятельно проплевавшись, отстегнул от пояса фляжку, открутил пробку и принялся полоскать рот, а затем горло.

– Гр-р-рр!

Я таки не выдержал буффонады:

– Прапорщик, вы всю округу на уши поставите! Тихо!

Кипарисов побурлил ещё, проглотил воду и сказал смиренно:

– Гнилой початок попался.

– Нечего тащить в рот разную дрянь! – я говорил вполголоса, но зло.

Кукурузы он, оказывается, за хутором натырил. Запасливый.

Сам я был сыт вполне. До отказа набитый пшёнкой желудок давил на диафрагму, много весил, понуждал переставить шпенёк ремня на одну дырочку посвободнее. А вот курить хотелось невообразимо. Вдруг мне придумалось, что в нагрудном кармане куртки припрятана недокурная сигарета. Целая история вокруг этой заначки пронеслась перед глазами, когда я суетно хлопывал себя по бокам. Сюжет для короткометражного фильма.

Как на плацу перед построением Лёва Скворцов угостил меня сигаретой «Кэмел». Начфин полка, он мог себе позволить вкусное курево. Как, раскуривая, я пыхнул пару раз сигареткой, наполняя лёгкие крепким американским дымом. Как при поданной команде «Полк, смирно!» проворно забычковал её об каблук и запасливый, словно белка, спрятал в нагрудный карман. На потом, заботясь, чтобы не сломать.

Я практически галлюцинировал. Ни в одном моём кармане ни хрена не было, кроме хлебных и табачных крошек, и то в мизерных дозах.

Эх, а я ведь вполне мог у Наплевовича одолжиться пятком папирос. Да и взводный, думаю, мне бы не отказал.

Нерешительная гордыня. Гиперболизированное неприятие просить о чем угодно. С понтом, нас и здесь неплохо кормят!

Вот мои некоторые (не самые главные) недостатки и непонятные принципы. Об которые в щепы разбился утлый челн под названием «Моя семья».

Жена искренне недоумевала как можно, работая в должности зам-прокурора, полгода ходить по кухне вокруг неустановленной мойки. У самого руки не доходят, а просить начальника жэка, чтобы подогнал слесарька, язык не поворачивается.

Кипарисов, наполоскавши горло, положил голову на руки. Перестал шевелиться и дышать.

С трудом выдержав минуту абсолютной неподвижности, я потряс военного за плечо, отчего его бестолковка замоталась, как тряпичная.

– Эй! Не спать!

Прапорщик горестно вздохнул. Представляю, какие глубокие чувства он испытывал ко мне.

Вся ночь была у нас впереди. Тёплая, безветренная, практически курортная, с миллионом звезд в небе – живых, неправдоподобно ярких, затейливо шевелящихся. С узким острым ломтиком месяца, как на турецком флаге. В такую ночь уместно с девушкой лежать в стожке свежего сена, про Млечный путь ей задвигать, про упавший в Сибири Тунгусский метеорит, попутно разбираясь со сложным устройством застёжек бюстгальтера. Упиваясь запахом скошенных трав, настоящим на аромате молодого тела и кисловато-терпкими французскими духами приправленного.

Отгоняя наваждение (за вечер не первое), я подивился своему неуместному лирическому настроению. Наверное, я просто перегорел. Сколько можно находиться в состоянии пружины, взведённой до отказа? И то, такой бесконечный, перенасыщенный событиями день позади.

Не первый раз в жизни я побывал под огнём. Боевое крещение принято мною по должности старшего оперуполномоченного ОУР 10 марта 2000 года в деревне Соломинские Дворики на федеральной трассе Москва – Нижний Новгород – Уфа. Но тогда переделка случилась внезапно, длилась считанные минуты – не хватило времени испугаться. А сегодня я шёл в бой и стрелял по живым людям осознанно.

Возбуждение сказывалось, и потому сна – ни в одном глазу. Когда в розыске мы трое суток кряду работали по вооружённому нападению на ломбард, Тит приучил меня к медикаментозной поддержке. Глотаешь таблетку «циклодола», запиваешь бутылкой пива и часов на десять становишься как новый. Упругий, мобилизованный. Только курить надо поменьше, а то поджелудочная обидится.

Блин, а сейчас безо всяких каликов сильнодействующих уверенно фунциклирую.

Часовой обязан стойко охранять. Нет, наоборот, бдительно охранять и стойко оборонять свой пост. Так начиналась статья в УГ и КС об обязанностях часового. Нести службу бодро, ни на что не отвлекаться, не выпускать из рук оружия и никому не отдавать его, включая лиц, которым он подчинен. Не оставлять поста, пока не будет сменен или снят, даже если его жизни угрожает опасность... Потом. Нет, не помню дальше, кроме концовки. Услышав лай караульной собаки, ответить ей тем же. ха-ха-ха.

В учебке на дальнем посту «огневая позиция» прижилась свора здоровенных бродячих псов. Первое время мы шугались, когда они беззвучно выныривали из кромешной тьмы субтропической ночи. Окружали, ставили лапы на грудь, сипло дышали в лицо, вывалив языки. Потом мы оценили их незаменимость. Прикормленные курсантами предыдущих выпусков, они за хлебное угощение служили лучше всяких породистых сторожевых. В карауле девятом-десятом, перестав бояться сержантских страшилок про населявших станцию Отар выходцев из Китая – уйгуров, которые якобы по ночам режут часовых, как курят, я, заступив на пост и дождавшись ухода разводящего со сменой, немедленно укладывался на землю, животом на автомат и свистом подзывал собачек.

Они подбегали, и две сразу ложились по бокам. Тёплые, шерстяные. Часа полтора можно было давить на массу без опасения быть застигнутым кем-либо. Собаки вскидывались при приближении постороннего за полкилометра. На моей памяти никто ни разу не влетел. Только надо было успеть вычистить хэбэшку от прилипшей шерсти. Чтобы в караулке не получить пару крепких затрещин от помначкара или разводного, не забывших курсантской молодости.

Сейчас бы пару таких верных собачонок.

Прапорщик Кипарисов продолжал бессовестно клевать носом. Я решил заняться его воспитанием, не будучи при этом вполне уверенным в допустимости методов, заимствованных из сержантского прошлого.

Впрочем, я старался быть максимально деликатным.

– Ну-ка, прапорщик встаньте и поприседайте. Разочков двадцать, – сказал я твёрдо.

– А? – Кипарисов притворился, будто не расслышал.

– Дурака не включайте! – я наехал посильнее, давая понять, что не отстану. – Делайте что говорю. Спать на посту не позволю!

Прапорщик, к моему удовлетворению, послушался. Присел он, правда, вместо двадцати назначенных только семь раз. Ещё помахал руками, потянулся.

– Полегчало? – спросил я.

Ответа не последовало. Кипарисов оставался в вертикальном положении. Минут через пять он решил скоротать время за разговором. Причем, за крупным, с идеологической подкладкой.

– Господин штабс-капитан, – с протяжной гнусавинкой заговорил прапорщик, – вот вы человек, судя по всему, с богатым жизненным опытом, близкий к народу. Как, по-вашему, нравственно ли наше поведение по отношению к большинству русских людей, выбравших иной путь развития?

Э-э-э, куда ты загнул, мутный. Я – не Лев Гумилёв, чтобы на такие темы философствовать.

– А вы считаете, что этот путь, ну, путь большинства, ведёт Россию в нужном направлении? – ответил вопросом, выгадывая время на самоподготовку.

– Не знаю. Но ведь это новое. И потом, Господь велел уметь выслушивать чужие учения, не отвергать их слепо.

– Эва вы хватили, прапорщик! – я решил не размазывать кашу по тарелке. – Они из церквей конюшен понаделали, священников режут, а вы Господа на их сторону ставите!

– Вы лично видели? – в голосе Кипарисова просквозило недоверие.

– Что?

– То, о чем говорите. Конюшни в божьих храмах?

– Да уж, насмотрелся, будьте любезны, – я ответил быстро, резко и абсолютно честно.

В селе Новленском Юрьевецкого района, где наш доблестный ССО «Ермак» в семидесяти шестом году под ключ построил четыре финских домика, регулярно мы ныряли за всякой нужной в строительстве всячиной в склад, размещённый в бывшей церкви. На облупившемся сводчатом потолке, поперёк плохо различимой фигуры святого с поднятым перстом было глупо прокарябано матерное слово.

– Вот это смущает меня в них больше всего, – вздохнул прапорщик.

Тебе бы, поповичу, почитать книжечку «Красный террор в России» писателя Мельгунова, ты бы перестал смущаться. Там в чрезвычайно доступной форме, со ссылками на показания многочисленных очевидцев рассказывается о зверствах большевиков. Теме репрессий в отношении священнослужителей Мельгунов посвятил отдельную главу.

Но не издана пока такая книжица. Автор только материал для неё собирает.

– В семинарии обучались? – спросил я у примолкшего Кипарисова.

– Да, – кротко вздохнул прапорщик, – два курса Киевской духовной Академии преодолел.

Я похвалил себя за правильно построенную версию. Взводный обозвал Кипарисова поповичем. В разговоре прапорщик произносил божье имя с видимым трепетом. Бородка, опять же, прозрачно намекала на его принадлежность к жеребьячьему сословию. Но посвящённым в духовный сан он быть не мог. Ни в одной книге я не читал, нигде не слышал, чтобы священники служили в армии в офицерских чинах. Разве что расстриги. Но на воинствующего рас-

стригу вялый Кипарисов не походил. Остаётся что? Недоучившийся семинарист, призванный в военное время.

– В армии с какого года? – меня интересовала степень компетентности напарника в вопросах военного дела.

– С января семнадцатого.

– Киевскую школу прапорщиков оканчивали? – В таком большом городе как Киев, мать городов русских, просто обязана была существовать школа прапорщиков.

– Нет, Харьковскую.

Оп-па, да с тобой, тезка, надо быть поосторожней. По моей легенде, часть из которой обналичена, я вступил в отряд полковника Смирнова именно в Харькове. Выбор места объяснялся, во-первых, тем, что я бывал в этом городе. Ездил туда на курсы повышения квалификации Института генеральной прокуратуры тогда ещё СССР. О Харькове у меня остались реальные воспоминания. Постоянно многолюдная Сумская улица – аналог старого Арбата. Сохранившийся с начала века исторический центр. Ресторан «Старе Мкто». Продавщица Оля из секции спортивных товаров магазина «Динамо». Пивной ресторан «Оксамытный». Тёмное пиво в неподъемных глиняных литровых кружках. Этот город знаменателен ещё тем, что именно там я вкусил несравнимую радость сознательного похмелья.

Во-вторых, и в остальных, привязка к Харькову вписывалась в исторический контекст легенды.

– Фронта захватить успели? – я задавал вопросы небрежным тоном, демонстрируя намерение скоротать время и только.

Внутренне напрягаясь от возможности споткнуться на ровном месте.

– Да, – односложно ответил прапорщик.

Ну не хочешь, не рассказывай. В душу не полезу. У меня свои гонки.

Я окончательно определился, что за кадрового офицера мне выдавать себя глупо. Коли я – кадровый, то я тогда прожжённым бурбоном должен быть. Заскорузлым армеутом, капитаном Сливой из приснопамятной повести А. И. Куприна «Поединок». Но на такую роль я не гожусь – языков не знаю!

Может быть, я – выпускник четырёхмесячной школы прапорщиков? Дослужившийся за три военных года до штабс-капитана? Теоретически и практически сие вполне возможно. Вон Туркул Антон Васильевич, будущий командир Дроздовской дивизии, тоже германскую войну прапором начинал, а завершил в штабс-капитанском чине. Но тогда у меня объясняемый боевой путь должен быть. Сражения, ранения, награды. Друзья-однополчане. И в увязке со всем этим – конкретные города, даты, воспоминания.

Не буду я из себя героя изображать, заплутаюсь. Нет, окопной жижи я хлебнул в начале войны. На австрийском фронте, то бишь, на Юго-Западном. Командиром стрелковой полуроты номерного полка. Был серьёзно ранен в штыковом бою под Перемышлем. Соответствующая отметина на боку имеется! Чёрт, не помню, в какое время под Перемышлем шли бои! Место ранения, тем более такого тяжелого, должно быть с предметной привязкой. Это запоминается навсегда.

Остановлюсь пока на Перемышле как на рабочем варианте. Потом, на многие месяцы – госпиталь. Тут можно любой город подобрать без опаски проколоться на деталях.

– Какие кабаки да бордели, господа? Три месяца (четыре, пять!) кверху пузом на больничной койке. На кровати весь в бинтах!³⁷

Затем будет запасной полк. Причем реальный двести семнадцатый пехотный, квартировавший в нашем уездном городишке. Как следовало из мемориальной доски на Доме пионеров, солдаты этого достославного полка в июне 1917 года категорически отказались участвовать

³⁷ Фрагмент цитаты «Песни о госпитале» В. С. Высоцкого.

в летнем наступлении. Осознав аморальность братоубийственной войны подле стен будущего очага детской культуры.

Награды? Правдоподобным будет выглядеть наличие Анны четвёртой степени, так называемой «клюквы», носимой на темляке шапки. И святого Станислава третьей степени. Соответствует Табели о наградах и в то же время достойно. У фронтовика, пролившего кровь за веру, царя и Отечество, ордена иметься обязаны.

Так. Та-ак. Но из какого динозаврового яйца я вылупился? Левого или правого? Целый штабс-капитан! Дядя изрядного возраста.

И вообще надо конкретно определиться кто я по жизни? Вот проблема так проблема. Глобальная! Понятное дело – не дворянин. Даже и пробовать не стану в калашном ряду хрюкать. Тест на интеллигентность применительно к требованиям начала двадцатого века мне не пройти. Несмотря на наличие диплома о высшем образовании. И не какого-нибудь вечернего или заочного. Самого что ни на есть дневного! Полученного, кстати, в Ивановском государственном Университете имени первого в России Совета рабочих и крестьянских депутатов. Что, прямо скажем, не вполне типично для офицера денкинской армии.

Не купец я и не промышленник. Скорее, служащий какой-нибудь, ма-аленький чиновник. По какой вот только части? По родной юридической? По той самой, что Жеглов Шарапова экзаменовал: «Знаешь, Володя, как наша профессия называется?». И не дожидаясь ответа, рыкнул многозначительно: «Пр-р-равоведение!». Но при проклятом царизме законы совсем другие действовали. Не УК РФ, а Уголовное уложение, которое, небось, под тысячу статей, абсолютно мне незнакомых, насчитывало. А ещё те, кто по юридической линии трудился, людьми были, как я понимаю, состоятельными, заметными в обществе. Разные там судебные следователи, товарищи прокурора³⁸, присяжные поверенные.

О системе юриспруденции дореволюционной России я имею смутное представление, хотя и сдал в своё время на хорошую отметку историю государства и права.

Тогда, может быть, учитель? Какой-нибудь скучной науки, слышав о которой, никто не захочет развивать тему. Типа черчения или тригонометрии? Наклонности к этим предметам у меня в школе имелись, вдобавок по характеру своему я не по-русски аккуратен. Когда не в запое, конечно.

Как рабочий вариант оставляю учителя. Но не в гимназии и не в реальном училище преподававшего! Тамошние учителя статские чины имели, а я из «Табели о рангах» только титулярного советника да коллежского асессора помню. И то, кто из них главнее, не знаю. Внимание! Я – преподаватель ремесленного училища. Уездный город, провинция. Скука и серость. А ещё лучше, народный учитель земской школы. Село, глухомань.

А на войну я, получается, был призван из запаса. В каком чине? Ну поручиком, наверное. Будет неестественно, что за три года Мировой при огромной убыли офицеров я не подрос ни на одну звёздочку. Боевой-то офицер. Кавалер двух орденов! Тогда правдоподобным может показаться, что чин прапорщика я получил после срочной службы, которую как лицо, имеющее образовательный ценз, проходил вольноопределяющимся.

Кстати, образование у меня какое? Думаю – под высшее косить не стоит. Университеты и институты имелись только в больших городах, а я в таких подолгу не жил и не знаю их. Остановлюсь на гимназическом. Кстати, моя родная средняя школа № 1 с преподаванием ряда предметов на иностранном языке до революции как раз имела статус классической мужской гимназии. Так что суровый дух альма-матер представить могу. Монументальное серого кирпича здание, бесконечные гулкие коридоры, полы, выложенные метлахской плиткой, четырёхметровые потолки, высоченные и тяжёлые двери.

– Я учил урок, господин учитель, ей-богу учил.

³⁸ Товарищ прокурора – в дореволюционной России помощник (заместитель) прокурора.

– Садитесь, Маштаков, единица!

«Тюрьмой народов» с любовью называли мы родную школу.

Сколько классов было в гимназии? Семь или восемь? Меньше десятилетки, это точно. Но выпускались оттуда взрослыми, совершеннолетними по нашим меркам. Тёма, главный герой романа Гарина-Михайловского «Гимназисты», в последнем классе гимназии горничную огулял. Что, согласен, показатель лишь половозрелости, не возраста.

После гимназии я год проучился в политехникуме. В московском, столичном. На факультете гидравлических машин. Всяко разное, в Москве должен быть хоть один политехни. А-а-а, родной. В каком-то таком московском-столичном? Город Санкт-Петербург был столицей Российской империи со времён Петра Великого! Это вождь мирового пролетариата в девятьсот восемнадцатом году вернул столицу в златоглавую, подальше от внешних границ убрал.

Вот так и прокальваются на очевидном. Зря я всю эту поганку мучу. Зря! Профанический подход никогда не давал результатов. Ничего не получается на халяву. У меня, по крайней мере.

Но что тогда остаётся делать? Руки в гору и ждать, пока не сволокнут на живодерню?! Ведь понял достоверно, что попал, что нельзя зажмуриться, а потом разжмуриться в родном своём две тысячи первом году. На диване перед телевизором «Филипс» китайской сборки.

Мобилизуйся. Время есть, никто не мешает спокойно раскинуть рамсы. Мужик ты, Мишка, неглупый. Гм, комплимент.

На посторонний фыркающий звук я среагировал моментально. Не все рефлексы ещё пропиты! Рывком повернулся, вскинул винтовку и передёрнул затвор.

– Стой, кто идет?! – выкрикнул толстым голосом.

Кипарисов тоже встрепенулся. Вскакивая, он крепко толкнул меня в бок. Я покачнулся, но не упал.

Впереди явственно всхрапнул конь и тонко звякнул металл.

– Офицер, – откликнулись из темноты.

В голосе слышался насмешливый вызов. Меня тряс озноб. Колотило всего, вместе с винтовкой, штыком нацеленной в ночь. Указательный палец вспотел на спусковом крючке. От предохранителя я уже освободился.

– Стой, стрелять буду! – Я балансировал на самом краю паники.

– Коломна!

Голова у меня бежала вкруговую. Какая Коломна? Зачем?! И за самый хвостик успел я схватить самообладание. Гадство! Это же пароль, слово секретное!

– Р-ри-га! – непослушными губами вытолкал я отзыв.

– Что, трухнули немного? – голос невидимого собеседника не покидала насмешка.

Зафыркали лошади, ступая тяжело и глухо. Всадники шагом подъезжали к нам. Становились осязаемыми их таинственные великанские контуры. Пахнуло конским потом, кожаным снаряжением.

Кавалерист нагнулся ко мне, тщась разглядеть лицо.

– Впрочем, извините, я не прав, господин э-э-э.

– Штабс-капитан, – подсказал я, немного успокоившись.

– Еще раз приношу извинения, думал, вы предупреждены.

Я опустил штык, понимая, что у конных имелось предостаточно времени, чтобы при желании порубить нас в капусту.

– Нам говорили насчёт разведки, но есть же устав, – я ворчал, но с приязнью. – А ну, пальнул бы я с перепугу! Как там впереди, господа? Где враг?

– В пяти верстах. В Чёрной Гати и вокруг нее. Судя по кострам, там большая часть бригады. Мне кажется, мы с вами знакомы.

– Может быть. – Я все ещё ожидал подвоха.

- Подпоручик Баранушкин.
- А-а-а, – протянул я, делая вид, что узнал разведчика.
- Ладно, господа, нам пора. Счастливо оставаться!

Я услышал, как подпоручик каблуками ударил в брюхо коня, тугое, барабанное. Как ёкнул в брюхе внутренний орган. Селезёнка?

Через минуту вокруг снова была абсолютная тишина. Разведка ушла на воровской хутор Ворманки. Я присел на корточки, зажался, умоляя внезапную резь внизу живота отпустить. Как будто это меня саданул крепкими каблуками разведчик Баранушкин.

У плохого солдата перед боем всегда понос? Но бой позади. Следующий – только утром.

Когда мне полегчало, массируя рукой бок, я спросил у безмолвного Кипарисова:

- Прапорщик, у вас патрон дослан?
- Н-нет, – ответил напарник, подблеивая.
- Чмо вы болотное! – похвалил его я.

И, махнув рукой на ходячее недоразумение, я озадачился загадкой, откуда меня знает подпоручик Баранушкин. Всё время жутко бесит, когда вижу лицо, слышу фамилию, а вспомнить, где и при каких обстоятельствах встречался с человеком, не получается. Я чесаться от этого начинаю.

4

Когда меня бесцеремонно растолкали после двух часов сна, пролетевших одним холостым мановеньем, я едва не разревелся от отчаянья. После того как понял, где нахожусь.

Я сидел на полу, на соломенной подстилке, весь в соломе, как шелудивый пёс. Раздражая молодой бодростью, чрезмерно громким разговором и неуместным смехом по хате сновали офицеры, на одной ноге подхватившиеся по команде «подъем».

В мухаму засиженное оконце, скроенное из осколков стекла, пробивалось солнечное утро. Горласто проорал петух, дублируя пять минут назад открывавшего дневального.

Я понимал, что не отдохнул, что для полного восстановления сил нуждаюсь часах в десяти сна. И не в одежде и в сапогах, с вещмешком под головой, а как полагается – в койке, на простыне и подушке. Желательно, помывшись перед сном. Еще лучше— пропустив сто пятьдесят гвардейских.

В правом виске, доставая до глаза, засела раскаленная игла. И, гадство, болит и болит башка. напроць раскалывается. Я ведь не молоденький юноша, чтобы покемарить децл и снова бежать вприпрыжку. Прошли те времена давным-давно.

Но и послать всех к черту, перевернуться на другой бок и захрапеть невозможно. Не поймут меня. Да и не дадут. Есть такое суровое слово – надо. Алягер, ком алягер!³⁹

Я кое-как встал и, держась рукой за поясницу, поковылял на улицу. Злой на весь мир.

Во дворе офицеры умывались из двух ведер – металлического и брезентового. По пояс голый буйвол Риммер стоял, нагнувшись. Наплехович сливал ему на шею и на широкую, бугрившуюся мышцами спину.

– А-а! Ах! – громко вскрикивал Риммер и требовал: – Да не жалеете вы воды, скряга!

Расточительность любителя водных процедур закономерно привела к тому, что мне воды не хватило.

– Ух, хорошо! – мокрый и блестящий Риммер упруго выпрямился. Не разделяя его оптимизма, я заглянул в ведро, увидел в нём дно и

двинул к колодцу с журавлем.

Выстояв там очередь, вернулся во двор. Поливал мне Цыганский. Он был по-вчерашнему энергичен. Не зря рекламу про качество батареек «Энерджайзер» по всем каналам крутят.

– Осторожней, поручик! – бурчал я. – За шиворот лить необязательно.

³⁹ На войне, как на войне (франц.)

Я не стал снимать куртку, только расстегнул ворот и загнул его внутрь да рукава по локти закатал. Ледяная колодезная вода взбудрила. Зачесав назад мокрые волосы гребешком, одолженным у подпоручика, я за неимением полотенца обернулся к солнцу. Но на это, с учётом невысокой утренней температуры светила, требовалось изрядно времени. Пришлось промокать лицо рукавом.

Во двор с двумя дымящимися котелками в руках зашёл Кипарисов. С совершенно очумелым видом и куриным пером в спутанной бородке. Очевидно, прямо с подъема его отрядили заготовщиком на кухню.

Значит, организованное обеспечение здесь существует. Не всегда – на подножном корму!

Я полез в карман за умыкнутой вчера ложкой. На завтрак нам подали банальную перловку, именовавшуюся у нас в Советской армии «шрапнелью» или «кирзой». Наименее уважаемую в небогатом солдатском рационе.

По утрам у меня плохой аппетит. А тут ещё крутая, маслом намазаная «кирзовая» каша! Но ложек десять я в себя силком пропихнул. Когда ещё покормят горячим! Зато от крынки с молоком, которую отыскал в погребе подпоручик Цыганский, оторвался с трудом.

Завтракали суетно, торопились. Потому что на улице начали противно вопить:

– Строиться, второй взвод! Отделение, строиться! Живее, господа! Штабс-капитан Белов появился во дворе раньше своего зычного крика:

– Первый взвод, выходи на построение!

Белов в укор остальным был выбрит и даже благоухал одеколоном. В голенища его сапог можно было смотреться, как в зеркало, до головокружения.

Под свирепыми взглядами взводного мы перемещались исключительно бегом. Громыкали грязными сапожищами. Брякали котелками с остатками перловки, толкались.

Рота выстраивалась в направлении околицы, зыбко шевелилась. Не затвердев, не обрета монолита, тронулась в путь.

– Р-раз, раз! Раз, ва, три! – упруго шагавший сбоку взвода штабс-капитан Белов дал счет. – Взяли ножку! Раз!

На плетне висели пацаны. Глазастые, стриженные под ноль и наоборот, косматые, взъерошенные, как воробьи. Загорелые, белозубые, щербатые. Им было интересно, войны в этих краях не видывали.

Местный дурачок – в старомодном мундире с наваченной грудью, с эполетами, с огромными крестами, вырезанными из жести, задрал бороденку, истово вытянулся во фронт, приставил два пальца к сломанному козырьку фуражки. Принимал парад с отчаянно распахнутой мотней.

– Равнение налево! – лукавый дернул меня за язык, к счастью, негромко.

Тут же выяснилось, что Белов, помимо прочих достоинств, обладал и отменным слухом:

– Капитан Маштаков, отставить балаган!

Я потупился, а вокруг офицеры: Наплевович, Цыганский и один смазливый, похожий на певца Андриюшу Губина, наперебой запрыскали.

Команда «бегом марш» моментально отбила охоту хахалиться. Рота сбилась с ноги, затопала вразнобой и стала растягиваться. Несмотря на все старания, я скоро оказался в хвосте. За ночь мои физические возможности не претерпели изменений в лучшую сторону. Куда мы так вваливаем?!⁴⁰

С правой стороны с каждой минутой ошутимей приближались звуки невидимого пока боя – ухающие глухие разрывы, картавая трескотня пулемётов.

⁴⁰ Цитата из кинофильма «Мама, не горюй».

Перед перелеском рота перешла на шаг, одновременно разворачиваясь в цепь. Я догнал своих и, переведя дыхание, на ходу примкнул штык, уже не боясь опозориться неумением.

В дубраве мешала шагать высокая трава. Брюки быстро промокли от обильной росы. Прямо из-под ног порскнула стремительная серая птица, неожиданным появлением заставившая вздрогнуть.

Через сотню метров началось поле. Сжатое хлебобобами, оставившими после себя десятки соломенных скирд. За полем была деревня. Нет, судя по отливавшей медью маковке церкви – село. Бой шел правее и позади него.

Если это та самая Чёрная Гать, куда ночью ходила разведка во главе со знакомым мне незнакомцем Баранушкиным, то здесь должна таиться большая часть красной бригады, с которой мы вознамерились потягаться силами.

Из лесополосы пока не высовываемся. Штабс-капитан Белов, оставив за себя седого сумрачного капитана, гигантскими шагами куда-то удалился. Очевидно, за ценными указаниями к интеллектуалу полковнику Никулину.

Три офицера, которых я раньше не видел, в непосредственной близости от меня спорозанялись интересным и непонятным действием.

Крепкий бритый наголо подпоручик вывалил из «сидора» в траву груды железок, «пэ»-образных скоб с острыми концами. И по одной при помощи молотка начал их вколачивать в ствол мощной, в два обхвата ветлы. Каждую выше предыдущей, образуя лесенку. Скобы входили в сырую древесину с сочным причмокиванием. Через минуту второй подпоручик – гибкий, в короткой кожанке – ловко, как обезьяна вскарабкался по этим скобам на развилку дерева, оказавшись в двух метрах выше уровня земли. На плече у верхолаза висел моток толстой веревки. Снизу ему подали скоб, сколько он смог ухватить, и молоток.

Удары и смачное чмокание продолжились. Скоро подпоручик в кожанке скрылся в кроне дерева. Затем оттуда раздался свист и, раскачиваясь, упал конец веревки с привязанным массивным крюком.

Бритый офицер и ещё третий, до крайности худой, с нездоровым жёлтым лицом, прицепили к крюку дощатый щит размерами полтора на полтора метра. С жёлтым лицом дернул за веревку, и она с натугой пошла вверх. Офицеры помогали верхолазу, стропалили, поднимая щит на руках. Он цеплялся за ветки, обрывал листья.

Я понял, что затевается, когда бритый наголо с худым прикатили к дереву станковый пулемет без щитка и принесли две коробки с патронными лентами.

– Толково! – сказал я Наплевовичу.

– А? Что вы сказали? – Поручик не расслышал; мысли его, по всему, были в другом месте.

Я посчитал нужным не повторяться. И то, фронтовой офицер, навидавшийся на германской всякого-разного, дивится заурядному обустройству пулеметной позиции.

Большинство офицеров, разумно распоряжаясь короткой передышкой, упало в траву. Конечно, курили.

Седой капитан, поймав мой жадный взгляд, раскрыл портсигар:

– Утощайтесь!

Когда я вытаскивал из-под резинки толстую папиросу, капитан сказал:

– Давайте знакомиться. Фетисов Геннадий Палыч.

Я быстро сунул выцепленную папироску в рот и подал ему руку:

– Штабс-капитан Маштаков Михаил Николаевич.

Рукопожатие у капитана было шершавым и достойным. Он и сам держался подобающе – очень прямой, скупой в жестах и мимике, собранный. От буравящего взгляда его маленьких светлых глаз у меня мураши промеж лопаток поползли. Такого волчину на мякине не проведешь. С таким надо разговорную речь фильтровать особенно тщательно.

Капитан подождал, когда я как следует прикурю. Потом спросил с непонятной интонацией:

– Ну, как вам у нас в полку?

Я озадачился не на шутку. У нас? Наплевович говорил, что во взводе сплошь новички из недавно мобилизованных или пленных.

– Нормально, – отделался я универсально-нейтральным словом и не удержался от любопытства: – А вы давно в полку служите, господин капитан?

Фетисов сильно затянулся и уронил окурок в траву. Выпуская изо рта и носа дыма дым, сморщился то ли от табачной горечи, то ли от моего вопроса, на который приходится отвечать:

– С января восемнадцатого.

И кивнул мне за плечо:

– Докуривайте, Михал Николаич. Взводный возвращается. Сейчас двинем.

– В цепь, в цепь, первый взвод! – на ходу покрикивал Белов, щелкая по надраенному голенищу стеклом.

Офицеры поднимались, отряхивались. Подпоручик Цыганский перекатывал в чистых зубах длинный жёсткий стебелек, отрешенно улыбался.

У меня внутри, в сердцевине было пусто и совсем равнодушно. «Где я есть и где я должен быть?».

Штабс-капитан Белов вышагивал впереди цепи:

– Без задержек, господа! Один мощный рывок и мы в селе! Первый батальон час их долбит. Слышите?! Бегом, без выстрела! Пулемётчики нас прикроют!

Я смотрел на капитана Фетисова. Он стоял, опершись на ствол винтовки. Когда взводный сказал про один мощный рывок, Фетисов еле заметно ухмыльнулся. Впалая щека его дернулась, как от тика.

До села по прямой через поле было с километр, не меньше. Я понял смысл ухмылки Фетисова и зябко поежился.

И мы рванули. С высокого старта, рьяно. Коротко сбритая стерня упруго пружинила, помогала. Впереди мелькали начищенные хромачи Белова. Сейчас он был с винтовкой. Сбоку, сзади осталась грузная скирда соломы, ярко-желтой. Наплевович, огибая ее, задел меня плечом.

Нанизанные на извилистую ниточку полунастоящие дома приближались трудными рывками. Но ме-едленно!

Задыхаясь, я неуклонно отставал. Хватал воздух сухой глоткой, напрочь позабыв про грамотное – носом – дыхание. Натруженные вчера ноги казались ходулями – корявыми, тяжелыми.

Нас заметили примерно на середине дистанции. Откуда-то сверху обрушился дергающийся дробный грохот, по земле, сопровождаемые резким присвистом, заплясали стремительные фонтанчики.

Я увидел как впереди меня повалились многие. Кто-то закричал невыносимо пронзительно. Другой заорал в Бога и в душу. Строй смешался в хрипящую кашу. Я ошалел совершенно. Низко пригнувшись, ботая прикладом по земле, растягиваясь едва не в шпагате, кинулся вбок, к ближней скирде.

А над головой мела железная метла с другой стороны, с нашей. Пулеметчик – с вековой ветлы на опушке.

Грузным кулем я рухнул под скирду. Лицом в колючую солому, рискуя остаться без глаз. Сверху на меня упал ещё человек – тяжелый и запыхавшийся. Правда, он сразу отполз. Я перевернулся и сел на задницу, спиной к скирде. Это был капитан Фетисов – с белыми, яростными глазами.

– На арапа захотели! – Он держал себя за левое предплечье, из-под пальцев его сочилась кровь. – Сметем совдепы, мать их ети!

– Вы ранены? Перевязать? – Я не узнавал своего голоса.

Глупые вопросы. Раз только что стреляли, и у человека кровь, значит, его ранили, а не на сучок он напоролся. И чем я, собственно, собрался перевязывать капитана?

– Цара-апина, – Фетисов, морщась, расстегнул рукав гимнастерки и осторожно стал его закатывать.

К нашему схрону подползал шустрый молоденький офицер, поразительно похожий на попсового певца Губина. Винтовку он волочил за погонный ремень.

– Господа! Господа, пустите! – издали умоляюще запричитал прапор.

Несмотря на неподходящую обстановку я нервозно хохотнул:

– Вы что, любезный, краёв не видите? Тут весь взвод разместится!

Прапорщик, проворно виляя острой задницей, заполз к нам за спины и там притаился.

Фетисов рассматривал свою руку. Ниже локтя пузырилась тёмной венозной кровью поперечная полоска раны. Сантиметров в пять длиной, будто ударом хлыста вырванная. На лбу капитана густо блестел пот, он подкусил нижнюю губу.

– Вот с-сволочь, – сказал с присвистом, – с-сосуд задела. Кость целая, а с-сосуд задет! Одиннадцатый раз меня дырявят, Михал Николаич. Вот ведь незадача!

– Надо перетянуть жгутом выше раны! – сказал я, чтобы сказать.

Догадываясь, что выгляжу в глазах старого солдата идиотом.

– Угу, – кивнул тем не менее Фетисов и, переморщившись, поочередно скинул с плеч лямки вещевого мешка. – А ну-ка, фендрик, тут сверху ремешок поясной и бинт. Достань.

Я догадался, что Фетисов обратился к прапорщику, а не ко мне. Потому как фендрик на тогдашнем армейском сленге – это младший офицер в роте. Я по купринскому «Поединку» помню.

Меня Фетисов тоже крупно озадачил:

– Капитан, а вы гляньте, что там происходит. Пока нас как кутят за шкуру не взяли.

Страшно боясь быть уличенным в трусости, я без промедления на корточках подполз к краю скирды и с замиранием сердца высунулся наружу. Под непрекращающимся многоголовым пулеметным брехом.

Одним глазом за те считанные секунды, на которые я выглянул из убежища, я успел разглядеть немного. И ничего обнадеживающего.

Впереди нас тяжело дымила трудно разгоравшейся сырой соломой скирда. Дым наполовину косо занавешивал село. Всё поле (так мне показалось) было усеяно трупами. Десятками! Сотнями!

Я обрисовал в паре фраз увиденное Фетисову. Стараясь быть сдержаннее. С трудом избегая восклицательных знаков.

Капитан сосредоточенно накладывал себе на руку повязку. Зубами надорвал край бинта, с треском оторвал кусок. В усах у него остался крученный обрывок белой нитки.

– Завяжите узелок, прапорщик, – попросил он молодого, а мне сказал: – Херовские дела, Михал Николаич! Покамест пулемет с колокольни не собьют, ходу нам вперед нет.

– Огонь просто кинжальный! – Я не удержался от перевозбуждения, распиравшего мою телесную оболочку.

И для чего-то плюнул. Плевков остался на подбородке, пришлось неэстетично стирать его грязным рукавом.

Понимая, что суетность моя на виду, комплексуя от этого невероятно, я снова уполз на наблюдательный пункт. Заставил себя наблюдать за обстановкой осмысленно. Обзор был почти девяносто градусов.

Оказалось, что отнюдь не все десятки или сотни человеческих тел, коими изобилует ландшафт, были трупами. То здесь, то там тела начинали шевелиться, быстро приподнимались, пробегали небольшие расстояния и снова падали на землю. Настоящие мёртвые такого не делали. Их выдавали неестественные, неудобные позы. Они валялись тычком.

Чаще других вставал большой, толстый человек. Он топтался на одном месте, как пританцовывал, и крутил над головой рукой с предметом, похожим на револьвер. Таковым, наверняка, и являвшимся.

Занялась огнем ещё одна скирда и от нее ещё одна слоёная полоса дыма потянулась по диагонали к селу. А ведь специально жгут солому, чтобы под завесой ворваться!

Чуткое ухо Фетисова моментально уловило изменения в какофонии перестрелки.

– Ага! – оживился он. – Заткнулся красный на колокольне!

И мне понятно стало, что хватит за скирдой отсиживаться, надо догонять бой. Причем немедленно, нечего затягивать, хвост по кусочкам рубить.

– Геннадий Павлович, – я поглядел на капитана, – мы с прапорщиком побежим в цепь, а вы уж тут как-нибудь.

Слабенькая надежда на то, что Фетисов скажет – одному ему не дойти, сознание он может потерять, провожатый ему необходим – у меня в башке еще вертелась.

Но капитан лишь односложно буркнул:

– Угу.

Подхватив винтовки, мы с прапорщиком дунули вперед. Оказалось, есть ещё замешкавшиеся. Десятка полтора нас набралось. Я бежал враскоряку. Мышцы ног, накануне натрудившиеся сверх меры, отдавали при каждом шаге тугой болью. Дым ел глаза, слезы вышибал. Пули свистали отрывисто и всякий раз неожиданно, понуждая жмуриться и вздрагивать. Два или три раза я едва успел перепрыгнуть через трупы.

Время остановилось конкретно. Меня охватило безразличие.

Но когда мы выскочили на чистое место, я увидел, что до ближайших огородов, до окупченных длинных картофельных бороздок подать рукой. Полсотни метров!

Между хат и сараев мелькали горбатые от вещевых мешков спины офицеров.

По хрусткой чёрной ботве, оступаясь в рыхлые межи с трудом переставляя ноги, достиг я неказистой баньки, у которой отставших подстерегал штабс-капитан Белов.

Ожидая нагоняя, я издали начал оправдываться, при этом очертя голову завирал:

– Ка. капитан Ф-фетисов ранен! Пе. перевязал его. пока.

Белов не слушал моего лепета. Вытирая фуражкой пот со лба, возбужденный, многозубо оскалившийся, он хрипло прорычал:

– Впер-р-рэд!

И я побежал по вихлястой тропке между грядок. Успев нелепо поразиться мощи вымахавшего по пояс лука. Уставив перед собой граненое жало штыка.

Во дворе наткнулся на своих. Офицеры жались к белой стене хаты, вяло матерились. Прапорщик Риммер, встав на одно колено и высунув ствол винтовки за угол, посылал туда пулю за пулей. Как в крутом вестерне про Дикий запад, не тратя время на прицеливание. Расстреляв обойму, не оборачиваясь, подал винтовку назад. Её принял Цыганский, он же в требовательно лапавшую воздух пятерню прапорщика вложил свою трёхлинейку. Риммер вскинул приклад к плечу и снова начал шмалять. Перерыва в процессе почти не было. Цыганский в это время ладонью вколотил в магазин риммерского винта обойму и дослал патрон в патронник. Один за другим пять хлестких, как удары кнутом, выстрелов, и офицеры снова поменялись оружием.

– Па-ачему встали?! – сзади коршуном налетел Белов.

Ему ответил Наплевочич:

– Улица насквозь простреливается, господин капитан.

И в подтверждении слов поручика две пули одновременно с утробным чмоканьем ударили в угол хаты над головой Риммера. Обсыпав его сухой глиной и побелкой.

– Ат, с-суки! – Прапорщик запоздало отпрянул, толкая прижавшегося к нему Цыганского, а тот – остальных.

Белов трудно слотнул слюну, в тесном вороте гимнастерки у него шевельнулся кадык. Штабс-капитан пальцем вытолкнул из проранки крючок ворота, повел шеей.

– За мной!

Пригнувшись, он перехватил винтовку наперевес и сорвался с места гигантскими кенгуринными прыжками. Испугавшись, что и сейчас отстану, позорно окажусь последним, я ринулся за ним.

Из kloкочущей груди моей вывалился сиплый рык:

– Р-ра-а-а!

Впереди мелькали чёрная гимнастерка взводного, перекрещенная боевыми ремнями, хлопающий клапан кобуры на его боку. Инстинкт самосохранения – глубинный, первобытный – заставлял повторять зигзаги незаурядных прыжков штабс-капитана.

Внезапно и непонятно Белов выпал в сторону, и близко от себя я увидел пятившихся в проулок людей. Поразили их вытянутые лица и огромные глаза без зрачков.

Один из них – в белесой свиной щетине, курносый, оказавшийся точно напротив меня, проворно вскинул приклад к плечу. В прыгнувшем кверху чёрном стволе короткой винтовки мелькнуло моё ближайшее будущее.

Полупарализованный ужасом, я нажал на спусковой крючок, жажнув от бедра, как Рэмбо или Арнольд. Трехлинейка строптиво дернулась. У целившегося белая острая щепка вылетела из приклада, мгновенно, впрочем, сделавшаяся неправдоподобно красной. Из крутой скулы страшно брызнули кости. Он ещё запрокидывался на спину, изумленный, а я уже наскочил вплотную и, чтобы освободить дорогу, резко вынес из-под локтя приклад, саданул его в грудь, точняком в маленькую медную пуговку.

Периферическим зрением я видел, как Белов ножницами сиганул через плетень и там ударил штыком в бок молодого мужика в суконной куртке с геометрическим знаком на рукаве, при бинокле и сабле.

Двое или трое других, бросив оружие, задрали руки в гору. Я разглядел, что руки – рабоче-крестьянские, в мозолях.

Вокруг них началась кутерьма. Прапорщик Риммер, полыхавший пятнами румянца, весь на шарнирах, подскочив, замахнулся штыком.

– С-суки! В-выбл*дки! – не решаясь ударить, накручивал себя бранью.

Цыганский цапнул Риммера за приклад:

– Это пленные, Андрей! Не имеешь права! Пленные!

– А-атпусти винтовку, – зло произнес прапорщик, в развороте увлекая за собой прицепившегося Цыганского.

– Ну хватит, господа! – Через плетень лез штабс-капитан Белов.

На руке его висела полевая сумка, бинокль в чехле и ремень с кобурой.

– Капитан Маштаков, – оказывается, он направлялся ко мне, – получите гостинец!

И широким жестом протянул портупею. Не замечая протянутой руки взводного, я тупо уставился на качнувшийся над его левым погоном штык, от кончика до шейки измаранный густо-бордовой сопливой жижей.

– Очнитесь! – штабс-капитан повысил голос.

Я вздрогнул, закивал головой и принял из твёрдой руки командира тяжёлую сбрую, попав пальцами в липкое. Мгновенно подкатило к горлу. Отвернуться было не суждено. Неперева-рившаяся перловка, зернистая и едкая, выплеснулась мне под ноги, на сапоги.

Наклонившись, я натужно перхал, развесив длинные, вязкие слюни. Уверенный в том, что все смотрят только на меня. Презрительно сощурившись, кривясь с издевкой. Чистоплюй. Ба-ба!

Пять минут назад я убил человека. Белобрысого незнакомого мне русского парня, крутостью skulls похожего на молодого Шукшина.

Который чудом не успел мне в лобешник пулю всадить!

Я разогнулся, заставляя себя не прятать глаза и сказать развязно, цыкая дырявым зубом:

– Рвотный рефлекс в норме!

Как оказалось, остальным никакого дела до меня не было. Белов пересчитывал личный состав, тыкая в каждого указательным пальцем.

– Шестна-адцать! Меньше половины взвода! Стадо, стадо!

Он перемещался боком, приставными шагами. Словно баскетболист под корзиной.

– Климов! Прапорщик Климов, ко мне! Пулемёт в порядке?

Сильно прыщеватый, с лицом разноцветным (преимущественно фиолетовым), прапорщик ответил басом:

– Так точно.

И подкинул повыше пристроенную на плече похожую на самоварную трубу «льюиса» – скорострельного ручного пулемета, британца. Из такого товарищ Сухов поливал по басмачам в «Белом солнце».

– Никого не ждём. Двинули, господа! Курок! Предохранитель! – нападающий Белов, на голову выше остальных, снова технично обошел всех.

Я успел поверх своего опоясаться дареным ремнем и застегнуться. Оказалось туго, больно, но пересупониваться времени не было.

Мы шли к центру села, к церкви. Там шибко воевали. Вывалившись на улицу, развернулись в короткую зыбку цепь.

– Вперёд, господа!

В следующий момент меня в очередной раз чуть кондратий не хватил.

Навстречу нам со стороны церковной площади валом валила невероятно густая толпа. Ощетинившаяся сизыми штыками. Орущая сотней лужёных плоток. Вразной топочущая пудовыми сапожищами.

Все! Армагеддец! Раздавят! Ма-ма!

Коленки у меня подогнулись, и противно сжалась мошонка.

– Взво-о-од! За-а-алпом! – поднимаясь на носках, захрипел Белов.

Я, ориентируясь на соседа – прапорщика Риммера – вскинул винтовку, прищемил щеку прикладом. Ствол скакал в треморе. Какой тут на хрен прицел, какая мушка! Страшная толпа заслонила белый свет.

– Пли!

Я зажмурился отчаянно и дернул спуск. Полтора десятка трехлинеек, перебивая друг друга, саданули хлестко, почти враз. И басовито зачечекал «льюис» прапорщика Климова.

Я открыл глаза, решив, что всё равно кранты. Повторяя за Риммером, автоматически отработал затвором, освободил патронник от стреляной гильзы, которая вылетела, блескуче кувыркаясь. Загнал новый патрон.

– Взво-од! – снова закричал Белов.

Толпа, смешавшаяся, поднявшая бурю пыли, озверело матерящаяся, продолжала ломить по инерции разогнавшегося парового катка.

Единой отчаянной очередью опрастав сорокасемизарядный дисковый магазин, осёкся на полуслове Климов. Осталось шагов тридцать!

– Пли! – дал отмашку взводный.

Залп получился жидким, несерьезным. Я понял, что перезарядить винтовку не успеваю. Набрал зачем-то в легкие до отказа воздуха. Амба!

– Сдаются! – выкрикнули у нас.

Не веря в произнесенное и в происходящее.

– А-а-а, суки! Не нравится!

Красноармейцы и впрямь бросали на землю винтовки, ремни с подсумками, патронташи. Зло кричали на замешкавшихся. Целый лес из заданных рук в момент вырос. Сколько их тут? Всяко больше сотни!

– Меж двух огней попали, – просёк ситуацию Белов, – полковник их от площади гнал.

А тут – мы.

Он разглядел в толпе кого-то и махнул Риммеру:

– Ну-ка, прапорщик, тащите сюда вон того гуся. Во-он в коже.

Риммер по ледокольному мощно врубился в толпу. Перед ним спешили расступиться, но он всё равно направо и налево пихался прикладом. Добравшись до цели, прапорщик схватил за шиворот человека в очках, в кожаном обмундировании, с жёлтой колодкой маузера на боку. Так за шиворот, часто надавая коленом под зад, приволок его к взводному и сообщил радостно:

– Комиссарчик, господин штабс-капитан!

– И к тому же жид! – Белов бросил в угол рта папиросу, прикусил мундштук.

– Я русский! Ру-усский, – истоиво стучал себя в грудь в кожанке, – Рязанской губернии.

Православный!

Я поднёс Белову огня. Он прикурил и, не отводя глаз с трепещущего кожаного человека, коротко кивнул: «Благодарю».

– Какой ты православный с таким шнобелем? – иронично спросил штабс-капитан. – С таким в православные не записывают. Факт.

Тесня сдавшихся к забору, от церковной площади подходили офицеры во главе с ротным Никулиным. Полковник шёл вперевалку, распаренный, как из бани. Сиреневый нос его казался сочнее, чем прежде. В обеих руках он держал по револьверу. Вылитый Саша Македонский после знаменитого побега из «Матросской тишины».

– Ай, славно! Это самое... – Он тцился перевести дух. – Ай, во время вы, батенька Владимир Александрович.

Белов оторвался от папиросы, выпустил клубок дыма:

– Мастерство, как известно, не пропьешь, господин полковник.

Никулин насторожился:

– Как вас. э-э-э. понимать? Позвольте в сторонку-с.

Они отошли. Я выбросил из патронника гильзу и заложил в магазин новую обойму. Когда лязгал затвором, комиссар вздрогнул, дёрнув щеками. Сопатка у него была угреватая.

На южной окраине села спохватился притихший бой. Часто защёлкали выстрелы, глухо и осадисто один за другим ухнули взрывы. Два, три, четыре.

Видя, что командиры, описав петлю, возвращаются, офицеры спешно докуривали.

– Второй и третий взвода за мной! – на ходу распорядился полковник, набивая патронами откинутый вбок барабан револьвера.

Второй наган был зажат у него под мышкой.

Белов тоже ставил задачи:

– Поручик Наплевович, берите троих, грузите оружие в телегу! Вон стоит, запряжённая! Климов, посадите пленных на мушку! Поручик Цыганский, с вами тоже трое. Профильтруйте сдавшихся! Командиров, вплоть до отделенных, направо! Проверяйте, все ли разоружились. Штабс-капитан Маштаков, допросите комиссара!

Никулин увёл два взвода (неполных, суммарно – штыков тридцать) в сторону близкого боя. Я тупо смотрел им вслед— ссутулившимся, идущим гурьбой. Через считанные минуты часть этих людей будет безвозвратно перебита, часть искалечена.

И я тихо ликова́л от мысли, что мне позволено остаться там, где не стреляют. Понимал – зыбкая радость моя постыдна.

– Пшёл вперед! – переключаясь на выполнение поставленного приказа, рявкнул на комиссара.

Тот послушно потрусил на полусогнутых в указанном направлении.

– Куда вы его? – обернулся взводный.

– За угол. Изолировать от общей массы. Не сомневайтесь, господин капитан, сделаю в лучшем виде.

– Валяйте!

Мы свернули за хату и я, перехватив винтовку в обе руки, сильно толкнул ею комиссара в грудь. Чтобы спиной он как следует впечатался в стену. Сдернул с его переносицы очки, бросил на землю и наступил сапогом. Провернулся на носке, хрустя раздавленными стёклышками.

Пленный растерянно моргал близорукими глазами. Красиво прорисованными, скорбными.

– Православный, гришь? Рязанской губернии рожак? – подступал я, демонстрируя готовность ударить. – А ну, с-сука, документы на бочку!

Это пережитый за время боя страх заставлял меня быковать над безоружным. Компенсировать собственный срам за то, как на карачках ползал я за скирдой, в надежде, что раненый Фетисов попросит сопроводить его в тыл.

Сублимация чистой воды. Защитный механизм психики. Этот, как его, Фрейд!

Везде, и в следствии и в розыске, я слыл мастером допроса. Мне удавалось разговорить практически любого человека, убедить, что признается он себе во благо.

Ты нам один раз хорошо, мы тебе – десять! Это полицейское правило, не в бровь бьющее, сформулировал мой любимый писатель Леонид Словин, сыщик с более чем двадцатилетним стажем.

При этом я принципиально сторонился мордобоя и пыток, довольно широко практикуемых в российских правоохранительных органах постсоветской эпохи.

Сейчас в моем распоряжении было короткое время, я играл блиц. Но зато я был свободен от условностей соблюдения законности. Мог не разъяснять статью 51 Конституции. Надо мной не висел отточенный меч ОСБ⁴¹ и надзирающего прокурора – представителей иных цивилизаций.

– Вот-вот! П-пожалуйста! – пленный тыкал перед собой встрепанной пачечкой документов.

– Сюда давай! Чё ты как недоенный! – Я резко выхватил ксивы, продолжая утверждаться в образе.

Тёмно-зелёная картонная командирская книжка. Сломанная посередине, с обтерхан-ными углами. бывалая. Некоторые чернильные строчки, выведенные искусной писарской рукой, хватившие в своё время воды, расплылись мутно. Та-ак и чего тут понаписано?

«политком первого батальона семьдесят восьмого стрелкового полка Мантель Яков Иванович. Член РСДРП(б) с. неразборчиво. 1917. вроде. года.»

Другая картонка, надо думать, партбилет.

– Сколько вас здесь, в Гати? Весь полк?!

– К-кроме п-первой роты на. нашего батальона.

– А она где? Быстро!

⁴¹ ОСБ – отдел собственной безопасности.

- Вечером ушла наводить переправу через Луйку. речку.
- Вчера в Ворманках с вашими мы стукнулись?!

Коренной рязанец Мانتель помутнел взором, скосил глазом, загоняя зрачок под верхнее веко. С левой в треть силы я буцкнул его в солнечное, чтобы взбодрить. Не попал, но комиссар, ойкнув, присел.

- Говори, падла, правду! Приколю!
- Пя-а-атая рота была! Не бейте!

Мне обидно, что промазал. Всё-таки в прошлом, пусть и далеко, я – разрядник по боксу. Я обозначил, что снова въеду левой, но в голову. Мانتель суетливо вскинул руки к подбородку. Я коротко ткнул его под ребра. Вот теперь он квакнул и записедал по делу, не придуриваясь.

Я разочарован. Разве так должны вести коммунисты на допросах у белогвардейских офицеров?

Мацая ушибленный бок, превратившись от якобы нестерпимой физической боли и морально-нравственных страданий в сплошную морщинистую морщину, Мانتель вывалил, что в их стрелковом полку полторы тысячи штыков, двадцать. нет! – двадцать два пулемета. Полк на фронте первую неделю, прибыл с переформирования. Преобладают в нём мобилизованные крестьяне Тамбовской губернии. Явление дезертирства имеется, но массового характера пока не приобрело. Пулемётная команда преимущественно состоит из коммунистов. Командир полка Авдей Латышкин, из унтеров старой службы. Партийный! Начштаба – военспец, бывший царский офицер.

Больше я не знал, чего выведывать у пленного. Другое дело, если бы его нужно было колоть на убийство при отягчающих!

– Пошли обратно, – мотнул головой. – Да хорош ты гримасничать, будто я тебе печень раздробил!

Кстати, в ходе дознания у меня возникли сомнения в принадлежности комиссара к национальности, с таким смаком озвученной Беловым. Нос как нос у бедолаги. У самого-то Владимира Александрыча немногим меньше. По документу – Мانتель? Ну и что? Может, он из немцев? И по отчеству – Иваныч. Вблизи я рассмотрел, что он не брюнет, а вполне себе шатен. Можно было, конечно, приказать ему «натур-документ» предъявить, но такие выверты не в моей эстетике. Антисемитских наклонностей я отродясь не имел.

Мы вернулись на улицу, к людям. Увидев меня, навстречу споро (такое впечатление, что караулил) двинулся прапорщик Риммер. Непонятно ухмыляясь, поблескивая ранее мною незамеченным золотым зубом в верхней челюсти слева.

– Господин штабс-капитан, – в упор дырявя наглыми голубыми глазищами, обратился Риммер, – возьмите в долю!

Я оценивающе оглянулся на отставшего комиссара, экипированного на зависть. Хромовая кожанка, кожаные штаны, новёхонькие, муха не сидела, прохаря⁴² со скрипом. Боевая «сбруя» тоже качественная, перший сорт.

Никакой брезгливости или отвращения от предложения прапорщика я не испытал. Раздел трофеев победителями есть непреложный закон войны. Почему я должен замерзать в хэбэшке⁴³, когда появилась возможность пополнить скудный гардероб?

- А Григорий-то ростом аккурат с меня! – подмигнул Риммеру.

Прапорщик не понял. Понятное дело, он ведь не смотрел «Неуловимых мстителей».

Я поспешил его, расстроившегося, успокоить:

– Поделим по-братски! Вариант: мне, как старшему в чине, – куртка, сапоги, сумка и часы. Вам – остальное.

⁴² Прохаря – сапоги (жарг.)

⁴³ Хэбэшка – хлопчатобумажное обмундирование (арм. сленг)

Риммер прищурился, прикидывая:

– На брюки вы не претендуете? Или?..

– Носите на здоровье.

– А чего так? Чистый же хром!

– В том-то и дело, что хром. Опаришь ещё!

Прапорщик оценил мою филигранную шутку юмора, покатился со смеху. А я отметил, что после боя, в котором мы плечом к плечу стояли на пути накатывавшейся красной лавины, не испытываю к нему вчерашней антипатии. Сильный парень. Я легко представил его опером убойного отдела. Или крутым собровцем. С таким бы я пошел в разведку.

Мантель с овечьей покорностью раздевался. С учетом того, что времени было в обрез, сапоги его я по-быстрому зачихал в ситор, а наручные часы сунул в карман. Куртку, ещё хранившую чужие пот и тепло, надел. Повёл плечами, обживаясь в ней.

Как говаривал в подобных случаях мультяшный ослик Иа: «Мой любимый размер!» Пятидесятый, четвёртый рост.

И снова я подпоясался двумя ремнями – брезентовым солдатским и офицерским с кобурой, пожалованным Беловым. Через плечо повесил сумку, резонно рассудив, что с содержимым её разберусь после боя.

– Опа! – геноссе⁴⁴ Риммер, продолжавший досмотр комиссара, извлёк у него из кармана кителя толстый пресс денег.

– Николаевские! Одни «катеньки»! Десять, одиннадцать, пятнадцать.

Я знаю, что «катенька» это царская сторублевка с изображением императрицы Екатерины Второй. Весомая денежка. Несмотря на то, что последний царь с августейшей семьей больше года как казнён в подвале Ипатьевского дома, а империя не существовала без малого два года, николаевские деньги имели широкое хождение на территориях, занятых как красными, так и белыми. Их брали охотнее других дензнаков.

Прапорщик, подперев изнутри языком щеку, лукаво смотрел на меня.

Но я, повинувшись развитой интуиции, заявил с максимальной твёрдостью:

– Деньги (чуть не сказал «бабки») сдадим взводному. В полковую казну!

– А я другого и не предлагаю, – легко, даже вроде с обидой согласился Риммер.

Вокруг, меж тем, кипела работа. Поручик Наплевхевич держал под уздцы пегую лошадь с репястой гривой, запряжённую в телегу, а похожий на певца Губина красавчик-прапорщик, попович Кипарисов и ещё один, молоденький, охалками таскали винтовки. Сваливали их в телегу с грохотом, как дрова.

Подпоручик Цыганский, энергично сортировавший пленных, отогнал на особицу с десяток одетых получше, частью в наплечных ремнях и с нарукавными знаками. Я с тихим удовлетворением отметил, что в коже среди них не было ни одного.

– Туда иди, я сказал! – заорал вдруг Цыганский и одного, длинного, попытавшегося занырнуть обратно в толпу, ударил прикладом в спину.

Из ближнего двора появился Белов.

– Ну, чего тут? – хмуро спросил он.

– Сто семьдесят четыре рыла, господин капитан! – сообщил жизнерадостный Цыганский. – Девять командиров. Один ротный, трое взводных, остальные отделенные!

Я тоже доложил. Белов слушал, ухмыляясь одной половиной рта. Не иначе, по поводу существенных изменений в моей экипировке. Однако когда в конце рассказа я вручил взводному изъятые у комиссара деньги, язвительное выражение его лица сменилось помесью удивления с уважением.

⁴⁴ Геноссе – товарищ (нем.)

– Сколько награ-абил, жидовская морда! – Штабс-капитан взвесил на руке взьерошенную пачугу. – В аккурат всей офицерской на месячное жалованье и на хорошую попойку!

Спрятав деньги в сумку, он крепко потёр подбородок:

– Первый батальон у них без роты был. Выходит, с учётом убитых и по дворам попрятавшихся, мы его практически захомутали. Остался пусячок, ещё два батальона! При двадцати пулеметах.

На окраине села, куда полковник Никулин увёл офицеров, не прекращалась ожесточённая пальба.

Белов то и дело оглядывался в ту сторону, досадливо цокая языком:

– Тц-тц, туда нам надо, друг мой Михаил Николаич! Пока они всей хеврой не навалились! Ан пленными руки связаны! Оставить нельзя, разбегутся!

– Давайте загоним их куда-нибудь да закрём, – предложил я.

– Куда-а? – почти простонал штабс-капитан. – Мы не в городе! По хатам, по баням распахать? Таковую прорву народа! К каждой бане по караульному выставить, вот и весь взвод!

– А в церковь если?

Белов глянул на меня с сомнением:

– Негоже из Божьего храма острог устраивать.

– Полноте, господин капитан! – Я воспитан в иное время, на других принципах. – Мы же временно. А потом, только ведь пулемёт с колокольни сбивали.

– Уговорили! – как будто мне всех больше надо, согласился Белов. – Наплевович, ведите пленнх на площадь, закройте в церкви! С вами двое! Останетесь в карауле!

И, снизив голос, подманил к себе пулемётчика Климова:

– Валя, головку надо того, в расход! Безотлагательно!

Климов ногтем мизинца ковырнул красный, невызревший прыщ на подбородке, мучительно сморщился.

Прапорщик Риммер подсунулся, предлагая свои услуги:

– Господин штабс-капитан, я тоже не прочь.

Я мысленно мотнул головой. Вот ведь люди! В церковь пленнх загнать менжуются, а шлепнуть без суда и следствия десятков живых человек – как высморкаться! Нет, я тут как инопланетянин.

Риммер, Климов и с ними офицеры прикладами погнади за хату красных командиров. Почувваших близкую смерть, потерявших лица. Один, коренастый, простоволосый, присев, увернулся от удара и, проскочив под винтовкой Риммера, сделал шаг в сторону раскуривавшего папироску Белова. Безошибочно угадав в нем старшего.

– Как же. без суда. ваш бродь?! – выкрикнул он неожиданной для своей комплекции фистулой.

Штабс-капитан отвернулся, подкидывая на ладони спичечный коробок.

Прапорщик Риммер выстрелил. Передернул затвор и ещё раз саданул в упор в упавшего на одно колено простоволосого. зажавшего руками бок.

Я не выдержал и пошагал через улицу к скопившейся на углу кучке офицеров. Непритворно морщаась от обручем сдавившей череп боли, отмечая машинально, что очень буду признателен, если соскочу, потеряю сознание. Только кому адресовать желание? Господу Богу, в которого не верую? Товарищу чёрту, ставящему на мне хитромудрые эксперименты?

Винтовочный залп, перевязанный, как бантиком, долгой пулеметной очередью дошёл до меня с трудом, словно через метровую толщу воды.

– Вам дурно, господин штабс-капитан? – Цыганский подхватил меня под локоть. – Вы белый весь!

Нет, мне хорошо. Мне лучше всех. Сбылись мечты идиота. Я – весь белый!

– Голова, поручик, после ранения, это самое, как оно. – Я сделал вращательное движение рукой.

Слабо улыбнулся, чувствуя в губах напряжение и дрожь.

Белов бросил под ноги и энергично раздавил окурки:

– Всё, господа! Последний рывок!

Не оглядываясь, с винтовкой наперевес, голенастый быстро пошёл по улице. За ним затопились офицеры. Меня догнал запыхавшийся Риммер.

– Крестник-то ваш, господин капитан, – радостно сообщил он, – обделался! Комиссар называется!

Я не отреагировал. Прапорщик снова сделался неприятен. Мы с ним одной крови, но разного резус фактора.

Шли с опаской, ожидая из-за каждого угла пули или ручной гранаты. Навстречу вели друг друга двое раненных корниловцев, наспех перевязанных поверх обмундирования. У одного – нога, он опирался на винтовку, другой поранен в плечо. Сквозь бинты проступили свежие, очень яркие пятна.

– Какой роты? – издали крикнул Белов.

Раненый в плечо тонкий мальчик в погонах старшего унтер-офицера ответил едва слышно:

– Второ-ой...

– Прямо идите! К церкви. Там наши. Сами дойдете? – штабс-капитан замедлил шаг, но не остановился.

– Дойде-ом...

К окраине села усилились едучие запахи гари и сгоревшего пороха.

Здесь в мелко (по пояс) открытых окопчиках, кое-где развороченных снарядами воронками, сломанными тряпичными куклами попадались трупы. Вот у одного, ткнувшегося ничком, разматалась обмотка, заплатанные на заднице шаровары и вязкая мясная каша вместо затылка. В пулемётном гнезде завалившийся набор станкач без щитка и скрючившийся на дне окопа, на множестве стреляных гильз пулемётчик. Он вдруг простонал и, наполовину засыпанный землей, зашевелился.

Шагавший справа от меня сумрачный блондинистый прапорщик отреагировал моментально. Вскинул приклад к плечу, выстрелил. Ощерился под редкими усишками:

– Тварь!

Его ненависть к красному пулеметчику мне понятна. Такой вот удалец сегодня вдоволь поизгалялся над нами с колокольни!

Мы проходили через сад. Под осадистыми яблонями полно падалицы. Нагнувшись, я подхватил яркое, с полосатым боком яблоко. Оно прохладное, в каплях росы. Я с хрустом откусил много, сразу треть, в надежде перебить застоявшуюся во рту смрадную горечь.

За околицей встретили множество людей. По тому, как открыто они перемещались и свободно разговаривали, я с облегчением понял, что бой кончен.

Чёрные гимнастерки в три зыбкие бесконечные шеренги выстраивали на гумнах безоружных красноармейцев. Очень много, гораздо больше, чем захватили в селе мы. Винтовки их свалены на земле поленицей. Наши возбуждены, чрезмерно шумливы. Пленные – понуры и подавлены. Торопливо, боясь навлечь гнев, они кидались выполнять сыпавшиеся с разных сторон, противоречивые команды победителей.

– Повзводно! Повзводно стройсь, бестолочь!

– Комсостав и коммунисты, в первую шеренгу выходите! Лучше сами объявляйтесь!

– Кто документы выбросил?! Чья книжка, спрашиваю? А ну, всем руки вверх поднять!

Черноусый бравого вида фельдфебель довольно подмигнул нам:

– Опоздали, ваши благородья!

Мы идем дальше, ищем и находим своих. Офицерская рота расположилась на травяном склоне у небольшого чистого пруда. Полковник Никулин, присев на корточках на берегу, пригоршнями бросал в лицо воду, ахал по-бабьи. Около него рослый офицер в наплечных ремнях мыл сапоги. Я узнал его, это помощник ротного, полковник Знаменский.

Белов пошел к начальству, а мы попадали в траву. Я скинул с плеч мешок и растянулся на спине, раскинул руки. Обнаружил, что в опрокинутом свежем небе совершенно нет дна. Над самым ухом моим выдал звонкую трель дерзкий кузнечик. Кузнечик-разведчик. В который раз происходящее показалось мне фантазией чистой воды, лабораторным экспериментом.

Я прикрыл глаза, чувствуя трепетное дрожание в веках. Я вижу узкое личико младшей дочки своей, Маришки, смотрю прямо в смышленные её карие глазенки, слышу по-детски трогательную с картавинкой речь:

– Папа, а ты когда на войне был, ты там убивал в'агов?

Такие вопросы у неё возникали, когда она листала мой дембельский альбом, обтянутый куском солдатской шинели. «Кто не был, тот будет, кто был, не забудет семьсот тридцать дней в сапогах!». Разубедить её в том, что я просто служил в армии, не удавалось.

Девчонки росли без меня, в ином измерении. Времени на них из-за работы, неизбежных пьянок и шальных подруг, возникавших из ниоткуда, хронически не хватало. Когда у меня спросили, в каком классе учится старшая Даша, пришлось загибать пальцы, вести счет со дня ее рождения.

Я трудно проглотил комок, подкативший к горлу. Как все неудачные люди, я сильно sentimentalен, могу разреветься. Даже на трезвую. Если что-то случится с моими девчонками, я окончательно сойду с ума.

Не очень далеко от нас в поле яростно вспыхнула пулемётная стрельба. Отталкиваясь от земли руками, я привёл себя в сидячее положение. Нашупал слева в траве винтовку.

Встрепенулись и смотрели в ту же сторону почти все. Подпоручик Цыганский – из-под ладони, как богатырь былинный. У него заходили крутые желваки, забавно приводя в движение крупные уши.

Позади меня кто-то прошептал истоиво:

– Спаси мя, Господи! Спаси и помилуй!

Оборачиваясь, я знаю, кого увижу. Прапорщик Кипарисов раз за разом осенял себя крестным знамением. Глаза его светились изнутри ужасом, ноздри раздулись, подрагивала семинаристская борода. Откуда он взялся? В бою я его не видел, отвечаю!

По склону крупными шагами поднимался штабс-капитан Белов. У него мокрое лицо и волосы. По пропыленной шее за ворот гимнастерки грязными полосками стекала вода.

Предвосхищая его команду, я кряхтя поднялся на ноги.

– Строиться первый взвод!

5

Пленных оказалось более тысячи. Площадь перед церковью и прилегающие улицы заполнены ими. Семьдесят восьмой стрелковый полк РККА практически прекратил свое существование. Малый его осколок, огрызаясь пулемётами, отходил на северо-восток, чтобы не оказаться прижатым к реке. Сторону света определил подпоручик Цыганский. Для преследования нужна конница, а её под рукой нет. Этой важной информацией поделился Риммер.

Меня не цепляли вопросы высокой стратегии. Я мыслил приземлёнными категориями рядового бойца. Больше всего мне хотелось разуться, отмочить в тазике с горячей водой натруженные ноги, похлебать горячего, махнуть соточку и завалиться спать. Но впереди – долгий день и я понимал, что фантазии мои несбыточны, занятие не по душе командиры найдут мне всенепременно.

На Урале в районе Чебаркуля каждые полгода мы воевали с условным противником, с китайцами. Причём нашему полку противостояла их танково-кавалерийская дивизия. Учения

были масштабные, с боевой стрельбой и длились около месяца. В застойные времена коммунисты народных денег на оборону резонно не жалели, не хотели кормить чужую армию.

Тогда на должности заместителя командира взвода зенитной ракетно-артиллерийской батареи замыслы командования оставались для меня тайной за семью печатями. Наши многодневные мытарства по лесам и полям южного Урала, на мой взгляд, были лишены смысла. Мы по несколько раз возвращались в одно место. Допоздна, до кровавых мозолей копали капониры под свои «шилки» и «бээрдээмы»⁴⁵, а чуть свет спохватывались, как ошпаренные, и ломали по бездорожью за мотострелковым батальоном и танковой ротой. Под страхом дисциплинарного наказания избегали асфальтированных дорог и потому каждые полкилометра тягали одной установкой другую из глубоких колдобин. Останавливались, по несколько часов окапывались, маскировали технику, сержанты рисовали схемы боевых позиций, а потом подрывались в никуда. Завтракали, обедали и ужинали одновременно и почему-то чаще по ночам. Спали, расстелив башенный тент, на голой земле. Однажды утром сентябрьский заморозок крепко прихватил мою голову в шлемофоне к вставшей колом брезентовой простыне. Пробуждаясь, я её чуть вместе с тангентой не отодрал.

Несмотря на каторжанский труд, холодильник по ночам и нерегулярную кормёжку, благодаря молодости, тяготы и лишения переносились легко. Мне лично после казармы, бесконечных построений и нарядов даже интересно было, похоже на игру. Совершенно по-другому себя воспринимаешь, когда работаешь на боевой технике. Не так, когда лопатой долбишь лёд на плацу.

Каждый раз мы разделявали вероятного противника под орех. Потом выяснялось, что за неделю замудрёных маневров батарея уничтожила изрядное количество вражеских вертолетов и самолетов. Разных там «Хью-Кобр» и «Мигов». Понеся при этом символические потери.

Сейчас я занимал меньшую чем тогда должность. Низшую в армейской иерархии. Передвигался исключительно пешком и был лишен доступа к средствам связи. Зато имел несравненно больший жизненный опыт. И потому понимал, что пленные повязали нас по рукам и ногам.

На построении штабс-капитан Белов не досчитался девяти бойцов.

– Фетисова, говорите, ранили? – спросил он у меня.

– Так точно, в руку. Он на поле за стогом остался, в сознании, – я ничего не мог поделаться со своим многословием.

– Повезло старому, – непонятно хмыкнул взводный и задал общий вопрос: – Кто ещё про кого знает?

Наплевович сказал негромко:

– Подпоручика Шпилевого на моих глаз пулеметной очередью... перерезало буквально.

Белов кисло сморщился:

– Ви-идел. И Коняев как кончился видел. Его – в живот.

Он прошёлся перед строем с заложенными за спиной руками. Остановился напротив Кипарисова, указательным пальцем подкинул сверху его слабо затянутый ремень (в Советской армии говорили – «на яйцах болтается»).

Вернулся на середину. Энергично, как бы встряхиваясь, согнал складки гимнастерки за спину.

– Ну-с, господа, с боевым крещением в рядах первого Корниловского! В целом оценка удовлетворительная. Отдельно отмечаю действия прапорщиков Риммера, Климова, Жогина, подпоручика Цыганского и штабс-капитана Маштакова!

– Ра-ады стараться, госдин тан! – вразнобой ответил взвод.

⁴⁵ «Бээрдээм» – бронированная разведывательно-дозорная машина.

Я успел присоединиться в самом конце фразы. Уши у меня жарко горели. Я очень люблю, когда меня хвалят, особенно прилюдно. Хотя на словах всячески от этого отрекаюсь.

– Штабс-капитан Маштаков! – обратился Белов.

– Я! – у меня рефлекторно подобрались внутренние органы.

– Назначаетесь моим помощником. На досуге подтяните личный состав на предмет надлежащего приветствия командира. Сейчас с первым отделением соберите наших убитых. Поручик Наплевхевич, с вами – трое. Берите пленных, лопаты и выдвигайтесь на кладбище. За вами могила. братская. Что ещё?

Взводный вынул папиросы, пошарил в пачке и обескуражено смял её, пустую.

– За дело! – махнул рукой.

Ну вот, не успел я констатировать свою рядовую должность, как получил неожиданное повышение. Оно мне надо? Мне бы в личине рядового бойца адаптироваться. Чем выше положение, тем пристальней внимание...

– Первое отделение, за мной, – давая нарождавшийся вздох отчаяния, скомандовал я.

Вышли Риммер, Кипарисов, мрачного вида блондинистый прапорщик, другой прапорщик, похожий на певца Губина. Эти из знакомых. И ещё двое— подтянутый голубоглазый юнкер в солдатских обмотках и мешковатый, взъерошенный подпоручик.

Пробивного Риммера, дав ему в подсобники Кипарисова, я послал организовывать гужевой транспорт. А с остальными направился на поле, через которое утром шли в атаку.

На улице появилось народонаселение. Преимущественно бабское и детское. Освобожденное нами от ига комиссародержавия. Ликования по этому поводу на лицах крестьянства не наблюдалось.

Напротив, одна косматая старуха каталась по земле и выла звериным воем.

– Чего она? – оглянулся юнкер.

– Лях её знает, – пожал плечиками мрачный прапорщик. – Ведьма!

На поле дотлевали соломенные скирды. Пахло пепелищем, разорением. Открытое пространство казалось бескрайним. Я поёжился, не понимая, как мы смогли преодолеть его под кинжальным огнем. С часовни, наверное, мы были как муравьи на ладони.

Сходные мысли посетили не меня одного. Мешковатый подпоручик через фуражку скрёб затылок. Оглядывался на свечкой вытарчивавшую над селом церковь, бормотал:

– Взводный догадался солому запалить. Если бы не догадался взводный.

Первый встретившийся нам труп наглядно проиллюстрировал, что бы стало со всеми нами, не догадайся Белов поджечь скирды.

То, что недавно было живым человеком, уткнулось ничком в стерню. Череп был разворочен, белесо-жёлтое густо замешано на красном и дегтярно-чёрном. Пуля прилетела сверху. В темя, в родничок!

Труп обступили. Подпоручик продолжал скрести затылок.

– Переверните убитого! – приказал я ему тоном, не допускавшим возражений.

Подпоручик присел и за плечо с усилием перевалил труп на спину.

За годы работы в прокуратуре и милиции я перевидел сотни трупов. Преимущественно криминальных. Ни разу, как любят показывать в кино и в книжках описывать люди, далекие от этого ремесла, не блевал на осмотре. Даже когда по молодости выезжал на результат подпольного аборта, закончившегося смертью, где, перешагивая через необъятную голую мертвую тётку, поскользнулся на загустевшей кровяной луже и рухнул на труп.

Покойный ныне судмедэксперт Сеницын Виктор Алексеевич пошутил тогда остроумно:

– Миша, дождитесь, по крайней мере, когда мы выйдем!

Но и булок с запеченными сосисками, оседлав верхом застывшее тело, не вкушал (другая крайность авторов современного детективного жанра).

Первые несколько лет я непроизвольно проецировал чужую смерть на себя.

Когда эксперт ворочает труп, бьет ребром ладони по конечностям, при всех раздевает и засовывает градусник в задний проход.

Когда слабосильные, больные с похмелья «указники»⁴⁶, уныло матерясь и толкаясь бес-толково, тащат неживого к «КамАЗу», организованному гаишниками, в кузове которого – крупный щебень.

Когда в морге санитар Валера, стодесятикилограммовый, навалившись на край стола, начинает пилить трупу череп.

Постижение жуткой неэстетичности комплекса обязательных мероприятий вокруг умершего, в которые вовлекаются люди чужие, равнодушные или нездорово жаждущие интересного, останавливало меня от самоубийства в минуты душевных кризисов.

В университете на практических занятиях по судебной медицине нас обязывали присутствовать на вскрытии. Без этого зачет не ставили. Тогда прикосновение к запредельному ввергло меня в шок. Яркий свет, белый кафель, капающий без умолку кран. Голые тела на секционных столах, на одном— сразу два, самые страшные, поломанные в ДТП. Щеголеватый завбюро Евстигнеев, практик с пятнадцатилетним стажем, интеллигентный умница, объясняя, оперся на жёлтую стопу вскрытого на наших глазах трупа. На худой волосатой ляжке которого шариковой ручкой криво, с прописной буквы написано: «иголкин».

Неужели пройдёт короткое время и мою фамилию санитар, сверяясь с листком направления, накарябает сикось-накось у меня на ноге?

Нормальному человеку поверить в такое невозможно.

Со временем на выездах я научился отстраняться от происходящего, залезать в шар. медитировать. «Это не я, это не со мной!» Плохо получалось уходить в астрал, когда гибли детишки. Расчленёнка тоже по нервам дает будь здоров. И ещё когда сильно гнилой в помещении. по полу растекся, кишит юркими белыми опарышами.

Несмотря на пресловутую привычку и систему самозащиты стресс неизбежен. Лекарство от него продается без рецептов, круглосуточно. Действует оно быстро и эффективно, но недолго и со многими побочными эффектами. Особенно для людей, состоящих в зарегистрированном браке с женщинами, получившими высшее гуманитарное образование.

– Это не наш! – процедил сумрачный прапорщик, глянув перевернутому мертвецу в лицо.

Юнкер живо поддакнул:

– Третьего взвода офицер.

У убитого одна щека, правая, усыпана мелкими синими точками. Ею его припечатало к колючей стерне. В прижмуренных глазах убитого мне увиделось удивление.

– Не здесь, господа, левее берите! Ближе к краю! – с приближавшейся гремящей телеги кричал прапорщик Риммер.

Повозкой правил подросток— губастый и лохматый, лет четырнадцати, с недовольной физиономией.

Риммер отвесил ему подзатыльник:

– Чего по самым ухабам, вахлак!

Прапорщик Кипарисов шагал рядом с телегой, держась за ее край. Отрешенно глядел под ноги.

Мы пошли через поле. Мешковатый подпоручик на ходу поддегивал брюки. Ходко шагавший юнкер далеко обогнал остальных.

– Сюда! – махнул рукой. – Нашел! Ромка Шпилевой!

Подпоручик Шпилевой, убитый сразу несколькими пулями в грудь и

⁴⁶ «Указник» – лицо, подвергнутое аресту за административное правонарушение (проф. сленг).

в живот, оказался очень тяжелым. Взявшие его за руки и за ноги юнкер с Риммером с первого раза не смогли закинуть тело в телегу, шаркнули об колесо, уронили.

– Помогай, божий человек! – прикрикнул Риммер на Кипарисова.

Я стоял ближе и подхватил Шпилевого за ремень. Машинально отмечая, что труп тёплый, окоченение ещё не наступило.

Втроем мы потихоньку, стараясь не стукнуть, перевалили мертвого на дно повозки. Сапоги Шпилевого грязными подметками шваркнули пацану-вознице по спине. Он отодвинулся на край и пробурчал что-то себе под нос. Винтовку убитого повесил на плечо угрюмый прапорщик.

– Жогин, – сказал ему Риммер, – приклад оботрите! В крови приклад.

А у меня Риммер спросил полуутвердительно:

– Господин штабс-капитан, документы там, остальное хозяйство потом соберём, на погосте?

Я ответил:

– Непринципиально.

Ещё в полусотне метров мы выбрали прапорщиков Коняева и Никифорова. Раненный в шею навыллет грузный Никифоров умер не сразу. Видно было по извилистым бороздам, как он полз на коленках, пятная землю чёрными шлепками крови. По щетинистому с ямочкой подбородку успокоившегося на боку прапорщика жадно сновали мухи – жирные и зелёные, деловитые.

Юнкер погнал их прочь:

– А ну!

Я из практики знал, что это пустая трата времени. Работа у насекомых такая.

Прапорщик Риммер вдруг загадочно поманил меня за скирду:

– Господин штабс-капитан, цвай минут.

– Чего? – Я пошел за ним через силу, прихрамывая.

Думая, что надо сесть и перемотать сбившиеся сырые портянки, что изуродую ноги. обезножу.

Когда мы уединились, прапорщик вытащил из кармана брюк горлышко, закупоренное тряпичным кляпом.

– Оросим ливер, а, господин штабс-капитан?

Кадык у меня дернулся и слюна, набежав, заполнила рот. Я поспешно кивнул:

– Насыпайте!

Риммер вывинтил из узкого кармана бутылку со знакомо мутным содержимым. Самогон-вино! Крепко бултыхнул.

– От благодарного населения! Качества, правда, не гарантирую. Подержите, я кружку вытащу.

Я бережно принял бутылку. Последними останками воли удерживаясь, чтобы зубами не выдернуть затычку и не припасть к горлышку.

Нельзя! Мне себя контролировать надо ежеминутно, каждое слово выверять. Сядешь на это дело, не соскочишь!⁴⁷ У пьяного меня язык, как помело. А мне людей доверили под команду!

С другой стороны, сто граммов с ног не свалят, только улучшат кровообращение и мозговую деятельность. Сто. ну максимум, сто пятьдесят гвардейских и все. Она нэ танцует!

Риммер выкопал в мешке эмалированную кружку, потряс кверху дном, дунул в нее.

– Позвольте! – Он завладел бутылкой, вывинтил тугой кляп и набуровил мне щедро, больше половины.

⁴⁷ Цитата из кинофильма «Мама, не горюй».

– Хорош! – сказал я чисто для порядка, когда прапорщик возвращал горлышко в вертикальное положение.

Волнами поплыл непередаваемо густой аромат сивухи. У меня съёжился желудок. С сомнением, зная, что принципиальное решение принято, глянул я в кружку, примеряясь к дозе. В аккурат – сто пятьдесят!

– Ну, господин прапорщик, за нашу победу! – произнёс я бодро и стал крупно глотать теплый, воючий, скверно очищенный самогон.

Осилив, перевел дух, затряс башкой. Вниз по пищеводу ринулось тепло.

Риммер заботливо сунул пупырчатый зелёный огурец. Я вгрызся в него, перебивая травянистым овощем едкий смрад сивухи. Поотпусти-ло. Перестал дергаться живчик у глаза.

Прапорщик быстро налил себе, очевидно, не зная, что так не принято в обществе уважающих себя людей. И без промедления дернул.

– Набрехала стерва, что на буряке настаивала! – У него выбило слезу.

В девяносто девятом году при обыске в одном адресе – крохотной однокомнатной хрущевке – мы обнаружили три двухсотлитровых бочки браги. В бочках в густой дрожжевой каше плавали газеты «Спорт-экспресс» и местный брехунок «Уездное обозрение», запущенные в ёмкости для забористости. Когда мы стали ведрами сливать обнаруженное добро в унитаз, прикинувшая размер убытков самогонщица, ополоумев, укусила меня за руку.

– Хм, на буряке. – Без остатка, с горьким кончиком вместе прожевав огурец, я умиротворенно потёр грудь.

В тайной надежде, что прапорщик предложит ещё полсотни капель. Удивляясь надуманности своих недавних сомнений. Всё так гладко идет. Как по сливочному маслу!

Риммер отошел в сторонку отлить. И вдруг закричал изумленно:

– Кто здесь такой зарылся?! Вылезь!

Я подошел к нему. Прапорщик, застегивая брюки, ударял ногой в подметку сапога, торчавшего из развороченной скирды, у самого её основания. Сапог дергался под ударами, каблук был на нем неказистый, стесанный. Но никто не вылез.

– Кому говорю, а то – штыком пощупаю! – пригрозил Риммер.

– Живой ли? – усомнился я.

– Живёхонький, – прапорщик перехватил винтовку для удара прикладом.

После выпитого на щеках его неровными пятнами рдел румянец.

Солома зашевелилась, вспучилась и из скирды, кряхтя, стал выбираться человек. Риммер опустил винтовку. Мы оба сделали по шагу назад. Человек оказался военным. Рослый детина в мятой гимнастерке, с одутловатым испарапаным лицом, буйно-кудрявый, с беспокойными глазами.

Он виновато развел большими руками:

– Господа-а...

Риммер сузил глаза:

– Погоны где потеряли, Оладьев?!

На плечах у кудрявого было пустынно, на правом торчал выдранный углом клоч материи, махрились обрывки черных ниток.

– С мясом оторвал! – Я разобрался в ситуации и спросил у Риммера: – Он что – нашего взвода?

Тот молча кивнул.

– А винтовка твоя игде? – язвительно поинтересовался я.

Не дотянув, конечно, до неподражаемой интонации Бориса Бабочкина в великом фильме братьев Васильевых.

Оладьев вытянул шею, поднялся на цыпочки и стал озирать окрестности. Явно формально, безо всякой надежды отыскать брошенное в приступе паники оружие.

Немолоденький, постарше большинства во взводе. Плотный и, наверное, сильный физически. Толстая шея, широкие плечи. Французской борьбой занимался?

Странно, что он, такой видный да кудрявый не запомнился мне ни на марше, ни в вечерней сшибке, ни в утреннем бою.

– Пошли, – сказал я ему, – отведём тебя к штабс-капитану Белову.

Оладьев понуро двинулся вперед. Покорный, как старый слуга Фирс.

Мы обогнули скирду и вышли к заждавшимся нас у телеги офицерам и юнкеру.

– Вот, господа, какую крысу из соломы выковыряли! – Риммер толкнул Оладьева в спину.

Тот на толчок прикладом и на крысу – ноль реакции, улыбнулся виновато, кривенько.

Губы его змеились.

Блондинистый Жогин помрачнел дальше некуда:

– Я догадывался, что ты с гнильцой, Петя, но чтоб до такой степени.

Обратно по полю, но в сторону другой окраины села, к кладбищу

тронулась наша процессия. Мальчик теперь шагал сбоку от телеги, изредка подстегивая вожжами неспешную лошадку. Остальные шли порознь, только за понурым Оладьевым неотступно следовал Риммер с винтовкой наперевес. Через край телеги вывалилась и свесилась нога положенного поверх других трупов Коняева, в дырявом сапоге. Подскакивая на колдобине, колесо всякий раз шипяще шаркало о подмётку.

Прижившийся в организме самогон действовал умиротворяюще.

«И меня могли как Коняева, – подумалось философски. – Стукал бы сейчас сапогом по спицам».

В комиссарской кожанке я истекал потом, осязаемо едким. Спина и плечи, натруженные мешком и винтовкой, чесались.

По полю зигзагами передвигалось ещё несколько групп, также за повозками. Собирали своих.

Юнкер нагнулся, подхватил конец размотавшейся обмотки и сразу выпрямился.

– Будет дело! – сказал он, глядя на пылившуюся дорогу.

Все обернулись. По дороге от кургана, сколько было видно глазу, черной густой лентой стекала колонна. Бодро рысила конница. Размеренно шла пехота, царица полей. И снова – конница. Прыгали на ухабах передки орудий. Пыль до неба. Гул на низкой ноте.

6

Оказалось, что дело и впрямь будет, но совсем иного порядка. В нашем районе стягивались части в противовес нависшей на фланге красной группировке. В связи с этим ожидалось прибытие комкора Кутепова.

Роте приказано спешно приводить себя в порядок.

– Стыдно, господа! – громыхал перед строем полковник Знаменский. – Расхристаны, небриты, как последние партизаны! Одно название, что офицерская рота! Два часа даю на всё про всё!

Офицеры расходились, ворча, мол, не с гулянки вернулись, а из боя вышли. Но карусель завертелась. Я отнесся к происходящему философски. Понятное дело, никому не хочется в грязь лицом перед высоким начальством ударить.

Штабс-капитан Белов откуда-то принёс стопку нарукавных корниловских шевронов, трёхцветных добровольческих углов и красно-чёрных суконных погон с белой литерой «К».

Стало быть, бойцы нашей «дисциплинарной», в том числе и офицеры-перебежчики, за сегодняшний успех в Чёрной Гати удостоены права носить знаки отличия ударного полка. Так решил полковник Скоблин.

Получив свой комплект, я рассудил, что сперва экипируюсь, а потом и помоюсь-поброюсь. Портной я ещё тот.

До армии я мог только пуговицу пришить, и то не всегда в нужном месте. У меня мама очень заботливая. А в учебке в первый же день пришлось взяться за иголку с ниткой, чтобы подшить подворотничок на ворот хэбэшки, застёгивавшейся с учетом климата по-летнему, то есть без крючка и верхней пуговицы. Это оказалось цветочком. Ягодки созрели, когда пришёл черед погон, их следовало приладить на определённом расстоянии от шва на плече. Погоны выдали толстенные, настроенные на кусок плотной материи, иголка их не прокалывала, а когда за неимением наперстка я начинал надавливать на её ушко ногтем большого пальца, то несколько раз она ушком этим треклятым протыкала ноготь и глубоко вонзалась в нежное мясо. Боль была дикая, а потом загнило под ногтем. Никак не получалось пристроить погон в месте, отведенном ему уставом, то он на спину заваливался, то, весь в буграх, оказывался в районе ключицы.

Наконец с грехом пополам правый удалось пришить прилично. Но тут скомандовали построение на медосмотр, в ПГТ⁴⁸ «Гвардейский», находившийся на расстоянии пяти километров.

Раздраженно разглядывая нас, нескладных, заместитель командира взвода Джафаров остановился напротив меня.

– Что ты, курс⁴⁹, как гестаповец – с одним погоном? – с пятки на носок покачиваясь, язвительно спросил.

Прежде чем я успел открыть рот, сержант одним рывком сорвал у меня с плеча злосчастный погон. Я едва не разревелся от обиды.

Потом, по ходу службы, будучи человеком от природы сметливым, освоил я это хитрое ремесло. В пределах необходимого, разумеется.

На гражданке надобность портняжить у меня практически отпала. Разве что в стройотряде приходилось, и то по мелочам. А в общаге всегда было кого попросить. Когда женился, вопрос этот, понятное дело, отпал автоматически, как хвост у ящерицы. Правда, последние месяцы холостой жизни заставили потряхнуть стариной.

Перво-наперво я подыскал комфортабельное место – в садочке под тенистой яблоней, в окружении сильно пахнущей падалицы.

Там скинул осточертевшие сапожищи и сырые, тяжёлые портянки, меньше чем за сутки интенсивной эксплуатации приобретшие пятнистый тёмно-синий окрас. Блаженствуя, пошевелил пальцами ног.

Вдруг неожиданная мысль озадачила меня. Как называется второй после большого палец на ноге? Тоже указательный, как на руках? Но ногой ничего указывают. Погоди, давай по порядку.

Большой точно так называется, с обратной стороны – мизинец, в середине – средний. Между ними безымянный, так? Вроде на слух нормально, ухо не режет. Тогда как наречен тот, который следующий после большого? Чёрт, вот ведь проблема!

Выбила эта незадача из душевного равновесия, рассеялся я. Тяжело и надолго устался на несправедливо потерявший наименование палец, второй после большого. Искривленный, поросший жёсткими чёрными волосками, с полуотслоившейся мутной кожей лопнувшей мозоли, с некрасивым, грязным ногтем. Как тебя зовут, мой дорогой?

Умом я понимал, что я элементарно глую. От недосыпа, усталости и переизбытка впечатлений. А также, в некоторой степени, от выпитого.

Сейчас бы в самый раз еще вмазать для тонуса! Закуски кругом полно валяется.

Пришлось всю силу воли подключать, чтобы к конструктивной рабочей тональности вернуться.

⁴⁸ ПГТ – поселок городского типа.

⁴⁹ Курс – курсант (арм. сленг).

Я расстегнул трофейную, в неравном бою с комиссаром Манте-лем добытую полевую сумку, зная, что найду в ней шпулю с чёрными нитками и цыганскую иголку с большим ушком. Потом скинул с себя верх – жаркую кожанку, куртку-афганку и прокисшую от пота зелёную майку с номером «10» на спине. Остался топless. Теперь можно было вдоволь почесаться. У-у-у. Ка-айф...

Скребясь, машинально отметил, что культуры тела у меня почти не осталось. Всё ровное, дряблое, запущенное. А ведь раньше, когда я следил за собой, было чем перед девчонками на пляже похвастаться, кроме наколки на плече.

Чёрт, а сыпь на груди откуда взялась? Ро-озовая. Не подцепил я случаем чего ночью в «железном садике»?

Как удачно подруга эта подкатила:

– Сигаретой не угостите?

Даже лица её не вспомнить сейчас. Мутное безглазое пятно. Приторный миазм дешёвой косметики. Мягкие, легко раздвинувшиеся ляжки. Не поместившаяся в ладони грудь со смятым соском.

Стоит ли беспокоиться насчёт каких-то пятен, когда в любой момент прихлопнуть могут? Чик – и ты уже на небесах⁵⁰.

Перочинным ножом я отпорол с «афганки» погоны-хлястики. Повыше швов, которыми рукава пристроены к плечам, осталась бахрома, но я рассудил, что закамуфлирую неряшливость последующими манипуляциями. Извлёк из чудо-сумки химический карандаш, заточил, помуслил грифель и, используя обушок ножа в качестве линейки, прочертил в середине «беспросветных» корниловских погон по жирной линии. Разогнул усики у восьми зелёных звездочек на отрезанных погонах, вытащил их. Провертев острием ножики отверстия, приладил звёзды на погоны ударного полка. Примерил их к «афганке», подгадывая уставное положение. Решительно взялся за иголку.

Сквозь крону яблони солнышко грело мне спину, изнутри ласкали продукты распада самогона.

Маленькими, довольно ровными стежками я двинулся вдоль края погона, радуясь удачному старту. На середине, протаскивая нитку, запутался, наделал жутких петель. Гадство. Пришлось срезать и начинать сначала, на колу— мочало.

Когда я почти справился с первым погоном, рядом плюхнулся Риммер. Захрустел подобранным в траве яблоком. Не поднимая головы, периферическим зрением я видел, как, вытянув шею, прапорщик тщится разглядеть мою татуировку.

– Интересная картинка, – прошамкал он набитым ртом.

– Нравится?

– Интересная, – повторил, прожевав. – Откуда?

– От верблюда, – с наглой усмешкой уставился я на него. – Не лишку вопросов, прапорщик?

Риммер не выдержал и отвернулся. Расстегнул пояс, через голову начал стягивать узкую гимнастерку.

– Не хотите, не говорите, – в голосе его – обида и вызов.

Я сделал последний стежок, делая вид, что увлечен своим занятием. На самом деле комплексовал, вынужденно выставляя напоказ бледные тела в подозрительной розовой сыпи, бросающуюся в глаза блатную наколку. А ещё мне нестерпимо хотелось, чтобы прапорщик предложил выпить. У него осталось, я видел.

Прапорщик, игнорируя мои мысленные воззвания, взялся за иголку, послунывил кончик нитки и с одного раза продел его в ушко.

⁵⁰ Цитата из фильма «Место встречи изменить нельзя».

– Я звездочек настоящих раздобыл. Серебряных! – похвалился.

На старых погонах Риммера звездочки были нарисованы химическим карандашом.

Я кивнул, как бы разделяя радость боевого товарища, у которого в заплечном мешке осталось не меньше полбанки. Чего он жметя? Это не марочный коньяк, чтобы над ним чахнуть. Выпили – и к стороне.

От праведного негодования у меня заломило суставы.

Успокаивая себя, я рассудительно подумал, что вот сижу тут, загораю, самая большая беда – иголкой уколется могу, а подпоручик Шпилевой, прапорщик Коняев и другой прапорщик, толстый, фамилия которого не запомнилась, лежат в рядок, стаменя. Ждут, когда под них братскую яму докопают. А комиссар Мантель, чьи котлы⁵¹ на моей руке показывают без четверти час, валяется в крапиве в мараных подштанниках. Куда стрельнул его Риммер? В затылок? В грудь? Я ковыряюсь с запутавшейся ниткой, а обезумевший от страха прапорщик Оладьев белугой ревет в темном чулане под охраной часового.

И ничего не меняется от чужой состоявшейся или назревающей беды, каждый возвращается на собственной орбите.

Прапорщик Риммер с аппетитом пожирал третье по счёту яблоко, нахваливал сорт, а мне невыносимо хотелось вмазать.

Раздавая отличительные знаки, взводный пояснил, что синий щиток с надписью «КОРНИЛОВЦЫ» пришивается на левом рукаве, на два пальца ниже погона, а угол национальных цветов – на вершок⁵² выше локтя. Знать бы, сколько это – вершок.

Я тороплюсь и к половине второго, исколов пальцы, практически готов. Пришитый поверх нарукавного кармана фирменный корниловский шеврон с мечами, адамовой головой и гренадой⁵³ с горящим фитилём некрасиво завалился на бок. Но переделывать некогда, и я обряжаюсь. В процессе экипировки пришлось отступить за спину Риммера, чтобы не шокировать его лишний раз бело-голубыми плавками и майкой с номером Диего Марадоны.

Взявшись за портупею, обнаружил, что забыл оставить под погонами проранки для наплечных ремней. Пришлось сбрасывать куртку и тратить ещё двадцать минут на подпорку и обустройство погон. Прапорщик меня тем временем обогнал. Наблюдая его, нарядного, я с тихим удовлетворением констатировал, что нашивки он приспособил впрытык, крупными, через край стежками.

Вытянув в сторону руку, Риммер с полминуты недовольно разглядывал топорщащиеся шевроны. Потом раздраженно плюнул:

– А-а-а! Не на парад!

И в этот момент я мотивированно приободрил его:

– Норма-ально! Давайте-ка обмоем обновки! По маленькой!

Прапорщик, не переставая одергивать задравшийся угол, полез в мешок, звякнул бутылкой о кружку.

Я с тревогой огляделся по сторонам. Не хватало ещё «хвостов».

– Лейте, лейте, тут аккурат каждому на раз! – поторопил Риммера, когда, плеснув в кружку, тот глянул вопросительно.

Я снова по старшинству выпил первым. На этот раз достойно, без судорог и конвульсий. Демонстративно неторопливо занюхал терпким яблоком. И только потом куснул его. Исстрадавшийся организм благодарно принял живительный эликсир. Особенно – вечно недовольное сердце.

– Вы это. не курите, прапорщик? – Я улыбнулся.

⁵¹ Котлы – часы (жарг.)

⁵² Вершок – единица измерения в русской системе мер с XVIII века, приравнена к 4,445 см.

⁵³ Гренада – ручная граната в форме ядра (устар.)

Риммер вновь стал очень симпатичен, и я удивился – отчего вчера и нынче утром испытывал к нему неприязнь. Свой парень в доску! Подумаешь – комиссара шлепнул! За дело ведь!

– Давайте зна. знакомиться по-человечески! – Я протянул руку: М-маштаков Михал Николаич.

– Андрей! – у прапорщика мощное мужское рукопожатие.

Я попытался пережать его, закусил губу, но Риммер с небольшим усилием сдвинул мою ладонь, заставить ойкнуть.

– Гимнастикой занимались, Андрюша? – Я уважительно потыкал пальцем в каменный бицепс прапорщика.

– По системе Мюллера, – последовал ответ.

Солидная система. Инженера-лейтенанта в отставке Иоргена Петера Мюллера. Котовский Григорий Иванович очень её уважал.

Я почувствовал, что меня не просто повело, а окосел я буквально обвально. Хм, каламбур. Еще б, я ж пил из горлышка, с устатку и не евши⁵⁴. Мама дорогая, лучше присесть.

Некрасиво и грузно рухнул я на пятую точку. Завалившись на бок, на локоть. Звон плыл в голове. Тончайший, как вылетевшее из камертона недосыгаемо верхнее «ля». И картинка расслоилась. Чтобы один прапорщик Риммер остался – главный – мне пришлось закрыть левый глаз ладонью.

– Эх, Андрюша, нам ли быть в печали! – воскликнул я, утёрся и сказал, тщательно отслеживая артикуляцию: – Неплохо бы продолжить посиделку!

Знал бы Риммер, какая замечательная история из жизни старшего опера Маштакова стояла за этой фразой! Крылатой, не побоюсь этого выражения!

Но прапорщик смотрел настороженно, без задора смотрел, с большим сомнением.

– Достаточно, господин штабс-капитан. Вы и так уже того.

Я и сам понимал отлично, что – того, но душа-то, она просит. Человек я тренированный, толерантность у меня под хорошую закуску – до литра водки, рвотный рефлекс практически утрачен. Но не законченный я алкаш!

Мы двинули во двор. Меня мотало, вещмешок я волок за собой по земле. У колодца снова разделся, и прапорщик вылил мне на голову три ведра ледяной воды. Я громко орал в процессе, фыркал, как конь. Шкура покрылась колючими мурашками, но кружение в голове не ослабло.

Мне известно, что таким способом моментально отрезвить человека невозможно. Также лжив рецепт, что если пьяного выставить из тепла на мороз, он якобы там протрезвеет. Чушь собачья, наоборот – окосеет окончательно. Выпивший человек должен оставаться в зоне комфорта. Пил в тепле, там и сиди.

Поспать часика три, хотя бы. Бр-р.

Потом я брился безопасной бритвой, обнаруженной там же, в сумке комиссара Мانتеля. Не сумка, а скатерть-самобранка.

Удивительно быстро выскоблив щеки и подбородок, придерживаясь для устойчивости левой рукой за сруб колодца, я вспомнил интересное и спросил у намыливавшего рядом голову Риммера:

– Андрей, вот существует одна про. проблема одна, над которой учёные умы бьются. Пингины это ведь птицы, хоть и не летают, так?

Прапорщик выплюнул изо рта струйку воды и кивнул:

– Ну.

– А белый медведь, как известно, самый крупный хищник на земле. Стра-ашный хищник. Так почему белые медведи не сведут вчистую всех пингинов?

⁵⁴ Цитата из песни В. С. Высоцкого «Милицейский протокол».

Риммер выпрямился, мыло попало ему в глаза, он сморщился. Я слил ему на руки. Умывшись, прапорщик, озадаченно примолк.

Понятное дело, если ученые мужи уши сломали.

– Пингвины, очевидно, преимущественно у воды держатся. При первой опасности в воду сикают. Плавают они хорошо, а медведи белые тоже плавают, но хуже, – Риммер приступил к серьёзным рассуждениям. – Или популяция у пингвинов очень многочисленная, размножаются быстро.

Я нашёл в волшебной сумке флакончик одеколona «Шипрь», свинтил колпачок и налил в ладонь:

– Нет, Андрюша, все гораздо сложнее. И не в популяциях дело. Просто пингвины на Южном полюсе живут, а белый медведь, он, чертяка, на Северном обитает. Проблематично ему до пингвинов добраться.

Риммер заразительно захохотал, стуча себя кулаком в безволосую грудь атлета:

– Ну-у, Михал Никола-аич, уели. Ну-у. А я, дурень, серьезно!

Я протёр одеколоном лицо, съежился от его крепости, и тоже засмеялся.

В июне месяце жена бывшая отдала мне девчонок на выходные, мы ходили с ними в парк, и Дашка купила меня этой детской загадкой.

Напоминанье о дочках, неожиданное, как быстрый больной укол, ширнуло в сердце сквозь хмельную блажь.

Не увижу их больше никогда!

Щека у меня задергалась и, боясь, что пробьёт сейчас на слезу, торопливо уткнулся я в полотенце.

Врете, суки! Как началась эта галиматья вдруг и непонятно, так же и закончится!

Как говаривал закадычный дружок мой школьный Вадик Соколов:

– Мы ещё с тобой кудрями-то потрясём!⁵⁵

Я с усилием отнял полотенце от лица, повёл плечами. Риммер, оказывается, разглядывал мой страшный синий шрам на боку.

Разумеется, спросил:

– Штыковое?

На что я, не вдаваясь в подробности, насупленными бровями показывая, что не настроен откровенничать, ответил:

– Австрийский тесак.

Риммер уважительно кивнул:

– Я в бою сегодня понял, что вы хаживали в рукопашные, господин штабс-капитан.

Во как! Чегой-то я, значит, стою. А жена меня уверяла всю дорогу, что человек из меня вышел пустой, изошренный вредитель семейный. Вроде колорадского жука. Хотя военные мои достижения, подвиги практически, былинные, очков в её глазах мне не добавили бы.

Эх, Андрей свет Батькович, а я мосинскую винтовку вчера впервые взял в руки. И под огнем окрестился тогда же. Хотя, понятное дело, я не парниковый огурец, бывал во многих передрягах, в том числе со стрельбой на поражение.

Со двора упомрачительно наносило съестным духом. В летней кухне под навесом дородная хозяйка с приданным ей в подмогу Кипарисовым готовили кулеш с салом. У меня потекли слюнки. И то – война войной, а обед – по распорядку.

Риммер, промытый до скрипа, свежий и ясноглазый, пошевелил ноздрями:

– От одного запаха опочить можно! Скорей бы, а то застроят.

Он как в лужу глядел. Офицеры скучковались вокруг кухни, нетерпеливо стучали котелками, заигрывали с хозяйкой, поручик Наплевович, зажмурясь, снимал пробу с дымившегося

⁵⁵ Цитата из песни В. С. Высоцкого «Милицейский протокол».

черпака, облитого жёлтой кашей, когда в ворота энергично зашёл полковник Знаменский. С сурово сведенными бровями. Придерживая шашку, он крутнулся на каблуке, как будто ожидая чего-то.

Через секунду я понял, чего ему не хватало.

Спохватившийся Климов истошно завопил:

– Га-аспада офицеры! Смирна-а!

Встрепенувшиеся господа офицеры приняли под козырьки. Те, что без фуражек оказались, вытянулись, взяв руки по швам. Обжегшийся горячим Наплевович уморительно сморщился, высунув кончик языка.

Из хаты выскочил Белов, пинком отшвырнув в сторону нехстати попавшего под ноги, истошно заоравшего рыжего кота.

– Во с-сколько с-сказано было пос-строение? – полковник напирал на свистящие.

Демонстрируя неудовольствие. Хрустя за спиной пальцами. Не торопясь с командой «вольно».

– Виноват, господин полковник, – Белов не стал лезть в бутылку.

Неужто прошли отведенные Знаменским два часа на всё про всё?

– Винова-ат, – язвительно передразнил полковник, дернул тонкой верхней губой. – Распустили взвод! Один погоны сорвал, в скирду залез, другой как в воду канул! В первом бою двое дезертиров! Пятно на весь полк! Вашу мать.

Видно было как Знаменский исповодоль распался себя. А такой интеллигент с виду – причёсочка волосок к волоску, усики подбритые, пенсне в золотой оправе.

Отчитываемый взводный из красного стал густо-багровым. Набывчившись и не отпуская от козырька подрагивавшей ладони, он катал по скулам желваки.

Мне страшно обидно сделалось за непосредственного начальника. Разве сторож он прапорщику Оладьеву? Разве можно за пару дней сцементировать сборную солянку? Разве не он додумался запалить солому, чем спас всю роту, брошенную под пулеметы? А вот лощеного Знаменского я в бою не видал, факт!

– Зря вы так, господин полковник, – я не сразу понял, что сказал вслух.

А когда сообразил, пожалел, что родился говорящим. Всю жизнь я страдаю за язык.

И было тихо, а стало вообще как на смиренном кладбище.

Знаменский рывком обернулся. С раздутыми ноздрями, с глазами, налившимися под стеклышками пенсне кровью.

– Что-о-о?! – дико заревел и двинулся в мою сторону.

В висках у меня пронзительно зазвенело и пересохло во рту. Полковник на полголовы выше, тяжелее кило на двадцать и, судя по реакции, в неплохой физической форме. Но разок по бороде ему я успею смазать!

Миша, окстись, у тебя по ходу дела окончательно планка упала? Драться с белогвардейским полковником?

– Неподчинение команди-и. – истово затянул Знаменский, но, осекшись на полуслове, окаменел лицом: – Да вы пьяны, штабс-капи-та-ан! Как зюзя! В боевой обстановке!

Какое завидное обоняние у полковника. Бывшей моей супружнице не уступит. Та даже кружку пива через час после употребления просекала. Ей бы не учителем словесности трудиться, а гаишником. На пару с полковником Знаменским.

У меня хватило ума больше не вкаться.

– Капитан Белов! – громыхал полковник. – Пьяницу немедля разоружить и под арест! Под суд пойдет! Развели ба-ла-ган! Взводу выходить на ротное построение!

И, клопочущий от негодования, удалился.

– Поручик Наплевович, – угрюмо скомандовал Белов, – примите у штабс-капитана оружие и португую. Отконвоируйте в сарай до разбирательства.

Косолапо подошёл Наплевхевич. Было видно, что ему неловко. Подбородок у него оставался испачканным успевшей подсохнуть кашей.

– Как кулеш, удался? – спросил я.

– А? – поручик не понял.

Зато дотумкал взводный Белов. Он буквально зарычал:

– Маштаков, у вас с головой всё в пор-рядке?!

Я пожал плечами:

– Не знаю. Четыре дня назад крепко по кумполу дали. До сих. это самое. пор гудит.

– От вина она у вас гудит. А больше от дури! – Штабс-капитан согнал за спину складки гимнастерки, обернулся и прикрикнул на замешкавшихся: – Живее, живее, господа! Бегом!

Я рассупонился и протянул Наплевхевичу портупею:

– Веди в острог, начальник.

Поручик посмотрел на меня непонимающе. Блатное обращение, развязная интонация ему в диковинку.

Он кивнул на бурливший котёл:

– Налейте в манерку, господин штабс-капитан, не то без обеда останетесь.

Я немедленно последовал его доброму совету, едва не проглотив язык от обалденного запаха.

7

Без ремня, с парящим котелком каши в руке, под конвоем поручика Наплевхевича, навьюченного оружием – собственным и моим, шёл я по улице. В поисках места содержания под стражей.

В прошлой жизни мне доводилось побывать в неволе. Дважды попадал на «губу»¹ в Советской армии. Сперва отсидел восемь суток у лётчиков в Тагиле, а через полгода – неделю в артполку в Свердловске.

Восьмое марта две тысячи первого года по протекции жены с тёщей встретил на офицерской гауптвахте. Это был последний день моей многотрудной деятельности в органах МВД.

Страх сейчас я не испытывал. Рубль за сто, не расстреляют. Какое к черту неповиновение в боевой обстановке?! Нет, то, что выпивши – признаю полностью. Так ведь положено на фронте! Сто граммов каждый день, в гвардейских частях – сто пятьдесят. Во всех книжках о войне так пишут! Не-е, не расстреляют. Помурыжат для порядка под замком. Хоть порубаю спокойно. Отосплюсь, если получится.

По дороге масса народу встречалась, никто внимания на нас не обращал. Только двое нижних чинов, возившихся вокруг тачанки со снятыми колесами, удостоили.

– Никак шпиёна пымали! – сказал один, в грязной бороде.

Губастый напарник ему поддакнул со знанием дела:

– Лазунчика!

Я обернулся к ним и оскалился хищно:

– Р-р!

Бородатый вздрогнул и перекрестился:

– Свят, свят, свят.

Мы прошли почти до конца улицы, мимо места, где я убил красноармейца. Трупы убрали. О случившейся утром штыковой сшибке напоминала пересохшая, в трещинах цвета говяжьей печени лужица, подле которой неотвязно крутилась ледащая дворняга. Принюхивалась жадно.

В первый год работы в прокуратуре, поездив на происшествия, я усвоил, что домашняя живность неравнодушна к человеческой крови.

– Здесь, что ли? – Наплевхевич остановился.

– Сейчас гляну, – я завернул во двор.

На пороге крытой камышом сарайки сидел юнкер из моего отделения. Он приставил к колену лезвием перочинный ножичек и, придерживая его за рукоять указательным пальцем, сделал резкое движение рукой. Нож вонзился в утрамбованную землю. Юнкер выдернул его и крутнул с локтя. Снова удачно.

– Тут арестантские роты чи нет? – спросил я громко.

Юнкер, подхватив отставленную к двери винтовку, вскочил тугой пружиной. Щёки его залило пунцовой краской.

– Господин штабс-капитан! – вздёрнув подбородок, начал рапортовать.

– Отставить, – остановил я его. – Это неактуально. Принимайте сидельца.

Юнкер не понимал. Голубые глаза его распахнулись до предела. Рассмотрев, что я без ремня и оружия, а за мной следует Наплевхевич с двумя винтовками на плече, он не сдержал бранного слова:

– ! А вас-то за что?

– Начальство критиковал, – ответил я с деланной скорбью, беззастенчиво заимствуя фразу из любимого Довлатова.

– Нет, на самом деле? – юнкер не унимался.

– А на самом деле, господин Львов, караульную службу надлежит нести как предписано уставом! – помрачневший Наплевхевич окоротил юнкера.

Я покосился на поручика. Вот бы не подумал, что этот олимпийский мишка, талисман дружбы народов, может так жёстко окрыситься.

Юнкер вытащил из накинутого пробоя согнутый ржавый гвоздь, скинул накладку и отворил дверь, висевшую на верхней петле. Я шагнул в полумрак сарая. Здесь пахло земляной сыростью и мышами. Высохшим куриным пометом. Тронутым плесенью, отслужившим век хозяйственным хламом.

Дверь визгливо проныла, закрывая путь на волю. Хотя, какая там к ляху воля?

– Есть живой кто? – Дабы сослепу не влететь лбом в косяк, я шарил по темноте свободной рукой. – Прапорщик Оладьев, отзовитесь!

Сто лет не нужен мне этот Оладьев, судьба которого, по ходу дела, решена бесповоротно. Но раз я заехал в хату, с сокамерником надо – по-людски. Хотя бы из соображений безопасности. Чтобы можно было придавить на массу, не боясь, что он примется душить меня сонного.

В углу произошла возня, тяжелое там упало, и ойкнул от боли человек.

– Я здесь, – жалким голосом обозначил себя Оладьев.

Адаптируясь к сумраку, я переместился на голос, различая крупные габариты фигуры, сидевшей на полу с притянутыми к лицу коленями.

– Вы, с-с. кто? – всхлипнул Оладьев.

– Ваш товарищ по несчастью. Штабс-капитан Маштаков, – на всякий случай я не приближался на расстояние удара.

Обоснованно полагая, что у прапорщика не имеется причин испытывать ко мне теплые чувства.

– Ма. Маштаков? – переспросил он недоверчиво и, откинувшись к стене, зашелся визгливым истерическим смехом. – Ой, не могу! Ма. мамочка! Не могу-у-у-у! За верную-то службу. Под замок пса цепного, под замок!

Я стойчески переждал, когда он проблеется. Хотя по уму «пса цепного» стоило с зубами вместе вколотить ему в глотку. С ноги.

Оладьев, медленно успокаиваясь, подвизгивал.

А я – душа смиренная, мякиш для беззубых – предложил ему радушно:

– Порубаем? Я кулеша урвал полный котел. Только хлеба нема.

– Что-с?! Нет, я не буду. Не желаю! – активно затряс большой башкой Оладьев.

Я присел перед ним на корточки. Смакуя, повел носом над котелком:

– Кулешик-то удался! Жирный! На сальце! С дымком!
А у самого, как у собаки Павлова, слюна во рту клокотала.
Оладьев с минуту покобенился и сломался:

– Ну давайте!

Вытаскивая из-за голенища прибранную вчера к рукам деревянную ложку, я хмыкнул про себя злорадно. Вот крыса, только что псиной обзывал, злорадствовал, что меня закрыли, а теперь хавку из моих рук принимает. Слизь!

Конкретно мы с прапором порубали. Азартно, наперегонки, с аппетитным чавканьем, с подсосом. Когда ложки застучали по дну, отвалились от котелка тяжело, в разные стороны.

– Курнуть бы теперь. – Я мечтательно оглаживал тугой живот.

Оладьев снова уткнулся одутловатым лицом в ладони, заблажил:

– Го-осподи, у меня детишки. Трое! Мал-мала меньше. У Сони затемнение в легких обнаружили. Я не военный человек! Не военный.

По почтовому ведомству служил. Я не умею всего этого. Стрелять! Убивать! Маршировать. Вам хорошо!

Понесло его конкретно. А меня утащило в сон. Повело на ель, в мягкую постель, там своё возьмем⁵⁶. Я как в яму бездонную аспидную ухнул. У-ух!

Разбудили насекомые. Блохи-суки сон мой заслуженный потревожили. Расчесав грудь и под мышками, я размежил слипшиеся веки. Сколько я продрых, интересно? Часа два? Или больше?

Эх, да у меня «котлы» на руке. Я отвернул обшлаг гимнастерки. Стрелки на круглом циферблате склеились. Большая крыла маленькую. Половина шестого, что ли?

В углу тихонько выл Оладьев. Я сделал вид, что снова закемарил. Желанием выслушивать его стенания не горел.

Я искренне изумился – как люди годами сидят? Получат лет десять строгого и – не жди меня, мама, хорошего сына. Сначала в СИЗО. А там – камеры переполнены, до ста рыл в одну «хату» администрация набивает. Спят в четыре смены. Вентиляции нет. Сырость. Вши, клопы табунами ходят. Туберкулез. Неподъемное понимание невозможности совершать простые действия, абсолютно неценные людьми в обычной жизни.

Хвала Аллаху, я до тридцати шести лет дотянул и не сел. Хотя мог бы, особенно в молодые годы.

Как любил прикалываться за рюмкой напарник мой Лёха Тит: «Сейчас бы был вором в законе!» А что? Отличная альтернатива! Дружился бы с большими мужиками. С губернатором, с начальником областного УВД, с депутатами разными. Ездил бы на шестисотом «мерсе».

А так в активе у меня только два года срочной службы. Советская армия, по большому счету, несильно от зоны отличалась. Вваливать там приходилось даже больше. В колониях сейчас с работой – беда.

«Губа» в армии это навроде «шизо»⁵⁷ в колонии. Или даже «БУРа»⁵⁸. Тюрьма в тюрьме.

Первый раз я загремел на гауптвахту летом 1984 года на летних тренировках под Нижним Тагилом начинающим борзеть «черпаком». Мы стояли в чистом поле в палатках. Возможностей для творчества открывалось в миллион раз больше, чем в полку, где на каждом шагу комендантские патрули.

За лесом, через поле – деревня с сельмагом, в котором в ассортименте портвейн в «бомбах» емкостью 0,8 литра. Тропу туда мы проторили на второй день. Затарились на всех, кому по сроку службы положено, возвращаемся в расположение, а тут трактор «Беларусь» подвер-

⁵⁶ Строчка из песни А. Розенбаума «Лесосплав».

⁵⁷ «Шизо» – штрафной изолятор.

⁵⁸ «БУР» – барак усиленного режима (тюремн. сленг).

нулся. В попутном направлении мужики едут. Чтобы ноги не бить, мы попросились в тележку. Водилы с моего призыва – Гена Лемешкин, Саня Усов и я, старший оператор ЗСУ-23-4-м. В чёрных рабочих комбезах, пилотки снимали, мужики для маскировки Гене фуражку заняли, Усову – шляпу.

Трясёмся на ухабах, за металлические борта держимся, мешок, набитый «бомбами» «Агдама», как зеницу оберегаем. Гляжу – трактор не туда рулит.

– Эй! – орём.

Мужики, которые с нами в тележке, говорят:

– Щас в контору за путевкой Натаха заскочит!

На ступеньках конторы курили наши офицеры во главе с врио комбата старшим лейтенантом Кузьмичёвым.

Я упал на дно тележки, в ошмётки унавоженной соломы. Но напрасно. Кузьмичёв был настоящим зенитчиком с прекрасным зрением и отменной реакцией. За трактором он, разумеется, не погнался, а только показал нам загорелый жилистый кулак.

В томлении перед неминуемым разоблачением мы по дороге раскатали один пузырь на троих и с отвычки опьянели. До вечерней поверки, пользуясь отсутствием офицеров, под гитару в палатке горланили песни Юрия Антонова, пренебрегая увещеваниями дежурного по батарее.

На построении врио комбата вывел нас дураков перед строем и каждому лично заехал в грызло.

На следующее хмурое утро в сопровождении лейтенанта Гриневского мы на шестьдесят шестом «газоне» покатали на гауптвахту местного авиаполка. Своей властью Кузьмичёв выписал каждому по трое суток за нарушение распорядка дня.

На «губе» нас радушно встречал колобок в погонах старшего прапора.

– Заходьте, заходьте, сынки! – с каждым он поздоровался за руку. – Завтрак простынет.

Мы недоумевали. Дисциплинарный арест нам представлялся иначе.

А тут – рассыпчатая, на чистом сливочном масле пшённая каша, глубокая миска вареной рыбы, по две шайбы масла, хлеб – только белый, сахар-рафинад.

Лейтенант Гриневский, выполнив возложенную на него задачу, заморожено глядел на накрытую «поляну».

– Похавайте с нами, таш нант, – радушно предложил оправившийся после вчерашней экзекуции Гена Лемешкин.

Гриневский отказался и укатил весь на измене, что воспитательное значение наложенного взыскания под угрозой.

После завтрака мы развалились на лавках, скинули ремни, расстегнули хэбэшки до пупа. В сытой истоме закурили.

– Ка-айф!

– Ну что, сынки, порубали? – на пороге возник старший прапорщик. – Пошли теперь поработаем. Берите лопаты.

Во дворике нас ожидало двое выводных с примкнутыми к «акаэмам» штыками. Жилистый младший сержант «дед» в ушитой хэбэшке и очкастый чмарной «дух».

– Споем, жиган, нам не гулять на воле! – затянул Гена.

Он знал пропасть блатных песен. Старший брат был у него рецидивистом.

Очкарик «дух» спал на ходу. «Дед», повесивший автомат на грудь, слушал с нескрываемым интересом. Лемешкин обладал приличным хриповатым тенорком.

Нас привели на железнодорожный переезд, где стояли три отцепленные платформы с гравием.

– Сынки, – подоспел запыхавшийся прапор, – каждому по платформе. Делаем, очищаем подъездные пути и усё. Свободны.

– Да вы чё, тарих прапорщик, – у меня упала челюсть, – тут на неделю работы!
– Сорвете разгрузку— сутки «дэпэ».

Мы с грехом откинули борта и обречёно покарабкались на платформы.

Гравий был крупный, каждый камень размером с кулак врио комбата Кузьмичёва, штыком лопаты получалось подцепить лишь пару-тройку камней. Штык отказывался вонзаться в гравий, скрежетал, сшибая верхушки. Через полчаса адского труда, сравнивая мизерную россыпь на земле с пятью тоннами, громоздившимися на бесконечной платформе, я впал в отчаяние.

«Дед» выводной курил на пригорке с голым торсом, рихтовал на солнышке загар. Автомат лежал у него под рукой. Перед ним, изгибаясь на трясущихся руках, отжимался молодой.

– И р-раз!

А я лопатой в камень – р-раз!

Этот самый, как его, Сизиф ни в жизнь бы с нами не поменялся. Вот когда я проклял по-настоящему, что бросил институт.

К полуночи в кромешной тьме, ползая на карачках, мы выгребали остатки гравия от рельсов. Обессиленные, с сорванными в кровь ладонями.

На губе нас ждали обильные обед с ужином и сутки «дэпэ», дополнительного ареста. Комендант или начкар¹ имели право накинуть только одни сутки, но неограниченное количество раз. Единожды попав на гауптвахту, реально можешь не выйти оттуда до дембеля.

Наутро нас разбудили только к завтраку. Старший прапорщик принес йоду и бинтов, подлечить руки.

– Не торопитесь, сынки, покурите, – сказал он, – платформы часам к десяти подадут, не раньше.

Мы поняли, почему нам мягко стелили. В авиационном полку соотношение офицеров и солдат тире сержантов было не такое, как у нас. Каждый солдат у них наперечёт, а тяжёлых хозработ подваливало не меньше, чем в любой-другой части.

Губари в лётном полку пахали, как папы Карлы. Зато здесь полностью отсутствовали ограничения в еде и сне, многочасовые строевые занятия и унижительные шмоны. Всё то, чего я полгода спустя вдоволь хлебнул на «губе» артполка в Свердловске.

Постепенно гауптвахта наполнилась. Заехали двое наших – оператор дальности «шилки» Зиннур Касимов за кражу сухая и несгибаемый беглец Коля Баранов, страдающий энурезом. Земляк мой со сто пятого полка Андрюха Погонин за самоход. Троица кентов с зенитного дивизиона за неуставщину.

Норму мы не выполнили ни разу, автоматом получая сутки «дэпэ». Перевод с разгрузки гравия на асфальтирование дорожек в офицерском городке показался нам благодатью божьей.

Через восемь суток с утра прикатил наш «шестьдесят шестой», из кабины которого упруго выпрыгнул старший лейтенант Кузьмичёв.

Насмешливо оглядев нас, с чёрными от грязи и загара мордами, исхудавших, с оттянутыми до колен, как у орангутангов, руками, он прошёл в караулку. Под мышкой у Кузьмичёва был продолговатый газетный сверток, который почему-то булькнул.

Через пять минут он подкатил к нам развинченной своей походочкой гимнаста.

– Ну чего, архаровцы, хорош балдеть? Стрельбы на носу! Прыгайте в кузов.

Холерик Гена, мгновенно ставший пунцовым, сдёргнул с головы засаленную пилотку и уткнулся в неё. У меня тоже к горлу солёный крутой клубок подкатился.

Ни на тренировках в Тагиле, ни потом на стрельбах в Чебаркуле мы даже не смотрели в сторону сельмагов. Будто заговоренные.

Блин, а вот в артполку на «губе» полный беспредел был.

..От воспоминаний, до которых я большой охотник, отвлекли вой сокамерника и нараставшая извне песня. Слова А. С. Пушкина, музыка народная, на мотив «Варяга».

– ...и ско-оро ль на ра-адость сосе-едей-враго-ов

Моги-и-ильной засы-ыплюсь земле-е-ою?..

Взвизгнула немазаной петлей увечная дверь. В проёме согнулась чёрная фигура, разглядывая нас в потемках:

– Выходите!

– Могильной землю засыпаться? – сорвалось у меня с языка.

– Что? – не сразу разобрал вошедший, а, оценив, отрывисто хохотнул. – Шутки у вас, Михал Николаич, однако.

Это оказался Риммер. Когда я, почесываясь, приблизился к нему, разглядел, что он принарядился в кожаные брюки.

– Выходите, выходите, господин штабс-капитан! – прапорщика распирало от возможности первым сообщить радостную весть. – Арест ваш отменен. Взводный ходил на доклад к полковнику Никулину. Вы амнистированы.

– С погашением судимости? – деловито перебил я.

Риммер снова заржал. Чувство юмора у меня природное. Тонкое, но не всем понятное.

Юнкер Львов расплылся в белозубой молодой улыбке. Поодаль топтался Наплевович, явно сконфуженный. В охапке поручик держал мой заплечный мешок и «сбрую» с кобурой.

– Извините, Михаил Николаевич, – сморщился он бритым лицом.

– Пустое, поручик, – Чужая деликатность меня тронула.

«Вот чудак-человек, будто по собственной воле ты меня в холодную посадил!»

Риммер помог облачиться в боевые ремни. Ощувив тяжесть нагана на правом бедре, я сразу перестал чувствовать себя изгоем. Дабы утвердиться в своей реабилитации, положил ладонь на клапан кобуры, оказавшийся неожиданно прохладным.

Как ни бравировал я, что не боюсь ареста, что байда всё это, дотошный червячок точил сердечко. Кто знает, какие у них здесь порядки?

Наплевович протянул раскрытый портсигар. Я с удовольствием угостился. До отказа затянувшись, вентилируя дымом изголодавшиеся по никотину легкие, поинтересовался:

– Как командира корпуса встретили?

Риммер прыснул:

– Скандал, господин штабс-капитан! Комедия Мольера! Попович наш, когда церемониальным маршем рота проходила, споткнулся, винтовку выронил! Шеренги сбились! Ка-аша...

– Ну, ну, а дальше что? – я поддался его азарту.

– А что дальше? Кутепов стоит туча тучей. Набычился! Скоблин, наоборот, весь багровый. Дёргается, на носках пружинит. Если бы не ком-кор, он бы точно поповичу в рыло заехал. Ну потом, ясное дело, ротный душу отвел! Все по-матушке, по-голубушке! Посулил, всё свободное время будем строевой заниматься!

– А Кутепов?

– Укатил на авто! Ха, конвою с ним всего взвод кавалеристов! Отчаянный!

Я испытал разочарование оттого, что не увидел воочию генерала Кутепова Александра Павловича, про которого столько читал. Ему сейчас тридцать семь, мы почти ровесники. Мало кто знает, что в феврале семнадцатого года сводным батальоном преображенцев и кексгольмцев он пытался укротить замешанную на кровавых дрожжах опару революции. Найдись тогда в Петрограде десяток таких полковников! С первых дней Кутепов в Добровольческой армии, и – до последних. Не разуверится, не снимет погон, не продается. В 1930 году в Париже будет тайно похищен внешней разведкой ОГПУ и сразу убит.

Когда в брежневские времена я по крупицам собирал информацию о Белом движении, в «Большой Советской энциклопедии» прочёл куцую статью про Кутепова. И изумился – дата

его смерти стояла под знаком вопроса. Больше полувека коммунисты скрывали, как был убит генерал. Стыдились, что ли?

Жаль, не удалось хоть одним глазком взглянуть на Кутепова! А с другой стороны, неплохо, что от строевого смотра сачканул. Опозорился бы за компанию с Кипарисовым.

Докурив, я закинул на одно плечо «сидор», на другое – винтовку. Жара под вечер поотпустила, солнце перестало яриться. Ветерок объявился, ароматы свежего навозца принёс. Сельская идиллия.

– Искупаться бы, – размечтался я.

Риммер хмыкнул:

– Как бы не так. Через четверть часа построение.

– Чего опять такое? Ночевать где будем? Здесь, в Гати?

Прапорщик пожал неохватными плечами:

– А я зна-аю?

Мы побежали и успели только-только. Рота уже строилась на площади. Задрав головы, офицеры с интересом рассматривали островерхую башенку колокольни, красный кирпич которой был исклёван оспинами пулевых попаданий. Оттуда, из-под медью крытого купола, увенчанного крестом, работал «максим» большевиков.

Как только наши исхитрились сбить его? Я вспомнил выверенные действия пулемётного расчёта, оборудовавшего позицию на вековой ветле. Причмокивание скоб-ступенек, вколачиваемых в мощный ствол. Подпоручика в кожанке, по-обезьяньи ловко вскарабкавшегося наверх. С такими ребятами можно воевать.

– Р-рота, р-райсь! Иррна! – перед строем стремительно появился друг мой Знаменский. – Напря-аво! Ша-агм арш!

И через десяток метров хищно рявкнул:

– Р-рот-та!

Офицерская рубанула строевым. Эффект не тот, конечно, что на плацу, но всё равно впечатлил. Я старался изо всех сил – до отказа тянул носок, высоко поднимал ноги и резко впечатывал подошвы в утрамбованную землю.

Полковник Знаменский, шедший слева от строя, недовольно, как будто ему за шиворот насыпали трухи, повёл тугой шеей:

– Не слышу рот-ты! Поручик Феофилактов, вы не в юбке! Выше ногу!

Один в один как наш зампотех Жабин! Тот тоже чуть что: «Не слышу батареи!».

От пенсне на переносице полковника отприкошетировал в небо солнечный зайчик.

Я начал задыхаться. В натуре, я не кремлевский курсант, чтобы полкилометра в горку строевым переть!

За околицей Знаменский скомандовал «вольно» и «левое плечо вперед». Офицерская повернула в чисто поле, завияляла по вымоинам, теряя монолит.

Нет, возжелай он погонять нас, оставил бы на просёлке.

Полковник остановил роту и скомандовал «направо». Молча пошёл перед строем, придирчиво разглядывая тянувшихся перед ним офицеров.

Радуясь, что место моё во второй шеренге, я подогнул колени, пытаюсь спрятаться за стоявшим впереди Наплевовичем.

Не помогло. Знаменский не упустил случая прижучить:

– Штабс-капитан Маштаков, подберите штык. Болтаете штыком, как кочергой!

Я поддернул винтовочный ремень, чтобы утвердить штык в вертикальном положении. Не знаю, добился ли нужного результата. По крайней мере, полковник больше ничего не сказал, прошёл на левый фланг.

Подпоручик Цыганский, свернув набок рот, прошептал:

– Па-амятливый.

Взводный Белов моментально обернулся, ожёг Цыганского свирепым взглядом. Тот окаменел лицом.

От села в нашу сторону по гумнам двигалась кучка военных. Узнав в переднем (без погон, распояской) прапорщика Оладьева, я понял, зачем привели сюда роту. Плечи и грудь у меня зазудели, будто от чесотки.

Оладьев шел грузно, заложив за спину руки. Понурившись, полуоткрыв рот.

Что испытывает, что чувствует человек за несколько минут до казни? Вот и всё, вот он – край пропасти, шагнуть за который самому в здравом уме невозможно. А как же это небо и цвета переспелой малины солнце, клонящееся за курган? Куда денутся стремительные стрижи и яростный собачий брех? Как они останутся без меня? Куда я уйду?!

Наверное, надежда на то, что палачи опамытуются, поймут, что замыслили жуткое, беспредельное, удерживает смертника в разуме.

Впрочем, вряд ли бывший прапорщик, судя по дикому взгляду его, открывшемуся, когда он отважился поднять голову, судя по развесистым слюням, оставался в рассудке.

На шаг позади Оладьева с винтовкой наперевес шагал юнкер Львов. С другого бока – незнакомый подпоручик. На фоне их чётких движений Оладьев тёк растаявшей медузой. Живые конвоировали покойника.

Полковник Знаменский вернулся на середину перед строем. Казалось, не замечая остановившихся позади него Оладьева и конвоиров, снял с переносицы пенсне, достал платок и стал старательно протирать стеклышки. Потом спрятал оптику в нагрудный карман, откуда взамен, как фокусник, выдернул листок бумаги.

– Военно-полевой суд первого ударного генерала Корнилова полка, рассмотрев дело прапорщика Оладьева Петра Артемьевича.

Никто мне этот Петр Артемьич, сука он, погоны сорвал и в стог залез, когда мы шли на пулеметы, но неуж обязательно за первый косяк мазать ему лоб зеленкой?!

Ну разжаловать, ну в дисциплинарную часть сунуть, пусть кровью искупает. Гражданский человек, по почтовому ведомству служил, страшно стало. Это так все понятно!

В мое время в конце девяностых высоколобые гуманисты запретили казнить самых страшных кровавых преступников. Людоедов!

– Расстрелять! – Знаменский прочёл приговор с выражением, на одном дыхании, оторвался от листка и торжествующе посмотрел на роту.

Мне показалось, он выискивал в строю меня.

А с правого фланга по команде отделился десяток офицеров. Вот, вот почему называется – отделение! Потому что отделяется. В колонну по одному, в ногу переместились ударники к центру. Повернулись, встав перпендикулярно к роте... слаженно, сняв с плеча винтовки и приставив их к ноге.

Оладьев рухнул на колени, отчаянно обхватив кудрявую башку руками. Взвыл.

– Вста-ать! – насмешливо крикнул полковник. – Умереть и то не можете!

Я уткнулся глазами в стриженный, перечёркнутый мясистой складкой затылок Наплевовича.

Утробный, на невообразимо низкой ноте вой перебил лязг передергиваемых затворов и команду:

– Ат-диление, цельсь!

Переморщившись, я напряжённо ждал залпа, но всё равно пропустил, содрогнулся до ёканья селезёнки. Рота подавленно молчала. У подпоручика Цыганского громко забурчало в животе.

Знаменский не отказал себе в удовольствии прочесть заключительную мораль:

– Так будет с каждым трусом и предателем!

9

По возвращении в село взводный сунул мне несколько листков бумаги.

– Заполните послужной список, штабс-капитан. Причём немедленно. Мне всю плешь с вами проели.

Я машинально кивнул, с опаской разглядывая желтоватые плохого качества листы, на которых типографским способом была отпечатана табличка, поделённая на графы под римскими цифрами.

Меня всё же хватило на то, чтобы криво улыбнуться:

– Не люблю, это самое, к-канцелярщину...

Фраза получилась глупой и ненужной. Белов, впрочем, не обратил на неё внимания.

– Вот ещё что, Михаил Николаевич, – сказал он с расстановкой, – в конце укажете, что данные о вашей личности удостоверяют командир третьей роты капитан Кромов и я. Понятно для чего?

Чего тут может быть непонятного? Ежу ясно!

– Благодарю, господин штабс-капитан! – На этот раз не пришлось симулировать искренность. – Я не подведу!

– Посмотрим, – Белов не был расположен к патетике. – Только поразборчивей пишите, а то переписывать заставят.

Легко сказать давай пиши, когда по теме ни ухом, ни рылом.

С завистью глядя на офицеров, которые в предвкушении ужина, заслуженного отдыха и ночлега под крышей гомонили, разоблачаясь от снаряжения, пошагал в хату. Трепетно сжимая в руке листки формуляра.

Уселся у оконца за шатким дощатым столом, вытащил из сумки карандаш, помусолил грифель и с ходу заполнил первую графу: «Чинь, имя, отчество и фамилія». Написал в ней – «Штабсь-капитань Маштаковъ Михаш Николаевич».

И тут крепко задумался над малоизвестными мне правилами дореволюционной орфографии. То, что в конце всех слов мужского рода, оканчивающихся на согласную, надо ставить твердый знак, я был в курсе. А вот насчет «и десятеричного» и «ятя» сомневался сильно.

Когда их писать, а когда нормальные «и» и «е»? Почему в слове «фа-милія» после «эм» пишется обычная «и», а после «эл» – десятеричное «і»?⁵⁹

⁵⁹ По правилам старой орфографии буква «и десятеричное» («і») вместо «и» писалась во всех случаях, когда после «и» следует гласная буква. То есть, написание «Михаш Николаевич» – неправильное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.